

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

1

2025

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	КОНДРАЛЬ А. А. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by
Бон Т.	Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волански Ф.	Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жанбосинова А. С.	Научно-исследовательский центр Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Жеребцов И. Л.	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.
Линднер Р.	Констанцский университет, Констанц, Германия.
Минасян Э. Г.	Ереванский государственный университет, Ереван, Армения.
Упадуэй А.	Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Нью-Дели, Индия.
Фишер Д.	Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
Фэн Ш.	Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М.	Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Белусов Л. С.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Вабищевич А. Н.	Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Космач В. А.	Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В.	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Лозовиук П.	Западно-Чешский университет, Пльзень, Чехия.
Локотко А. И.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзальюк И. А.	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н.	Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р.	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Новгородский Т. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Пилипенко М. Ф.	Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ураков Д. Ж.	Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан.
Ходин С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	КОНДРАЛЬ А. А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі новага і наваейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by

Бародкін Л. І.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т.	Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Валанскі Ф.	Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жанбасінава А. С.	Навукова-даследчы цэнтр Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л. М. Гумілёва, Астана, Казахстан.
Жарабцоў І. Л.	Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктывкар, Расія.
Лінднер Р.	Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Мінасян Э. Г.	Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, Ерэван, Армения.
Упадуэй А.	Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Нью-Дэлі, Індыя.
Фішэр Д.	Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.
Фэн Ш.	Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М.	Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Белавусаў Л. С.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Вабішчэвіч А. М.	Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э.	Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Карпаў С. П.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г.	Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А.	Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лазавюк П.	Заходне-Чэшскі ўніверсітэт, Пльзень, Чэхія.
Лакотка А. І.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В.	Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А.	Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р.	Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М.	Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Навагродскі Т. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Нячухрын А. М.	Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Піліпенка М. Ф.	Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Уракаў Д. Ж.	Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя Мірзо Улугбека, Ташкент, Узбекістан.
Ходзін С. М.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	KAKHANOUSKI A. G. , doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	MENKOUSKI V. I. , doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	KONDRAL A. A. , PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kondral@bsu.by

Bohn T.	Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh.	School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies, East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D.	University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R.	University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Minasyan E. G.	Yerevan State University, Yerevan, Armenia.
Šmigel' M.	Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A.	Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F.	Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
Yanouski A. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhanbossinova A. S.	Research Centre of L. N. Gumilyov, Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
Zherebtsov I. L.	Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Belousov L. S.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Duk D. V.	Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
Karpov S. P.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G.	Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Koshelev V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A.	Vitebsk State University named after P. M. Masharov, Viciebsk, Belarus.
Kovalenya A. A.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V.	Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrionovich D. S.	Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
Lokotko A. I.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Lozoviuk P.	University of West Bohemia, Plzeň, Czechia.
Marzaluk I. A.	House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M.	Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Miknys R.	Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N.	Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Novogrodsky T. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Pilipenko M. F.	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Centre for the Belarusian Culture, Language and Literature Research, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Tumans H.	University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N.	Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E.	Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
Urakov D. Z.	National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 9.94

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ В 1920–30-х гг.

Л. В. КЛИМОВИЧ¹⁾, А. А. ШАБАНОВА²⁾, Л. А. ШАЙПАК¹⁾

¹⁾ Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова,
пл. Ленина, 4/5, 432071, г. Ульяновск, Россия

²⁾ Казанский федеральный университет,
ул. Кремлёвская, 18, 420008, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Аннотация. Исследуется деятельность высших учебных заведений, которые были созданы русскими эмигрантами за рубежом для молодых людей, уехавших из России после событий 1917 г. Данные учреждения позволили эмигрантской молодежи получить профессию. Кроме того, они сыграли значимую роль в социализации и адаптации молодых людей

Образец цитирования:

Климович ЛВ, Шабанова АА, Шайпак ЛА. Из опыта работы высших учебных заведений зарубежной России в 1920–30-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2025;1:5–11 (на англ.).
EDN: UBSVGK

For citation:

Klimovich LV, Shabanova AA, Shaipak LA. The work of higher education institution of foreign Russia in 1920–30s. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2025;1:5–11.
EDN: UBSVGK

Авторы:

Людмила Валерьевна Климович – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории историко-филологического факультета.

Анастасия Александровна Шабанова – кандидат филологических наук; доцент кафедры русского языка предбакалаврской подготовки подготовительного факультета для иностранных учащихся.

Леонид Александрович Шайпак – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории историко-филологического факультета.

Authors:

Luydmila V. Klimovich, doctor of science (history), docent; professor at the department of history, faculty of history and linguistics.

lusek84@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3541-7159>

Anastasia A. Shabanova, PhD (philology); associate professor at the department of Russian language for pre-bachelor's degree preparation, preparatory school for international students.

sha02@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0403-2996>

Leonid A. Shaipak, doctor of science (history), full professor; professor at the department of history, faculty of history and linguistics.

shaipak@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1114-2579>

в европейских странах. Подчеркивается, что в этих учебных заведениях сохранялись дореволюционные принципы организации учебного процесса. Отмечается, что центром формирования системы вузов для российской эмигрантской молодежи стала Чехословакия. На основе анализа современных исследований по рассматриваемой теме формулируются основные тенденции в образовательной среде зарубежной России. С помощью историко-типологического метода выявляются особенности функционирования и типология образовательных учреждений в разных странах. С использованием историко-сравнительного метода сравниваются процессы, происходившие в европейском образовательном пространстве. С помощью биографического метода устанавливается роль эмигрировавших из России ученых и общественных деятелей в организации обучения русской молодежи за рубежом. В работе используются материалы Государственного архива Российской Федерации и Национального архива Чешской Республики.

Ключевые слова: история России; высшее образование; русская эмиграция; университет; образовательная среда.

З ВОПЫТУ ПРАЦЫ ВЫШЭЙШЫХ НАВУЧАЛЬНЫХ УСТАНОЎ ЗАМЕЖНАЙ РАСІЇ Ў 1920–30-я гг.

Л. В. КЛИМОВІЧ^{1*}, А. А. ШАБАНАВА^{2*}, Л. А. ШАЙПАК^{1*}

^{1*} Ульянаўскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. М. Ульянава,
пл. Леніна, 4/5, 432071, г. Ульянаўск, Расія

^{2*} Казанскі федэральны ўніверсітэт,
вул. Крамлёўская, 18, 420008, г. Казань, Рэспубліка Татарстан, Расія

Анотацыя. Даследуецца дзейнасць вышэйшых навучальных устаноў, створаных рускімі эмігрантамі за мяжой для маладых людзей, якія пакінулі Расію пасля падзей 1917 г. Гэтыя ўстановы дазволілі эмігранцкай моладзі атрымаць прафесію. Акрамя таго, яны сыгралі значную ролю ў сацыялізацыі і адаптацыі маладых людзей у еўрапейскіх краінах. Падкрэсліваецца, што ў названых установах захоўваліся дарэвалюцыйныя прынцыпы арганізацыі працэсу навучання. Адзначаецца, што цэнтрам фарміравання сістэмы вышэйшых навучальных устаноў для расійскай эмігранцкай моладзі стала Чэхаславакія. На аснове аналізу сучасных даследаванняў па ўказанай тэме фармулююцца асноўныя тэндэнцыі ў адукацыйным асяроддзі замежнай Расіі. З дапамогай гісторыка-тыпалагічнага метаду выяўляюцца заканамернасці функцыянавання і тыпалогія адукацыйных устаноў у розных краінах. З выкарыстаннем гісторыка-параўнальнага метаду параўноўваюцца працэсы, якія адбываліся ў еўрапейскай адукацыйнай прасторы. З дапамогай біяграфічнага метаду ўстанаўліваецца роля пакінуўшых Расію навукоўцаў і грамадскіх дзеячаў у арганізацыі навучання для рускай моладзі за мяжой. У артыкуле выкарыстоўваюцца матэрыялы Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі і Нацыянальнага архіва Чэшскай Рэспублікі.

Ключавыя словы: гісторыя Расіі; вышэйшая адукацыя; руская эміграцыя; універсітэт; адукацыйнае асяроддзе.

THE WORK OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION OF FOREIGN RUSSIA IN 1920–30s

L. V. KLIMOVICH^a, A. A. SHABANOVA^b, L. A. SHAIPIK^a

^aUlyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov,
4/5 Lenina Square, Ulyanovsk 432071, Russia

^bKazan Federal University, 18 Kremlevskaya Street,
Kazan 420008, Republic of Tatarstan, Russia

Corresponding author: L. V. Klimovich (lusek84@yandex.ru)

Abstract. The article examines the activities of higher education institutions that were established by Russian emigrants abroad for young people who left Russia after the events of 1917. These institutions allowed emigrant youth to gain a profession. In addition, they played a significant role in the socialisation and adaptation of young people in European countries. It is emphasised that the pre-revolutionary principles of the educational process organisation were preserved in these educational institutions. It is noted that Czechoslovakia has become the center of the formation of the university system for Russian emigrant youth. Based on the analysis of modern research on the topic under consideration, the main trends in the educational environment of foreign Russia are formulated. Using the historical and typological method, the peculiarities of the functioning and typology of educational institutions in different countries are revealed. Using the historical and comparative method, the processes that took place in the European educational space are compared. The biographical method is used to establish the role of scientists and public figures who emigrated from Russia in organising the education of Russian youth abroad. The work uses materials from the State Archive of the Russian Federation and the National Archive of the Czech Republic.

Keywords: history of Russia; higher education; Russian emigration; university; educational environment.

Introduction

Education is the main human capital. The quality of training and the chosen profession determines a person's life path. A person gets higher education at a young age, when he still looking for life guidelines. For many Russian citizens, the process of obtaining higher education was artificially changed as a result of the events of 1917 and the Civil War in Russia. The article focuses on the process of obtaining higher education by young people from Russia who found themselves in emigration. The article considers the unique higher educational institutions created by emigrants specifically for the Russian youth in the period of the 1920–30s. Russian educational institutions allowed educating the largest number of Russian youth. It also contributed to the socialisation of emigrant youth in a new host-country and the preservation of the continuity of Russian science traditions. While Russian secondary schools were established for Russian children in almost all countries of the Russian diaspora, higher education institutions were opened only in Paris, Prague,

Sofia and Harbin. Thanks to the Czechoslovak government support, a number of Russian higher institutions were opened in this country to educate emigrant youth. The main goal of the higher school of that time for emigrants was to train personnel for future Russia without the Bolsheviks. Therefore, the main attention was paid to those areas that were completely closed under the Bolsheviks or changed their content, such as legal, theological, pedagogical, and agrarian education. Far from their homeland, emigrant scientists were able to create educational institutions and research centers that allowed them to engage in science, raise scientific and pedagogical personnel, thereby contributing to the intellectual environment of the countries in which they settled. Emigrants paid special attention to preserving the historical memory of the younger generation, celebrating memorable dates and holidays. For example, there celebrated the day of Russian students Tatiana's Day, the 175th anniversary of the founding Moscow State University [1].

Theoretical foundations of the study

The article is based on the documents from the State Archive of the Russian Federation and the National Archive of the Czech Republic. The analysis of modern researches on the topic allowed the authors to state the main trends in the educational environment of foreign Russia. The historical and typological method made it possible to identify the patterns of the formation of

educational institutions in different countries, to show their typology. The historical-comparative method was the basis for comparing the processes that took place in the educational environment of different countries. The biographical method helped to identify the role of scientists and public figures in the development of higher education for emigrant youth.

Main part

Not all European countries provided equally favorable conditions for emigrant youth to receive education. Against this background, Czechoslovakia stood out, which generally favored Russian emigrants. Despite the fact that Czechoslovakia was a young state and initially did not attract emigrants from Russia, in a short time Prague became a centre for training specialists with higher education among Russian emigrants, competing with such European cities as Paris, Berlin, Belgrade. This was due to the personal position of the president of the Czech Republic T. Masaryk, former prime minister K. Kramarz and deputy minister of foreign affairs V. Girsas, who proposed the project «Russian action».

The programme of assistance to emigrants from Russia was started by Czechoslovakia in 1921 and was called the «Russian action». The programme was presented by the president of the Czech Republic E. Beneš in 1921 and provided the assistance for children, women, disabled people, farmers and scientists. The Ministry of Foreign Affairs, the Ministry of Public Education, the Ministry of Agriculture and the Office of the President of the Czech Republic were involved in the implementation of this programme. According to the calculations of re-

searchers, from 1921 to 1937 the government spent more than 561 mln Czech crowns that were 5 % of the country's budget during this period [2, p. 39]. Researchers emphasise that the actions of Czechoslovakia's leaders pursued not only humanitarian goals, but also political ones. They tend to train and prepare personnel for the revival of the future Russia. This policy was associated with Czechoslovakia's claims to leadership in the Slavic world in a situation where other Slavic countries were weakened by the World War I. Old Russia did not exist anymore. So, «Czechoslovakia could save the national and cultural power of Russia, without which the European balance would have been disturbed» [3, p. 155].

The implementation of the project «Russian action» attracted emigrant youth to study and work in Czechoslovakia, thereby integrating emigrants into the host socio-cultural community. Pursuing, among other things, practical goals, the Czechoslovak government invited Russian emigrants to get a profession at universities in Czechoslovakia. Since October 1921, when the Czechoslovak government decided to allocate subsidies for the education of Russian students, about 2000 people from different countries of settlement came to Prague in four

months¹. The total number of Russian students numbered up to 12 000 people. This number included people who did not have time to graduate from universities in Russia. There were so many people willing to come to Prague for education that already in February 1922, the Czechoslovak government closed the mass entry of students, issuing only individual visas by the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic. Therefore, there were facts of illegal border crossing. The fate of illegal immigrants was quite lucky: «Having stayed somewhere in student barracks in hospitals, “illegal aliens” eventually invariably turned out to be arranged at the expense of the Czechoslovak government in higher educational institutions in Prague or Brno»². It should be noted that the living conditions for students were poor with a limited diet. All this contributed to the spread of diseases among young people, the most dangerous was tuberculosis, which had to be fought at the highest level of educational institutions [4].

The doors of Czechoslovak universities were opened to students, but if they were not suitable for Russian-speaking students (because of the language barriers or other reasons), students could change the university keeping the scholarship. Students could choose among Russian or Ukrainian universities, specially created for them, «where they can take a course in their native language»³. Russian professors and scientists supported the idea of creating a network of Russian higher education institutions, which was proposed by the Czechoslovak government.

A wide network of specialised emigrant educational institutions was presented in Prague. The Russian Institute of Agricultural Cooperation was engaged in the training of specialists in the field of agricultural cooperation for the future Russia: «...there is no doubt that cooperation, and in particular agricultural and economic cooperation, means to play a big role in the process of economic revival of Russia»⁴. The first students started their training in October 1921 at special cooperative courses funded by Russian cooperative organisations and the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic. In April 1922, these temporary courses were reorganised into the Russian Institute of Agricultural Cooperation, the charter of which was approved by the Ministry of Agriculture of the Czech Republic⁵. The director of the institute was S. V. Marakuev. In Russia he was a member of the Don Food Committee in 1917, the chairman of the Board of the South-Eastern Union of Credit Cooperatives in 1919, the representative in the

Council of the Southern Management of the All-Russian Purchasing Union of Agricultural Cooperatives before emigrating in 1920.

The training lasted two years, during which it was necessary to master a set of disciplines: cooperative, economic and legal sciences. According to the sources, at the end of 1923, 137 people were studying at the Russian Institute of Agricultural Cooperation, 120 students of them received a scholarship from the Czechoslovak government. In order to support academic activities, an extensive thematic library was opened at the institute, textbooks on cooperation were published, a quarterly periodical printing body «Notes of the Russian Institute of Agricultural Cooperation» was created⁶. In 1923, the Czechoslovak government appropriated 1 200 000 korunas for the activities of the institute and lower agricultural courses. However, over time, the demand for this institute, as well as other similar educational institutions, decreased, and in 1930 it was closed [2, p. 187].

Russian Railway Technical School was opened in January 1923 by the Association of Zemstvo and City Leaders Abroad with the support of the Society of Russian Engineers and Technicians. In the very first academic year, it became clear that more in-depth and extensive training of specialists was required, so the school, with the consent of the Ministry of Foreign Affairs of Czech Republic and the Ministry of Education of Czech Republic, was transformed into the Russian Higher School of Railway Technicians with a two-year training period. The school was designed for 40 students, but there were more willing to study. The Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic paid 40 000 korunas monthly for the functioning of the school. In addition to theoretical training, excursions were made to factories, museums, and construction works «for practical acquaintance of students with the work and production of materials»⁷. But not all students were satisfied with the organisation of the educational process. In the autumn of 1923, the students appealed to the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic with a request to reorganise the educational process in the school and «establish a regime that guarantees us serious technical training in the future»⁸.

This situation was resolved by the dismissal of the director from his post and taken measures against students' interference into educational management, but at the same time it was necessary to eliminate the possible breaking he «correct course of training»⁹.

¹State Arch. of the Russ. Fed. (SARF). Fund 10003. Inv. 12. Case 24. Russian.

²Ibid.

³Ibid.

⁴Ibid.

⁵Ibid.

⁶Ibid.

⁷Ibid.

⁸Natl. Arch. of the Czech Repub. (NACR). Fund 908. Box 51. Inv. 4852.

⁹Ibid. Inv. 4861.

In January 1923, commercial accounting courses were opened abroad under the Board of the Union of Russian Academic Organisations Abroad to train economists and accountants. They were a higher educational institution formed after the type of commercial institutes in Russia. To be enrolled one had to have a secondary education. It is worth noting that the curriculum of the courses was focused on preparing for work not only in Russia, but also in Czechoslovakia in the field of trade and industrial relations. This fact allowed new specialists to find a job in their specialty after graduation. In addition to studying general subjects, «special attention is paid at the Czech language training, the economic geography of the Czech Republic»¹⁰. The director of the courses was full professor U. D. Zhilyaev. While the courses were ranked among the government educational institutions of Czechoslovakia, the professor of the Czech Commercial Academy, Dr. Fiala, supervised the educational activities. To perform these functions, he was appointed by the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic. In the first half of the year, 60 students attended the courses, 50 of them received a scholarship from the Czechoslovak government, which granted 9000 korunas monthly for the courses. Already in the first academic year, it became clear that the originally planned training period of one year was not enough to obtain the necessary knowledge and skills to become a qualified specialist. Then the Board of the Union of Russian Academic Organisations Abroad claimed to the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic to transform the courses into an Institute of Commercial Knowledge with a two-year training period¹¹.

There were various fields in which Russian specialists were trained, for example, the automobile and tractor school. In 1921, the Association of Zemstvo and City Leaders Abroad organised three-month driving courses in order to give Russian refugees the opportunity to earn money. Since the spring of 1922, the content and the format of the courses changed, they were transformed into an automobile and tractor school, where students could get the profession of a driver in 6 months, the profession of a mechanic – in 12 months. The Czechoslovak government funded the school monthly with 95 000 korunas and supported 100 students with a scholarship. It is worth noting that the Czech industrial establishments were interested in the school. Such large enterprises as Skoda, the Czech-Industrial Plant, the Czech-Moravian Plant provided material support to the school:

«...equipped its workshops with the necessary machines, tools, as well as tractors and plows»¹².

Russian higher secondary courses were organised in 1921 to prepare for enrollment in higher educational institutions: lectures were given in Russian, but the students also studied Czech. In the winter semester of 1921, lectures were given by N. N. Alekseev, A. A. Vilkov, S. G. Gogel', U. D. Zhilyaev, V. A. Kosinskii, I. I. Lappo, A. V. Makletsov, V. A. Frantsev, N. V. Yastrebov¹³. Classes were held in the premises of the faculty of philosophy of Charles University. In 1922, the department of humanities was divided into legal-economic and historical-philological sections. The Russian law faculty was formed from this legal and economic section later. The faculty was founded by the Board of the Union of Russian Academic Organisations Abroad, a private higher education institution.

At the opening of the law faculty on 18 May 1922, the head, full professor P. I. Novgorodtsev, highlighted the goal and strategy of the faculty: «...the task of Russian lawyers at the present time is to carefully study the history of their law, compare its foundations with foreign models, deepen its capabilities and prospects to educate legal thought to new creativity and development on native Russian traditions»¹⁴. Full professor A. S. Lomshakov (the chairman of the Union of Russian Academic Organisations Abroad) made a speech: «The termination of teaching at law faculties in Russia interrupted the training of persons with a legal education who were supposed to introduce ideas of law and justice into the country, establish and strengthen their traditions and preserve them from attempts of any violations»¹⁵.

The charter of the Russian law faculty was made from revised charters of Russian universities, and was approved by the Ministry of Education of the Czech Republic¹⁶. P. I. Novgorodtsev (a former professor at the Moscow University and the director of the Moscow Commercial Institute) was elected as the dean. Later he became a professor at the Tauride University¹⁷. In the summer of 1922, the faculty of law came under the protectorate of Charles University. This decision was made on 7 July at the University Senate of Charles University¹⁸.

Russian law faculty in Prague worked according to the programmes of the universities of pre-revolutionary Russia, which were based on the courses on Russian national and international law [5, p. 287]. So, 50 students were enrolled on the first course. Some of them came from the law faculty of Charles University (they were allowed to continue parallel studying at two faculties),

¹⁰SARF. Fund 10003. Inv. 12. Case 24. Russian.

¹¹Ibid.

¹²Ibid.

¹³NACR. Fund 908. Box 39. Inv. 4708.

¹⁴Ibid.

¹⁵Ibid.

¹⁶Ibid.

¹⁷Ibid.

¹⁸Ibid.

some from the Czech Commercial Institute¹⁹. In 1923, 488 people studied at the law faculty [5, p. 288]. A total of 289 people received education there from 1923 to 1927. Since 1925, there were less people willing to study, as the flow of refugees from Russia lowered in general. Moreover, they realised that it would be impossible to get a lawyer's job in European countries with knowledge of Russian pre-revolutionary legislation, which at that time no longer existed.

The Russian law faculty trained lawyers so that they could apply this knowledge in Russia, obviously, the training programme was based on pre-revolutionary law. There was no demand for such specialists in the Europe. The problem of employment of law graduates was the main one for the association of Russians who graduated from higher educational institutions in Czechoslovakia [6, p. 65–66]. Only obtaining additional vocational professions allowed them to earn a living.

The training at the faculty was of a high level, the classes were conducted by outstanding Russian scientists: privat-docent G. V. Florovskii, full professor A. N. Fateev, privat-docent M. A. Zimmerman, privat-docent K. I. Zaitsev, full professor G. V. Vernandskii, privat-docent M. V. Shakhmatov, full professor A. A. Kizevvetter, academician of the Russian Academy of Sciences P. B. Struve, privat-docent P. N. Savitskii [2, p. 191]. It should be noted that at the faculty it was possible not only to get a higher education, but also to engage in scientific activity in the future. The faculty was granted the right to award academic degrees and titles. At the opening of the faculty in 1922, eight scientists were represented for the academic title of full professor, five students received a master's degree in 1922–1923. After the last graduation of students in 1929, the faculty continued scientific work for some time: public lectures, preparation for gaining academic titles and degrees, the work of the library.

The Russian Pedagogical Institute named after J. A. Komensky was opened in Prague in 1923. It was meant to solve the problem with the lack of teachers in Soviet Russia due to the shortage of teaching staff. The initiators of the opening explained the decision: «...the peasant population is sinking into the darkness of illiteracy and ignorance, which it has just begun to escape for the last decade before the war»²⁰.

But, as it is known, these specialists could not work in Soviet Russia and therefore graduates joined the teaching staff of Russian emigrant establishments for children. The institute was named after J. A. Komensky, the Czech educator and fighter for the independence of the Czech people of the 17th century. The training was conducted entirely in Russian and was free of charge. The Czechoslovak government granted 50 scholarships of 600 korunas per month and 55 000 korunas per month

for the maintenance of the institute. Any Russian under the age of 30 with secondary education and teaching experience could be enrolled there. All students were divided into regular and irregular students [5, p. 290]. In order to become a regular student and receive a scholarship, it was necessary to obtain the approval of the board of trustees and the pedagogical council of the institute, as well as the approval by the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic²¹. Despite the official requirements, there are facts contradicting them from the archival sources. For example, in the application for a scholarship for M. I. Kolchinskaya, who had been a teacher for 14 years up to that time, her age was 36 years old. Thus, we see that for Russian refugees who have already worked as a teacher, the requirements for the age limitation were not fundamental.

During the course of studies, students had to learn the history of pedagogy, pedagogical physiology, as well as the psychology of school age and the problems of school education management. To accommodate such a large volume of disciplines, classes were conducted until the evening: practical classes in the morning, then lectures, seminars in the evening [5, p. 293]. The training lasted only two years and gave the right to teach in primary classes. The director of the institute was full professor S. A. Ostrogorskii, former director of the Higher courses named after full professor P. F. Lesgaft (Saint Petersburg).

The Russian Pedagogical Institute named after J. A. Komensky could work until 1925, then the amount of new emigrants decreased, as did the support of the Czechoslovak government. During this time, 100 people got the profession of a teacher-instructor [5, p. 295].

The Russian People's University in Prague showed the greatest stability. In 1923, he began his activity with public lectures and was under the jurisdiction of the Association of Zemstvo and City Leaders Abroad. Since 1925, it was supervised by the Ministry of Foreign Affairs and the Ministry of Education of the Czech Republic, changing its name to the Russian Free University in Prague. University positioned itself as a Czech-Russian educational institution. It was headed by full professor M. M. Novikov, and the management included both Russian figures and representatives of Czech science (full professor B. Nemec, and full professor I. Polivka). The main activity of the university was focused on educational work: conducting popular scientific lectures, functioning of clubs, such as Psychology of creativity, Socio-economic club, Club of zealots of the Russian word [7, p. 183]. Lectures were given not only in Prague, but also in the provinces [2, p. 206].

Nevertheless, we cannot consider this educational establishment to real higher educational institutions, since the main result – obtaining a diploma for emp-

¹⁹NACR. Fund 908. Box 39. Inv. 4708.

²⁰SARF. Fund 10003. Inv. 12. Case 24. Russian.

²¹NACR. Fund 908. Box 52. Inv. 51.

loyment – could not be achieved. But the goal of the Russian Free University was broader, namely to give knowledge to everyone. It was based on the principles of autonomy, used more democratic enrollment rules.

Like other educational institutions, the Russian Free University by the end of the 1920s faced a period of

crisis: the popularity of lectures began to fall, as well as the amount of funding. This led to the conversion of the Russian Free University into a purely scientific body in 1933. Its activity was limited with publishing scientific papers, conducting scientific researches and participating in scientific events.

Conclusions

In a situation when returning to their homeland became impossible and they had to integrate into the social life of the host community, young people had to have a competitive education in order to get a job.

Emigrant youth tended to graduate from higher educational institutions. It would allow them both to improve their social status, and get a work. Thanks to active figures of the Russian emigration and the support of the governments of the host countries, some Russian higher educational institutions were opened and successfully functioned. Young people could receive an education and listen to lectures on topics of interest in Russian.

Higher educational institutions for Russian emigrants worked in the 1920s. Their funding gradually decreased, as did the amount of students. The strengthening

of the Bolsheviks' power and the recognition of their government by European countries forced the emigrants to determine further life trends taking into account the political situation. Gradually, everyone graduated who failed to do it in Russia. In the early 1930s the problem of professional education arose for the children of emigrants, who graduated from school in Czechoslovakia. Therefore, emigrant higher education institutions stopped their work, or changed its format.

Higher educational institutions of foreign Russia were meant to provide a profession for further employment, adaptation in a foreign country. On the other hand, higher educational institutions had in their basis the pre-revolutionary order. It contributed to the preservation of ties among youth with the motherland, history and culture of Russia.

References

1. Климович ЛВ. Праздники российской эмиграции как отражение исторического кода дореволюционной России (1920–1930-е гг.). *Научный диалог*. 2017;11:356–368. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-356-368.
2. Ковалёв МВ. *Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940-е гг.)*. Плевне ИР, редактор. Саратов: Саратовский государственный технический университет; 2012. 405 с.
3. Кыосева Ц. *България и руската емиграция 20–50-те години на XX в.* София: Международен център по проблемите на малцинствата и културните взаимодействия; 2002. 591 с.
4. Klimovich LV, Suvorov VV. The spread of tuberculosis in the student milieu of Russian emigrants in Czechoslovakia in the 1920s: statistics, control measures, outcomes. *Russian Open Medical Journal*. 2019;8:e0420. DOI: 10.15275/rusomj.2019.0414.
5. Квакин АВ, Постников ЕС. *Завоевание высшей школы: профессорско-преподавательский состав и студенчество России в пореволюционное время (1917 – конец 1930-х гг.)*. Москва: Издательский дом «Ветераны спецслужб»; 2009. 526 с.
6. Klimovich LV, Shaipak LA. Higher education received by young Russian emigrants in European countries in the 1920–1930s and problems of further employment (based on materials of Czechoslovakia and France). *Balkanistic Forum*. 2021;2:59–73.
7. Буланова МБ. Высшее образование в условиях российского зарубежья. *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2011;3(65):176–188.

Received 12.12.2023 / revised 19.12.2024 / accepted 19.12.2024.

ЗАПАДНАЯ АРМЕНИЯ В ПЛАНАХ РОССИЙСКИХ И АРМЯНСКИХ ДИПЛОМАТОВ В 1914–1915 гг.

С. А. ПОГОСЯН¹⁾, А. М. ЕПРИКЯН¹⁾

¹⁾Армянский государственный педагогический университет им. Хачатура Абовяна,
пр. Тиграна Меца, 17, 0010, г. Ереван, Армения

Аннотация. Исследуется ход дискуссий о будущем Армении в российской политической и военной элите в 1914–1915 гг. Отмечается, что политика Российской империи в этот период характеризовалась динамичностью в связи с развитием военных событий и амбициями союзников. Формирование политики империи было обусловлено разностью позиций государственных деятелей, а также спецификой общественного мнения. Подчеркивается, что главной целью государства являлось взятие Константинополя и проливов Босфор и Дарданеллы. Планы в отношении Армении были второстепенными. До середины 1915 г. российские власти не исключали создания армянской автономии путем объединения Западной Армении и Киликии, а в некоторых случаях даже считали, что это решение соответствует интересам империи. Однако секретные договоренности и противоречия между державами, особенно после почти полного истребления армян в Западной Армении и Киликии, сняли идею о создании армянской автономии с повестки дня.

Ключевые слова: Первая мировая война; Россия; Западная Армения; Киликия; Османская империя; автономия Армении; геноцид армян.

ЗАХОДНЯЯ АРМЕНІЯ Ў ПЛАНАХ РАСІЙСКИХ І АРМЯНСКИХ ДЫПЛАМАТАЎ У 1914–1915 гг.

С. А. ПАГОСЯН^{1*}, А. М. ЕПРЫКЯН^{1*}

^{1*}Армянскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Хачатура Абавяна,
пр. Цігрэна Меца, 17, 0010, г. Ерэван, Арменія

Анатацыя. Даследуецца ход дыскусій аб будучыні Арменіі ў расійскай палітычнай і вайскавай эліце ў 1914–1915 гг. Адзначаецца, што палітыка Расійскай імперыі ў гэты перыяд характарызаваўся дынамічнасцю ў сувязі з развіццём ваенных падзей і амбіцыямі саюзнікаў. Фарміраванне палітыкі імперыі было абумоўлена рознасцю пазіцый дзяржаўных дзеячаў, а таксама спецыфікай грамадскай думкі. Падкрэсліваецца, што галоўнай мэтай дзяржавы з’яўлялася ўзяцце Канстанцінопаля і праліваў Басфор і Дарданелы. Планы ў адносінах да Арменіі былі другаснымі. Да сярэдзіны 1915 г.

Образец цитирования:

Погосян СА, Еприкян АМ. Западная Армения в планах российских и армянских дипломатов в 1914–1915 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;1:12–20.
EDN: PQVHNX

For citation:

Poghosyan SA, Eprikyan AM. Western Armenia in the plans of Russian and Armenian diplomats in 1914–1915. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;1:12–20. Russian.
EDN: PQVHNX

Авторы:

Самвел Андраникович Погосян – доктор исторических наук, профессор; заместитель декана по науке и международному сотрудничеству факультета истории и права, профессор кафедры армянской истории факультета истории и правоведения.
Армине Мелсиковна Еприкян – кандидат исторических наук; доцент кафедры армянской истории факультета истории и правоведения.

Authors:

Samvel A. Poghosyan, doctor of science, full professor; deputy dean for science and international cooperation, faculty of history and social science, and professor at the department of history of Armenia, faculty of history and jurisprudence.
poghosyansamvel@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0003-2478-1860>
Armine M. Eprikyan, PhD (history); associate professor at the department of history of Armenia, faculty of history and jurisprudence.
yeprikyanarmine16@aspu.am
<https://orcid.org/0000-0003-2926-3667>

расійскія ўлады не выключалі стварэнне армянскай аўтаноміі шляхам аб'яднання Заходняй Арменіі і Кілікіі, а ў нека-
торых выпадках нават лічылі, што гэта рашэнне адпавядае інтарэсам імперыі. Аднак сакрэтных дамоўленасці і су-
пярэчнасці паміж дзяржавамі, асабліва пасля амаль поўнага знішчэння армян у Заходняй Арменіі і Кілікіі, знялі ідэю
аб стварэнні армянскай аўтаноміі з павесткі дня.

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна; Расія; Заходняя Арменія; Кілікія; Асманская імперыя; аўтаномія Ар-
меніі; генацыд армян.

WESTERN ARMENIA IN THE PLANS OF RUSSIAN AND ARMENIAN DIPLOMATS IN 1914–1915

S. A. POGHOSYAN^a, A. M. EPRIKYAN^a

^a*Khachatur Abovyan Armenian State Pedagogical University,
17 Tigran Mets Avenue, Yerevan 0010, Armenia*

Corresponding author: S. A. Poghosyan (poghosyansamvel@yahoo.com)

Abstract. The article examines the course of discussions about the future of Armenia in the Russian political and military elite in 1914–1915. It is noted that the policy of the Russian Empire during this period was very dynamic due to the development of military events and the ambitions of the allies. The formation of the empire's policy was determined by the difference in positions of statesmen, as well as the specifics of public opinion. It is emphasised that the main goal of the state was the capture of Constantinople and the Bosphorus and Dardanelles Straits. Plans for Armenia were secondary. Until the middle of 1915, the Russian authorities did not rule out the creation of Armenian autonomy by uniting Western Armenia and Cilicia, and in some cases even considered that this decision corresponded to the interests of the empire. However, secret agreements and contradictions between the powers, especially after the almost complete extermination of Armenians in Western Armenia and Cilicia, removed the idea of creating an Armenian autonomy from the agenda.

Keywords: World War I; Russia; Western Armenia; Cilicia; Ottoman Empire; Armenian autonomy; Armenian genocide.

Введение

Целями настоящей статьи выступают анализ по-
зиции Российской империи в отношении Западной
Армении, описание политических надежд армян-
ских лидеров на начальном этапе Первой мировой
войны, а также изучение содержания переговоров
депутата партии Армянской революционной феде-
рации «Дашнакцутюн» Я. Х. Завриева с российскими
властями. Актуальность указанной темы обусловле-
на тем, что некоторым фактам из армяно-россий-
ских дипломатических отношений во время Первой
мировой войны, в частности тем, которые касаются
будущего Западной Армении и Киликии, не уделено
должного внимания в историографии. Так, прак-
тически не проводилось научных исследований на
тему переговоров армянского депутата Я. Х. Зав-

риева и российских властей. Анализ исторического
опыта по изучаемому вопросу может быть полезен
для современной науки и дипломатии, так как се-
годня в армяно-российских отношениях есть точки
соприкосновения, требующие принятия совместных
решений.

Источниковую базу статьи составляют архивные
материалы и сборники документов, а также научные
публикации на исследуемую тему. Многие архивные
источники вводятся в научный оборот впервые. Не-
которые факты в сборниках документов и научных
публикациях имеют косвенное отношение к иссле-
дованию. Статья подготовлена на основе принципа
историчности. В ходе работы был использован исто-
рико-сравнительный метод.

Дискуссии о Западной Армении в начале Первой мировой войны

Сразу после начала Первой мировой войны стало
ясно, что Османская империя настроена присоеди-
ниться к германскому блоку. В случае вступления
турок в войну Российская империя намеревалась
оккупировать Константинополь и Западную Арме-
нию. Уже в середине сентября 1914 г. Великобрита-
ния подняла вопрос о разделе османского наследия¹.

Посол Франции в Петрограде М. Палеолог 21 но-
ября 1914 г. сообщил российскому императору Ни-
колаю II о желании Франции оккупировать Сирию
и Палестину [1, с. 128]. На русско-французских пере-
говорах, состоявшихся в Петрограде 16–21 ноября,
русская сторона предложила Франции контроль над
Сирией, Палестиной и районом Рейна. Взамен Фран-

¹Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств / под
ред. М. Н. Покровского. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. Т. 6. С. 328.

ция должна была признать права Российской империи на Константинополь, проливы Босфор и Дарданеллы и Западную Армению [2, р. 1032]. Таким образом, после начала войны государства Антанты обсудили раздел Османской империи и представили свои первоначальные амбиции.

Контроль над Константинополем и проливами предоставлял Российской империи свободный выход к Средиземному морю. Государство также было нацелено на контроль над Западной Арменией и, если возможно, Киликией², которая также могла обеспечивать выход к Средиземному морю. Однако по вопросу о Киликии российские дипломаты не высказывались, поскольку знали об амбициях своего союзника, Франции, в этом регионе.

В начале Первой мировой войны армянские политики также активно обсуждали будущее армянских территорий в Османской империи – Западной Армении и Киликии. Католикос всех армян Геворг V созвал 5 сентября 1914 г. в Эчмиадзине экстренное совещание для обсуждения проблем, с которыми столкнутся армяне, если Турция вступит в войну, а также для разработки проекта автономии или более широких реформ для Западной Армении³. Восточноармянские деятели пришли к идее создания автономии путем объединения Западной Армении и Киликии. Международная обстановка, казалось, создавала благоприятные условия для реализации мечты армян об объединении всех армянских территорий под властью Турции в одну автономную область. Россия считалась лучшим протектором для автономной Армении.

Российско-турецкое соглашение, подписанное еще 8 февраля 1914 г. в Константинополе, предусматривало раздел Западной Армении на две провинции (к первой провинции были отнесены вилайеты Ван, Битлис, Диярбакыр и Харберд, ко второй провинции – вилайеты Эрзурум, Сивас и Трабзон) с перспективой проведения в них реформ⁴. После более чем года дипломатической работы российским дипломатам удалось убедить турок в необходимости проведения реформ. Данное обстоятельство подняло престиж Российской империи среди армянского народа.

Предложенных ранее проектов реформ было недостаточно для построения будущего армянского народа, поэтому духовное и политическое руководство Армении, пользуясь возможностью, предоставленной мировой войной, хотело воплотить идею автономии Армении в реальность.

Через несколько дней после вступления в войну Османской империи, 8 ноября 1914 г., Геворг V в письме, направленном кавказскому вице-королю И. И. Воронцову-Дашкову, выразил надежду на то, что Российская империя поддержит установление армянской автономии на территории Западной Армении и Киликии. В то же время духовный лидер армян предложил российскому императору выступить с призывом, который сможет побудить армян сражаться вместе с российской армией⁵.

Католикос повторил свою просьбу 29 ноября 1914 г. на приеме у Николая II в Тбилиси. Царь дипломатично ответил, что «армянский вопрос будет решен в соответствии с ожиданиями армян после окончания войны, в ходе мирных переговоров»⁶. В то время российские власти только приступили к обсуждению будущего Армении и еще не пришли к окончательному решению.

Ответ царя с большим энтузиазмом был воспринят в армянских общественных и политических кругах. Армянам казалось, будто царское правительство действительно намерено решить их вопрос. Такая уверенность послужила причиной большого энтузиазма, с которым армянские добровольческие полки были организованы на Кавказе. Во время Первой мировой войны более 200 тыс. армян были призваны в российскую армию [3, р. 43–44]. Кроме того, около 10 тыс. нерусскоподданных армян со всего мира выразили желание сражаться бок о бок с российской армией на Кавказском фронте, где были сформированы восемь армянских добровольческих отрядов [4].

Интересны взгляды армянских деятелей, проживавших в Великобритании. Многие из них считали, что не стоит питать надежд в отношении Великобритании, а следует полностью полагаться на Россию. Нефтяной магнат Г. Гюльбенкян заявил, что лучшим решением для армян является передача всей Армении под покровительство России. Политический иммигрант из Лондона и бывший критик России С. Саркисян был убежден в том, что русским нужны армяне для удержания этих территорий, а армянам нужны русские, чтобы защититься от окружающих мусульман. Указанным идеям симпатизировал глава Европейской епархии Армянской апостольской церкви архиепископ Г. Утучян⁷.

Таким образом, армянские устремления были связаны с поражением Османской империи силами Антанты и особенно с российским покровительством. Сильную симпатию у армян вызвала в 1912–1914 гг.

²Киликия расположена на северо-восточном побережье Средиземного моря. Она включала вилайет Адана, а также провинции Мараш, Айнтап и Александрет в вилайете Алеппо.

³Нац. арх. Армении (НАА). Ф. 57. Оп. 5. Д. 72. Л. 3–4.

⁴Сборник дипломатических документов: реформы в Армении (26 ноября 1912 г. – 10 мая 1914 г.) / М-во иностр. дел. Пг.: Гос. тип., 1915. С. 158–165.

⁵НАА. Ф. 57. Оп. 5. Д. 76. Л. 2–3.

⁶Международные отношения в эпоху империализма... С. 456.

⁷НАА. Ф. 57. Оп. 5. Д. 76. Л. 104–105.

позиция Российской империи по вопросу армянских реформ. Именно ее армяне считали своим единственным настоящим покровителем.

Депутат Государственной думы Российской империи (далее – Госдума) М. Ачемов и общественный деятель и публицист А. К. Дживелегов в российской прессе подняли идею о создании автономной Армении путем объединения семи западноармянских вилайетов (Эрзурум, Ван, Битлис, Трабзон, Сивас, Харберд, Диарбакыр) и Киликии под номинальным суверенитетом Турции и под российским покровительством. А. К. Дживелегов предложил создать в составе Турции три автономных региона. Речь шла об Армении (под протекторатом России), Аравии и Месопотамии (под протекторатом Великобритании) и Сирии (под протекторатом Франции)⁸. По мнению публициста, автономной Арменией должен править нетурецкоподданный генерал-губернатор, кандидатура которого будет выдвинута Россией и одобрена Турцией. Губернатор должен подчиняться провинциальному совету, в состав которого должно входить равное количество армян и мусульман. Руководители армянской общины Москвы были полностью согласны с этими взглядами⁹.

Наполовину независимое армянское государство под протекцией России предлагал создать Г. Д. Мнацаканян. Он выдвигал идею о разделении Османской империи. В нее вошли бы семь регионов: 1) европейская часть Турции и Константинополь; 2) Анатолия; 3) Армения с Киликией; 4) Курдистан с Хаккиарией; 5) Месопотамия; 6) Сирия; 7) Аравия. Г. Д. Мнацаканян считал справедливым, если Франция оккупирует Сирию и Палестину, Великобритания установит контроль над Месопотамией и полунезависимой Аравией, а Россия оккупирует Константинополь, Курдистан и возьмет под свое покровительство полунезависимую Армению. В таком случае, по мнению Г. Д. Мнацаканяна, границы армянского государства на западе черноморского побережья достигли бы порта Унье, оттуда через Токат, Себастию и Кесарию могли дойти до Средиземного моря, от порта Александретта через Урфу протянулись бы до Диар-

бекира, а затем, обойдя Хаккиарию, могли достичь персидской границы Котура. В целях завоевания благосклонности Российской империи и гарантии тесных отношений с ней руководство Арменией предлагалось передать одному из великих князей из рода Романовых [5, с. 6–47].

Таким образом, был поставлен вопрос о создании армянского автономного государства, которое простиралось бы от российских границ Кавказа до Средиземного моря, под покровительством Российской империи. Такое решение позволило бы пересечь Средиземноморье через Армению, что, в свою очередь, создало бы огромные экономические и военнополитические возможности для империи.

В начале войны российские государственные деятели и политики по-разному смотрели на будущее Армении. У российских властей еще не было единой и окончательной позиции по этому вопросу, поэтому они активно обсуждали, чего можно добиться в случае раздела турецких территорий, а также пытались понять устремления союзников.

Некоторые российские политики выступали против идеи о создании единой Армении с объединением Киликии и семи вилайетов Западной Армении. Лидер кадетской партии депутат Госдумы П. Н. Миллюков в декабре 1914 г. поднял вопрос о том, что создание автономной Армении с объединением Западной Армении и Киликии под номинальным суверенитетом Турции и под покровительством России не отвечает интересам империи. Депутат объяснял это тем, что в Киликии столкнулись интересы других держав, а российская сторона с экономической, политической и военной точек зрения не готова обладать такой сильной стратегической базой, как порт Александретта. П. Н. Миллюков выдвинул идею о присоединении к Российской империи Западной Армении вместе с провинцией Трабзон и выразил уверенность в том, что такое решение будет лучшим для армян, поскольку все армяне будут объединены в рамках одного государства¹⁰. В конце декабря 1914 г. данная точка зрения на какое-то время стала доминировать в российской элите.

Армяно-российские переговоры 1915 г.

В конце января 1915 г. министр иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонов сообщил депутату Госдумы М. Пападжаняну, что лучшим решением для армян будет оккупация армянских территорий Российской империей и что армянам будет предоставлена культурная самостоятельность¹¹. Такая позиция вызвала недовольство армянских политиков, так как в октябре – ноябре восточные армяне ошибочно счи-

тали, что Россия готова предоставить автономию Западной Армении и Киликии. Однако во время Первой мировой войны позиции международной дипломатии очень быстро изменились в связи с ситуацией на поле боя.

В феврале 1915 г. британо-французский флот атаковал пролив Дарданеллы, чтобы захватить Константинополь. Военная операция была проведена без

⁸ «Автономия Армении» и Антанта: документы из эпохи империалистической войны / введ. А. Ованисяна. Ереван : Гос. изд-во № 365, 1926. С. 83.

⁹ Там же. С. 84.

¹⁰ Там же. С. 85–90.

¹¹ НАА. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 91. Л. 1–2.

Российской империи, что весьма рассердило и встревожило российских государственных деятелей. Они увидели реальную, вполне обоснованную угрозу своим устремлениям захватить Константинополь.

В первый день Дарданелльской операции, 4 марта 1915 г., С. Д. Сазонов призвал союзников в случае успеха передать Российской империи Константинополь и проливы¹². И пока истинные намерения союзников были неизвестны, российские политики начали разрабатывать другие варианты подхода к Средиземному морю. В этом контексте актуальность вновь приобрел проект выхода к морю через Армению и Киликию.

В связи с изменившимися обстоятельствами в середине февраля 1915 г. российские власти потребовали от армянских политиков поделить своими взглядами на будущее Армении, а также представить карту Армении и Киликии с границами, к которым стремились армяне. Такое предложение сделал советник 2-го (политического) отдела Министерства иностранных дел Российской империи К. Н. Гулькевич. Армянские политики составили карту объединенной Армении, которая включала в себя все шесть вилайетов Западной Армении, вилайет Трабзон (до поселения Тиреболу) и Киликию с портом Александретта, а также вариант карты без указанного порта в случае требования союзников¹³.

В феврале – марте 1915 г. два армянских политика, депутат партии Армянской революционной федерации «Дашнакцутюн» Я. Х. Завриев и меньшевик А. Асрибекян, обсуждали армянские требования с двумя российскими дипломатами, занимающимися турецкими вопросами, – А. Н. Мандельштамом и К. Н. Гулькевичем¹⁴. По мнению последних, интересам Российской империи отвечало формирование автономной Армении при номинальном турецком правлении. Российские войска оставались бы в автономии в течение некоторого времени, а именно до того момента, пока армяне не сформируют собственную армию. Дипломаты считали, что после получения контроля над проливами Российская империя не будет интересоваться армянскими территориями. Кроме того, она не могла позволить себе новые расходы из-за тяжелых финансовых условий после войны.

Посол России в Лондоне А. Х. Бенкендорф в телеграмме, направленной С. Д. Сазонову 7 марта 1915 г., писал: «Я полагаю, что нам не следует более медлить высказываться относительно Армении в смысле автономии. Это важно. Я думаю, что существует анти-

теза между английской и французской точкой зрения на будущую судьбу азиатских владений Турции в бассейне Средиземного моря»¹⁵.

Некоторые российские дипломаты были склонны к объединению Западной Армении и Киликии и созданию армянской автономии, так как данное решение откроет империи путь к Средиземному морю. Было сочтено необходимым поощрять армянские устремления и использовать армянский фактор для того, чтобы убедить союзников в необходимости существования автономной Армении, простирающейся до Средиземного моря.

Британское правительство проинформировало 12 марта российскую сторону о своей готовности принять переход Константинополя и проливов к Российской империи при условии, что Константинополь станет открытым городом, проливы будут свободными для плавания, а русские признают британские интересы в арабском мире и других регионах¹⁶.

Посол Франции в Петрограде М. Палеолог 14 марта сообщил С. Д. Сазонову, что Франция хочет аннексировать Сирию, порт Александретта и Киликию до хребта Тавр¹⁷. Заместитель министра иностранных дел Российской империи А. А. Нератов, комментируя данное сообщение, предложил С. Д. Сазонову проинформировать французов о том, что армяне, составляющие большинство населения Киликии, также питают надежды на эту территорию и ее включение во французскую зону может разочаровать армян. По мнению А. А. Нератова, если Франция захочет захватить Киликию, русские не будут препятствовать¹⁸. Как видим, русские дипломаты не считали стремление Франции аннексировать Киликию очень желательным, но они не хотели создавать конфликт с союзником из-за этой области.

В начале марта Я. Х. Завриев на встрече пытался убедить П. Н. Милюкова в необходимости присоединения Киликии к Армении, но его попытки оказались безуспешными. П. Н. Милюков выступал за то, чтобы присоединить к Российской империи семь вилайетов Западной Армении и дать последней некоторую внутреннюю автономию. П. Н. Милюков сказал, что он поинтересовался у С. Д. Сазонова о Киликии. Министр ответил, что никаких обещаний армянам по поводу этого региона дано не было. Однако А. Н. Мандельштам заверил Я. Х. Завриева в том, что они с К. Н. Гулькевичем выступают за автономную Армению с Киликией, и посоветовал встретиться с С. Д. Сазоновым и попытаться убедить его в необходимости поддержать эту идею¹⁹.

¹²Раздел Азиатской Турции: по секретным документам б. Министерства иностранных дел / под ред. Е. А. Адамова. М. : Литиздат НКВД, 1924. С. 118–119.

¹³НАА. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 91. Л. 2.

¹⁴Там же. Л. 3–9.

¹⁵Раздел Азиатской Турции... С. 122.

¹⁶Там же. С. 125–127.

¹⁷Там же. С. 127.

¹⁸«Автономия Армении» и Антанта... С. 8–9.

¹⁹НАА. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 91. Л. 10.

С учетом дальнейшего хода боевых действий С. Д. Сазонов также не исключил возможности расширения границ до Средиземного моря, Тавра и Антитавра²⁰. Однако ему были известны притязания Франции на эту территорию. Данный фактор сдерживал российских дипломатов.

В середине марта во время встречи с послом Франции М. Палеологом российский император Николай II обозначил два варианта будущего Армении – царство под протекторатом Российской империи или автономное государство под эгидой Турции. Император отметил, что у его министров есть разногласия по этому поводу и окончательного решения пока нет²¹.

Петроградские переговоры показали Я. Х. Завриеву, что российские власти еще не определились в вопросе будущего Армении. Российская сторона выжидала и стремилась понять взгляды союзников. Мнение о том, что Армения должна быть захвачена и присоединена к Российской империи, не было безоговорочно поддержано дипломатами. Русские не выступали против идеи автономии семи вилайетов, но понимали, что в решении вопроса с Киликией они столкнутся с противодействием со стороны других держав.

Наконец российские власти решили с помощью армянских деятелей сделать приемлемым для союзников план выхода к Средиземному морю через Армению. В случае успеха Российская империя выиграла бы, а провал лежал бы на плечах армянских политиков.

Я. Х. Завриев встретился 18 марта с бывшим послом Российской империи в Константинополе М. Н. Гирсом. Тот подчеркнул, что у Армении есть три варианта: 1) присоединение к России; 2) определенная административная независимость в составе России; 3) автономия в составе Турции. По мнению М. Н. Гирса, наиболее вероятным вариантом развития событий являлся последний. Бывший посол был убежден в том, что армяне должны отказаться от порта Александретта, поскольку другие державы имели в этом регионе большие экономические и политические интересы. Однако выход через порт Мерсин в Средиземное море является необходимостью, хотя там армяне также встретили бы сопротивление некоторых держав²².

В тот же день К. Н. Гулькевич предложил Я. Х. Завриеву как можно скорее отправляться в Париж и Лондон для предъявления армянских требований. Для Я. Х. Завриева это стало неожиданностью, ведь окон-

чательные условия не были уточнены с российской стороны. К. Н. Гулькевич предлагал убедить Великобританию и Францию поддержать армянские устремления и пообещал написать российским послам в Париже и Лондоне. У Я. Х. Завриева не было выбора, кроме как ехать. Для совместной работы в Париже он решил пригласить П. Нубара²³, главу Армянской национальной делегации²⁴.

За это время французские амбиции выросли, что раздражало российских государственных деятелей. В меморандуме, направленном французским послом в Лондоне и Риме 20 марта, министр иностранных дел Франции Т. Делькассе заявил, что в случае раздела Османской империи провинции Алеппо, Адана, Харпут и Диарбакыр перейдут Франции. Такое решение позволит взять под контроль Багдадскую железную дорогу от Коньи до Месопотамии [6, р. 703]. Как видим, аппетит французов постепенно рос, их уже не устраивала Киликия, к которой они хотели присоединить два южных вилайета Западной Армении – Харпут и Диарбакыр.

Я. Х. Завриев 28 марта встретился с высокопоставленным российским военным. Тот подтвердил, что взгляды российских дипломатов, согласно которым Российская империя не собирается завоевывать Армению, соответствуют общей позиции местной элиты. Российская империя выйдет из войны с огромным долгом, у нее не будет денег на восстановление отсталой и разоренной Армении, поэтому лучше дать ей автономию. Российские власти считали, что взятие Константинополя союзниками вынудит Турцию выйти из войны. В таком случае страны Антанты сохранят целостность Турции и потребуют создания армянской автономии. Российская империя стремилась как можно скорее заключить мир с турками и отправить войска на западный фронт. Она надеялась на присоединение Киликии к Армении, что облегчило бы доступ к Средиземному морю. Некоторым российским генералам было дано указание предложить варианты выпрямления границ Кавказа, но те настаивали на том, чтобы оставить границы без изменений или расширить только по берегам Черного моря. Генерал, однако, добавил, что, если турки не выйдут из войны, русские оккупируют Эрзурум и могут выдвинуть новые требования²⁵.

Амбиции государств Антанты в отношении османского наследия требовали от российской стороны оперативных действий. Во избежание дальнейших

²⁰ НАА. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 91. Л. 32–33.

²¹ Les grandes puissances, l'Empire ottoman et les Arméniens dans les archives françaises (1914–1918) / A. Beylerian. Paris : Les publ. de la Sorbonne, 1983. P. 9.

²² НАА. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 91. Л. 13–15.

²³ Указом католикоса всех армян Геворга V в ноябре 1912 г. была создана Армянская национальная делегация, целью которой являлось решение армянского вопроса. До 1921 г. делегацию возглавлял египетско-армянский бизнесмен и филантроп П. Нубар.

²⁴ НАА. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 91. Л. 17–18.

²⁵ Там же. Л. 29–31.

недоразумений необходимо было уточнить планы союзников. В частности, Дарданелльская операция заставила Российскую империю как можно скорее убедить своих союзников признать российские права на Константинополь и проливы.

Во время встречи с М. Палеологом 16 марта С. Д. Сазонов согласился оставить Сирию и Киликию Франции²⁶. Тем самым российская сторона пыталась удовлетворить желания союзников решить вопрос о захвате Константинополя, который имел для нее большое значение. Таким образом, Российская империя отказалась от возможности доступа к Средиземному морю через Армению и Киликию, опасаясь нарушить интересы союзной Франции. Последняя 10 апреля согласилась с российскими устремлениями в отношении проливов, учитывая, что империя признала права французов в Сирии и Киликии [7, р. 414].

Российская империя, Великобритания, Франция и Италия 26 апреля 1915 г. подписали секретное соглашение в Лондоне. По его условиям провинция Адалия в Малой Азии после войны должна была перейти Италии [8, р. 51–52].

В апреле прояснились некоторые амбиции четырех держав Антанты в разделе османского наследия:

- Константинополь, проливы Босфор и Дарданеллы, а также Западная Армения должны перейти к России;
- Франция должна получить Сирию и Киликию;
- арабские территории должны отойти под влияние Великобритании;
- Италия должна получить в Малой Азии провинцию Адалия с прилегающими к ней областями.

Однако указанные договоренности не отвечали всем требованиям союзников, поэтому позже пришлось подписывать новые соглашения. Российская империя не отказалась от идеи доступа к Средиземному морю через Армению и Киликию. Задачу выяснить эту возможность российская дипломатия возложила на армянских политиков. Более того, она выразила готовность отказаться от армянских территорий, если Франция и Великобритания согласятся на создание единой Армении под совместным контролем трех держав. Российские политики были уверены в том, что такое решение обеспечит Российской империи доступ к Средиземному морю, ведь Армения окажется под ее влиянием. Российские власти поручили армянским политикам выяснить настроения союзников²⁷.

Советский историк Е. О. Адамов пишет, что в то время единственным способом распространения российского влияния в Средиземноморье была «не-

зависимая» Армения. Но чтобы избежать подозрений со стороны Великобритании и Франции, программу пришлось защищать армянским делегатам без участия российских дипломатов²⁸.

Российские государственные деятели, конечно, в первую очередь пытались получить доступ к Средиземному морю через проливы Босфор и Дарданеллы, а покорение Константинополя было мечтой российских дипломатов и военных на протяжении веков. Однако до соглашения Сайкса – Пико 1916 г. они не были уверены в том, позволят ли Великобритания и Франция, чтобы такой стратегически важный маршрут перешел под контроль русских. Именно поэтому Российской империи был нужен доступ в Киликию. Взамен российские власти были готовы разделить контроль над объединенной Арменией с Великобританией и Францией.

Во время секретных встреч российские дипломаты призвали армянских деятелей убедить правительства Великобритании и Франции в необходимости присоединения Киликии к Армении, но заявили, что это должно быть сделано без вмешательства Российской империи, чтобы не допустить подозрений союзников²⁹.

В начале апреля Я. Х. Завриев отправился в Европу. А. А. Нератов 17 апреля телеграфировал А. Х. Бенкендорфу и послу России в Париже А. П. Извольскому и просил поддержать Я. Х. Завриева, перед которым стояла задача ориентировать общественное мнение на реализацию армянских планов³⁰.

П. Нубар и Я. Х. Завриев 6 мая встретились в Париже. Последний представил программу автономии Армении, основанную на обращении Геворга V к И. И. Воронцову-Дашкову и императору Николаю II, а также на содержании переговоров между армянскими политиками и российскими дипломатами³¹. Указанная программа предусматривала создание автономной Армении под номинальным суверенитетом султана и под руководством европейского генерал-губернатора. Султан не имел бы права вмешиваться во внутренние дела Армении, в стране не было бы турецких войск. Армения должна была оказаться под опекой России, Великобритании и Франции. Автономная Армения включила бы Западную Армению и Киликию с портом Мерсин. От порта Александретта отказывались, чтобы избежать противодействия со стороны Великобритании и Франции³².

Таким образом, в Петрограде была достигнута предварительная договоренность по указанному плану. Однако Российская империя не взяла на себя никаких обязательств, особенно в отношении Ки-

²⁶Раздел Азиатской Турции... С. 129.

²⁷НАА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 26. Л. 9.

²⁸Раздел Азиатской Турции... С. 90–91.

²⁹Международные отношения в эпоху империализма... Т. 7. С. 457.

³⁰Раздел Азиатской Турции... С. 135.

³¹НАА. Ф. 57. Оп. 5. Д. 28. Л. 187.

³²Boghos Nubar's papers and the Armenian question. 1915–1918 / ed. and transl. by V. Ghazarian. Waltham : Mayreni publ., 1996. P. 80–84.

ликии, поскольку этот регион находился в области французских интересов и армянам пришлось бы отстаивать свои права перед правительствами Великобритании и Франции, полагаясь лишь на собственные силы. Я. Х. Завриев сообщил П. Нубару, что Франция и Россия подписали секретное соглашение, по которому после победы Киликия перейдет Франции, а Константинополь и Западная Армения перейдут России. Однако П. Нубар пожалел о соглашении и, оставаясь в тени, начал подталкивать армян к требованию автономии в границах Западной Армении и Киликии³³. Исходя из этих обстоятельств, национальная делегация представила проект о создании единой и автономной Армении политическим кругам Великобритании и Франции. Представители этих держав положительно оценивали программу автономии Армении во время встреч с армянскими политиками, однако решение вопроса они связывали с окончанием войны и уклонялись от каких-либо официальных заявлений по этому поводу. Конфликт интересов этих стран не позволял давать определенные обещания. Кроме того, у них были другие планы на будущее Армении.

А. П. Извольский в телеграмме, отправленной 17 мая С. Д. Сазонову, уточнял, насколько следует поддерживать армянских политиков. Он подчеркивал, что вопрос Киликии является особенно деликатным, ведь Франция уже заявила о своих претензиях на эту территорию³⁴. На следующий день С. Д. Сазонов проинформировал посла о том, что переговоры с армянами носили академический характер. Армяне не дали никаких определенных обещаний и отметили, что они не смогут поддержать присоединение Киликии к Армении, поскольку этот вопрос находится в поле интересов Франции³⁵.

На самом деле российские дипломаты вели переговоры таким образом, чтобы не дать конкретных обещаний армянам, но убедить их в своей согласии с армянскими устремлениями. В итоге армянские политики приняли желаемое за действительное. Таким образом, Российская империя стремилась получить выход к Средиземному морю после завоевания Западной Армении. Во избежание острых конфликтов со своим главным союзником российские власти поощряли армянских политиков на то, чтобы включить Киликию в состав единой Армении. Дипломатам было ясно, что Армения всегда будет ориентироваться на Российскую империю, свободный выход которой в Средиземное море не встретит никаких препятствий.

П. Нубар 6 июня представил меморандумы с планом создания единой автономной Армении министру иностранных дел Франции Т. Делькассе, который считал такое решение вопроса достаточно приемлемым³⁶. Чуть позже, 15 июля, план был представлен британским дипломатам³⁷. В меморандумах П. Нубар пытался обосновать интересы Франции и Великобритании в случае создания единой Армении. Он приложил все усилия для того, чтобы заинтересовать почти всех влиятельных государственных и политических деятелей указанных стран, а также средства массовой информации в создании автономной Армении. Попытки П. Нубара обосновать свои взгляды имели в основном положительные результаты.

А. П. Извольский 14 июня сообщил С. Д. Сазонову, что Я. Х. Завриев и П. Нубар ведут переговоры с французскими деятелями и даже достигают определенных успехов. Чтобы не навредить самолюбию французов, П. Нубар сделал Т. Делькассе следующее предложение: Франция получит Киликию и пойдет на добровольную уступку армянам. А. П. Извольский хотел узнать мнение правительства о том, является ли армянская программа приемлемой для союзников³⁸.

В ответе, отправленном 16 июня, С. Д. Сазонов прокомментировал этот вопрос следующим образом: «Исключение Киликии с Аданою и Мерсиною из пределов возможной под тройным протекторатом России, Франции и Англии автономной Армении последовало вследствие нашего желания обнаружить предупредительное отношение к видам Франции на эту территорию. Если же армянским делегатам удастся склонить парижский кабинет к включению Киликии в состав будущей Армянской области, то императорское правительство может только сочувствовать исполнению желания турецких армян, которым оно искони покровительствовало»³⁹.

В письме от 17 июня к Геворгу V П. Нубар сообщил, что он довел до французских властей стремление армян образовать после войны единую автономную область с объединением Западной Армении и Киликии. Армению следовало отдать под контроль Франции, Российской империи и Великобритании. П. Нубар отметил, что Франция стремится оккупировать Киликию и присоединить ее к Сирии. Ему удалось убедить многих французских государственных деятелей и редакторов в том, что интересам Франции отвечает присоединение к Сирии только порта Александретта и что создание единой автономной Армении предоставит державе большие экономические возможности⁴⁰.

³³Н.А.А. Ф. 430. Оп. 1. Д. 26. Л. 9.

³⁴Там же. Ф. 450. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–2.

³⁵Там же. Л. 3.

³⁶Boghoss Nubar's papers... P. 80–84.

³⁷Ibid. P. 170–174.

³⁸Н.А.А. Ф. 450. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–2.

³⁹Раздел Азиатской Турции... С. 138.

⁴⁰Boghoss Nubar's papers... P. 108–110.

В телеграмме, отправленной А. Х. Бенкендорфу 20 июля, С. Д. Сазонов выразил следующее мнение по армянскому вопросу: «Образование автономной Армянской области под сюзеренитетом султана и под тройным протекторатом России, Франции и Англии явилось бы естественным развитием истинного благожелательного отношения к турецким армянам не только Российской империи, но и ее союзниц. Окончательного решения на этот счет императорским правительством, однако, еще не принято, и все беседы с армянскими уполномоченными носили чисто академический характер»⁴¹.

В ходе европейских переговоров армянским политикам стало ясно, что державы связывают решение армянского вопроса с победным окончанием войны и не хотят давать никаких обещаний заранее. Британские и французские политики в целом положительно оценили требования армян, но отметили, что вопрос может быть обсужден только после войны. К этому времени уже стало понятно, что война затянется и у противоборствующих сторон уже нет надежды на быструю победу.

Вскоре начали распространяться новости о массовых депортациях и резне армян в Османской империи. Поиск возможностей для предотвращения истребления западных армян стал приоритетом армянской политики⁴². В таких условиях проекты о создании автономии были отложены. Все усилия были нацелены на спасение нации от геноцида. Царские

власти также окончательно отказались от идеи автономии Армении, поскольку значительное количество западных армян было истреблено в результате организованного Турцией геноцида. Армения осталась без армян. В таких условиях Российская империя решила оккупировать часть Западной Армении и заселить ее казаками.

В ноябре 1915 г. Британия и Франция начали переговоры о разделе османского наследия. Представители стран, М. Сайкс и Ф. Ж. Пико, в январе 1916 г. пришли к общему решению. В марте дипломаты представили свои проекты в Петрограде С. Д. Сазонову. Секретное соглашение Сайкса – Пико было подписано 16 мая 1916 г. По его условиям вилайеты Ван, Битлис, Эрзурум и Трабзон следовало передать России, а вилайеты Харпут, Диарбакыр, Сивас и Киликию – Франции⁴³.

Фактически проекты автономии Армении провалились в результате геноцида армян. Оставшись без армян, Западная Армения и Киликия перестали считаться территорией государственной самоорганизации армян. Державы Антанты 24 мая 1915 г. объявили массовое истребление армян преступлением против человеческой цивилизации [9, р. 16], однако это не помешало не только туркам, но и великим государствам попытаться воспользоваться последствиями геноцида. В ходе всех последующих переговоров подчеркивалось, что в Армении больше нет армян или они составляют небольшую долю местного населения.

Заключение

До середины 1915 г. российские власти не исключали создания армянской автономии путем объединения Западной Армении и Киликии, а в некоторых случаях даже считали, что такое решение соответствует интересам Российской империи. Однако секретные договоренности и противоречия между дер-

жавами (особенно после почти полного истребления армян в Западной Армении и Киликии) сняли идею о создании автономной Армении с повестки дня. В таких условиях Российская империя встала на путь завоевания Западной Армении, а армянские интересы были оставлены в стороне.

Библиографические ссылки

1. Палеолог М. *Царская Россия во время мировой войны*. Москва: Международные отношения; 1991. 236 с.
2. Smith J. Great Britain and the 1914–1915 straits agreement with Russia: the British promise of November 1914. *The American Historical Review*. 1965;70(4):1015–1034. DOI: 10.2307/1846901.
3. Hovannisian R. *Armenia on the road to independence, 1918*. Berkeley: University of California Press; 1967. 364 p.
4. Sahakyan R. From the history of the Armenian volunteer movement on the Russian-Turkish front during World War I. *Fundamental Armenolog* [Internet]. 2015 [cited 15 October 2024];2:58–68. URL: <https://arar.sci.am/dlibra/show-content/publication/10433/edition/9047/?ref=desc>.
5. Мнацаканян ГД. *Разрешение армянского вопроса*. Москва: Типография Х. Бархударянц; 1914. 48 с.
6. Fitzgerald EP. France's Middle Eastern ambitions, Sykes-Picot negotiations and the oil fields of Mosul, 1915–1918. *The Journal of Modern History*. 1994;66(4):697–725. DOI: 10.1086/244937.
7. Kerner RJ. Russia, the Straits, and Constantinople, 1914–1915. *The Journal of Modern History*. 1929;1(3):400–415. DOI: 10.1086/235488.
8. Wilcox V. *The Italian empire and the Great War*. Oxford: Oxford University Press; 2021. 269 p.
9. Schabas WA. *Genocide in international law: the crimes of crimes*. Cambridge: Cambridge University Press; 2000. 644 p.

Получена 03.05.2024 / исправлена 05.10.2024 / принята 19.12.2024.
Received 03.05.2024 / revised 05.10.2024 / accepted 19.12.2024.

⁴¹Н.А. Ф. 450. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

⁴²Там же. Ф. 57. Оп. 5. Д. 19. Л. 108.

⁴³Раздел Азиатской Турции... С. 185–188.

АЛЬМАНАХИ И ТРАНСЛЯЦИЯ ВЛАСТНОГО ДИСКУРСА ВО ВРЕМЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Г. П. ВОРОТНЕВ¹⁾, Т. М. ДЕМИЧЕВА¹⁾

¹⁾Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная, 7/9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Исследуется властный дискурс в источниках повседневной культуры Франции накануне и во время Французской революции. Изучается содержание французских альманахов второй половины XVIII в., в частности рассматриваются календари, песни, анекдоты, документы и т. д. Проводится сравнительный анализ однотипных по наполнению элементов сборников, вышедших в разные годы. Устанавливается инструментарий, использовавшийся властью для продвижения в альманахах определенных нарративов. Рассматривается процесс введения революционного календаря, а также эволюция системы святцев в нем. Описываются особенности трансляции качеств настоящего французского гражданина в календарях, песнях и анекдотах. Исследуется рецепция политических событий составителями альманахов. Делается вывод о том, что при переходе к государству модернового типа трансформация власти во Франции сопровождалась процессами дехристианизации и секуляризации сознания, создания образа нового гражданина, дискредитации королевской власти и деконструкции фигур правителей. Используются методы и подходы, предложенные Р. Дарнтоном. В качестве объектов изучения властного дискурса Франции XVIII в. источники повседневной культуры выступают впервые.

Ключевые слова: альманахи; власть; образ правителя; Французская революция.

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 22-78-00106; <https://rscf.ru/project/22-78-00106/>).

АЛЬМАНАХІ І ТРАНСЛЯЦЫЯ ЎЛАДНАГА ДЫСКУРСУ ПАДЧАС ФРАНЦУЗСКАЙ РЭВАЛЮЦЫІ

Г. П. ВОРАТНЕЎ^{1*}, Т. М. ДЗЕМІЧАВА^{1*}

^{1*}Санкт-Пецярбургскі дзяржаўны ўніверсітэт,
Універсітэцкая набярэжная, 7/9, 199034, г. Санкт-Пецярбург, Расія

Анатацыя. Даследуецца ўладны дыскурс у крыніцах штодзённай культуры Францыі напярэдадні і падчас Французскай рэвалюцыі. Вывучаецца змест французскіх альманахаў другой паловы XVIII ст., у прыватнасці разглядаюцца календары, песні, анекдоты, дакументы і г. д. Праводзіцца параўнальны аналіз адна тыпных па нападзенні элементаў

Образец цитирования:

Воротнев ГП, Демичева ТМ. Альманахи и трансляция властного дискурса во время Французской революции. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;1:21–29.
EDN: PRQSRE

For citation:

Vorotnev GP, Demicheva TM. Almanacs and the broadcasting of power discourse during the French Revolution. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;1:21–29. Russian.
EDN: PRQSRE

Авторы:

Георгий Петрович Воротнев – лаборант-исследователь Института истории.
Таисия Максимовна Демичева – кандидат исторических наук; старший преподаватель кафедры истории нового и новейшего времени, старший научный сотрудник Института истории.

Authors:

Georgy P. Vorotnev, laboratory researcher at the Institute of History.
st110155@student.spbu.ru
<https://orcid.org/0009-0006-0078-5401>
Taisiia M. Demicheva, PhD (history); senior lecturer at the department of history of modern and contemporary history and senior researcher, Institute of History.
t.demicheva@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1463-7489>

зборнікаў, што выйшлі ў розныя гады. Выяўляецца інструментарый, які выкарыстоўваўся ўладай для прасоўвання ў альманахах пэўных наратываў. Разглядаецца працэс увядзення рэвалюцыйнага календара, а таксама эвалюцыя сістэмы святцаў у ім. Апісваюцца асаблівасці трансляцыі якасцей сапраўднага французскага грамадзяніна з дапамогай календароў, песень і анекдотаў. Даследуецца рэцэпцыя палітычных падзей складальнікамі альманахаў. Робіцца выснова аб тым, што пры пераходзе да дзяржавы мадэрнавага тыпу трансфармацыя ўлады ў Францыі суправаджалася працэсамі дэхрысціянізацыі і секулярызацыі свядомасці, стварэння вобраза новага грамадзяніна, дыскрэдытацыі каралеўскай улады і дэканструкцыі асоб кіраўнікоў. Выкарыстоўваюцца метады і падыходы, прапанаваныя Р. Дарнтанам. У якасці аб'ектаў вывучэння ўладнага дыскурсу Францыі XVIII ст. крыніцы штодзённай культуры выступаюць упершыню.

Ключавыя словы: альманахі; улада; вобраз кіраўніка; Французская рэвалюцыя.

Падзяка. Даследаванне праведзена пры фінансавай падтрымцы Расійскага навуковага фонду (грант № 22-78-00106; <https://rscf.ru/project/22-78-00106/>).

ALMANACS AND THE BROADCASTING OF POWER DISCOURSE DURING THE FRENCH REVOLUTION

G. P. VOROTNEV^a, T. M. DEMICHEVA^a

^aSaint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Embankment,
Saint Petersburg 199034, Russia

Corresponding author: T. M. Demicheva (t.demicheva@spbu.ru)

Abstract. The article is devoted to the study of the discourse of power in the sources of everyday culture of France on the eve and during the French Revolution. French almanacs of the second half of the 18th century were used as materials for this study. Calendars, songs, anecdotes and documents contained in the almanacs are considered. For the first time, sources of everyday culture act as objects of study of the power discourse of France in 18th century. A comparative analysis of similar content moments in the anthologies published in different years is carried out. The functionality used by the authorities to promote certain narratives in the almanacs is established. The article examines the introduction of the revolutionary calendar and the development of the system of saints in it, the transmission of the qualities of a real French citizen through calendars, songs and anecdotes, as well as the reception of political events by the compilers of almanacs. It is concluded that during the transition to the state of the modern type, the transformation of power in France was associated with the processes of de-Christianisation and secularisation of consciousness, creation of the image of a new citizen discrediting of royal power and deconstruction of the figures of rulers. The study uses methods and approaches defined by R. Darnton.

Keywords: almanacs; power; image of the ruler; French Revolution.

Acknowledgements. The study was conducted with financial support from the Russian Science Foundation (grant No. 22-78-00106; <https://rscf.ru/project/22-78-00106/>).

Введение

Политический нарратив Франции второй половины XVIII в. представляет собой уникальный феномен. В это время общество и государство претерпевали значительные изменения, в результате которых было сформировано государство современного типа. Его возникновение нашло отражение в источниках повседневной культуры: песнях, анекдотах, баснях, настольных играх и т. д. Их содержание позволяет нам судить об установках и приоритетах изучаемого общества. Предметом настоящего исследования выступает роль альманахов в системе ценностей французской власти. Изучение содержания данных сборников дает возможность проследить трансляцию определенных идей институтами власти, а также проанализировать рефлексии общества на тему происходивших изменений. Целью настоящего ис-

следования является определение степени проникновения власти в социокультурную архитектуру общества при помощи альманахов. Для достижения указанной цели были решены следующие задачи: изучена реакция альманахов на развитие политического контекста; установлены изменения в их содержании, обусловленные революционными событиями во Франции; выявлены тенденции властного дискурса, выраженные в материалах сборников.

Изучением альманахов занималось небольшое количество исследователей. В отечественной историографии в специализированных работах факты обращения к этим источникам не встречаются [1]. Что касается публикаций по истории Французской революции, то в них массовые источники, наподобие альманахов, редко выступают в качестве объектов

анализа [2]. Таким образом, все, что мы знаем об альманахах, связано с зарубежной историографией. Как правило, взгляд историков был обращен к сборникам XIX в., когда они уже стали эффективным орудием политической пропаганды [3]. Среди наиболее заметных работ, посвященных альманахам Старого порядка, выделяется исследование Ж. Боллем «Популярные альманахи XVII–XVIII вв.»¹ [4]. Автор сделала акцент на социальной истории в традиции Л. Февра [5]. При этом главными объектами внимания Ж. Боллем стали тиражность и способы распространения альманахов. Проводя анализ содержания совершенно разных сборников, Ж. Боллем пришла к выводу о том, что альманахи читали абсолютно все слои общества [6, р. 194]. Кроме того, автор сделала еще одно значимое заключение: с начала своего распространения в XVII в. альманахи не имели отношения к религиозной литературе. Именно этим обусловлено их появление на заре Нового времени [6, р. 196]. Развивая данную мысль, Ж. Боллем отмечает, что альманах является народным жанром и тексты, написанные в этом жанре, волнуют народные

массы [6, р. 194]. Еще одним исследователем, посвятившим себя изучению указанных источников, была В. Саррацин-Кани. В статье «Формы календарей и их употребление в парижских альманахах XVIII в.» она сообщала о росте числа таких сборников в данный период [7, р. 419]. В связи с этим альманахи нуждались в систематизации. К концу Старого порядка альманахи во многом были стандартизированы, но с началом Французской революции они подверглись «маргинализации» и их наполнение стало более хаотичным [7, р. 419]. Свое внимание В. Саррацин-Кани сосредоточила на календарях. Она изучала процесс трансформации календарей, в том числе изменения, вызванные стремлением сделать календари более точными. При этом главная цель ученого состояла в том, чтобы исследовать зависимость такого источника от времени [7, р. 445–446]. Несмотря на обширный круг выявленных проблем, публикации В. Саррацин-Кани и Ж. Боллем посвящены в основном форме сборников, а не их содержанию. Таким образом, проблема отражения в альманахах властного нарратива остается открытой.

Теоретические основы исследования

Данная работа опирается на методы и подходы Р. Дарнтон [8], использованные им в рамках изучения истории повседневной культуры и новой культурной истории. Суть его подходов заключается в том, что социологический аспект образа вещи может содержать идеи и ценности изучаемого общества [9, с. 78]. В альманахах закреплены те или иные мировоззренческие

установки, политические и идеологические смыслы, культурные идеалы и общественные нормы. Сборники могут быть использованы для анализа инструментария, применявшегося при взаимодействии власти и общества во Франции XVIII в. При этом сам феномен власти рассматривается через призму доказательной логики М. Фуко и его идеи паноптизма [10, с. 263].

Результаты и их обсуждение

При изучении властных дискурсов, отраженных в альманахах XVIII в., приобретает актуальность вопрос о выборке источников. В альманахах, которые проанализированы в данном исследовании, аккумулирована совершенно разная информация. Так, они содержат песни, анекдоты, басни, календари, которые отражают изменения, происходившие в политике Франции в изучаемый период. Литературные, королевские и прочие альманахи авторами не рассматривались.

В классическом понимании альманах представлял собой сборник разнообразных сведений с обязательным включением календаря. Словарь Французской академии за 1695 г. определял альманах как «календарь, содержащий все дни года, праздники, лунные фазы, затмения, восходы солнца и прогнозы хорошей и плохой погоды»². Однако данная дефиниция не является исчерпывающей. В XVIII в. в альма-

нахи, помимо перечня астрономических событий и праздников, включали песни, анекдоты, декреты государственной власти и т. д. В связи с этим данные источники весьма трудно охарактеризовать и категоризировать. Каждый сборник представлял совокупность сведений, что, в свою очередь, и определяло его специфику.

Основной единицей наполнения французских альманахов XVIII в. являлся календарь. Без него сборник выйти не мог. Наличие календаря было условием многих издателей при Старом порядке [7, р. 432]. Его публикация оставалась важной формальностью. Один из многочисленных составителей революционных альманахов даже указывал на то, что он вынужден вставить в свой труд календарь, так как его наличие является обязательным³.

Классический дореволюционный календарь, как правило, включал месяц, дату, день недели, имена

¹Здесь и далее перевод наш. – Г. В., Т. Д.

²Dictionnaire de l'Académie française. Paris : Chez la veuve de Jean Baptiste Coignard, 1695. T. 1. P. 19.

³Le triomphe de la liberté, almanach républicain: chansons nouvelles & analogues aux années 1789, 90, 91, 92. Paris : Chez Laurens jeune, 1792. P. 5.

святых или важные религиозные праздники, а также фазы луны⁴. Обычно месяцы были представлены постранично в хронологическом порядке и имели вид таблицы. Первый столбец в ней занимали дни недели, в последующих столбцах были указаны дни месяца, святцы или праздники, в конце отмечалось астрономическое положение Луны, а иногда и Солнца. В некоторых случаях весь альманах мог быть представлен одним календарем, содержащим дополнительную информацию. Так, в сборнике «Альманах парижских рынков, комичных и курьезных этреннов с интересными песнями»⁵ представление каждого месяца сопровождалось красочными миниатюрами и куплетами на совершенно разные темы. Оформленный таким образом альманах можно назвать не сборником, а интерактивным календарем. Кроме того, часто в альманахах к календарю прилагался список с датами основных христианских праздников. Поскольку некоторые седмицы не имеют постоянной привязки, такой перечень, нередко известный под названием «Передвижные праздники»⁶, облегчал восприятие информации. Существовали и сугубо рекламные сборники, составители которых посредством календарей пытались продвигать свою продукцию. Так, в сборнике «Каталог и альманах вкуса и запаха» автор рассказывал о косметических или кондитерских изделиях, которые актуальны в той или иной месяц⁷. Таким образом, при Старом порядке публикация календарей использовалась составителями альманахов в качестве оригинального инструмента для достижения собственных целей.

Во времена Французской революции альманахи претерпели значительные изменения и стали уже не столько информационным справочником, сколько рупором мнений. В период диктатуры монтаньяров Национальный конвент декретом от 5 октября 1793 г. ввел новый республиканский календарь, который действовал до 1 января 1806 г. Некоторые альманахи продолжали публиковать григорианский календарь⁸. Но большинство изданий стали соотносить прежний григорианский календарь с новым

республиканским⁹. Встречались и альманахи, не содержащие календаря, например альманах «Маленький санкюлот, поющий альманах на текущий год». Очевидно, что республиканский календарь с трудом входил в повседневную жизнь и большинству людей удобно было пользоваться григорианским. Однако к концу XVIII в. республиканский календарь обрел популярность и заполнил страницы альманахов¹⁰.

Кроме календарей, альманахи содержали иные элементы с более сложными нарративами. Изменился смысл, который составители сборников вкладывали в перечень основных церковных праздников и дней памяти святых. При Старом порядке использовался календарь, где на каждый день приходился праздник или отмечались именины какого-нибудь святого. В период Французской революции данный подход значительно усложнился. Одни альманахи перестали использовать святцы в календарях, другие сборники продолжали публиковать их параллельно в григорианском и республиканском календарях. В некоторых альманахах имена христианских святых были заменены на имена известных светских личностей. Например, «Патриотический альманах, содержащий календарь, украшенный новыми святыми, краткое изложение причин, приведших к последней революции, краткое изложение истории первых шести месяцев войны за свободу» связывал 2 июля с именем Ж. Ж. Руссо¹¹, тогда как ранее в этот день отмечался праздник встречи Девы Марии и праведной Елизаветы¹². Когда календари обрели единую форму, авторы перестали обращаться к именам личностей. Составитель сборника «Альманах Аристиды, или добродетельного республиканца, на третий год Республики» связывал каждый день декады республиканского календаря с названиями животных, растений, минералов, орудий труда¹³. Классическому республиканскому календарю была свойственна именно такая система [11, р. 303–325].

Весьма вероятно, что такие нововведения существенно нарушали прежний уклад жизни общества. Составители некоторых альманахов считали важным

⁴L'esprit des almanachs, analyse critique et raisonnée de tous les almanachs tant anciens que modernes. Paris : Chez la veuve Duchesne, 1783. P. 29–40.

⁵Almanach des marchés de Paris, étrennes curieuses et comiques avec des chansons intéressantes. Paris : Chez Boulanger, 1787. 109 p.

⁶Catalogue et almanach du gout et de l'odorat. Paris : Impr. de Grange, 1773. P. 7.

⁷Ibid. P. 9–20.

⁸La muse républicaine: almanach chantant pour l'année 1793, deuxième de la République française. Paris : Chez Rochette, 1793. P. 5–16 ; Almanach des Républicains, pour servir à l'instruction publique. Paris : Impr. du cercle soc., 1793. P. 5–16 ; Almanach patriotique, contenant un calendrier orné de nouveaux saints, un précis des causes qui ont amené la dernière révolution, un abrégé de l'histoire des six 1er mois de la guerre de la liberté par un citoyen de Domfront. Paris : Chez Varinchez Varin, 1793. P. 4–27.

⁹Almanach des bizarreries humaines, ou Recueil d'anecdotes sur la révolution, destiné à l'instruction des petits et des grands enfans. Paris : Chez A. Bailleul, 1796. P. 146–156 ; Almanach républicain, dans lequel on a substitué le nom des hommes célèbres à celui des ci-devant martyrs, vierges, confesseurs, anachorètes, etc. / H. Blanc, P.-F.-X. Bouchard. Paris : Chez la veuve Hérisant, 1795. P. 12–36 ; Almanach d'Aristide ou du vertueux républicain pour l'an III de la République. Paris : Chez Caillot, 1795. P. 10–34.

¹⁰Répertoire, ou Almanach historique de la Révolution française: contenant ce qui s'est passé pendant les années V et VI, et faisant suite à celui qui a paru l'an dernier, avec une notice sur les revenus et charges publics. Paris : Chez Lefort, 1799. P. 5–10.

¹¹Almanach patriotique, contenant un calendrier... P. 16.

¹²L'esprit des almanachs... P. 35.

¹³Almanach d'Aristide... P. 10–33.

объяснить читателям новые установления календаря. Типичное толкование заключалось в том, что республиканский календарь предполагает летоисчисление, которое продиктовано самой природой и связано с ее «ходом и гармонией»¹⁴. Однако переход к естественному движению природы, как и весь процесс дехристианизации, происходил не сразу, поэтому результатом секуляризации святцев стал своеобразный синкретизм.

Религиозный синкретизм был характерным явлением начального этапа Французской революции. Содержание альманахов свидетельствует о том, что люди не сразу отказались от христианских догматов и даже пытались синтезировать их с новыми революционными установками. Такой подход продемонстрирован в антиклерикальном сборнике «Народный альманах за 1792 г.». Составитель альманаха критикует служителей римской церкви за то, что они на протяжении веков искажали христианское вероучение. К истине его смогли вернуть философы Г. Т. Рейналь, Г. Б. Мабли, Ж. Ж. Руссо и Вольтер. Правильное учение проповедают исключительно присягнувшие священники¹⁵. Одними из главных морально-нравственных качеств христианства, по мнению составителя сборника, являются любовь и защита родины, а также гражданская добродетель¹⁶. При аргументации автор часто обращается к учению евангелистов, но при этом он постоянно подчеркивает, что руководствуется «здравым смыслом»¹⁷.

В похожем нравственно-морализаторском ключе был составлен сборник «Республиканский альманах, в котором имена известных людей заменили название прежних мучеников, дев, исповедников, отшельников и т. д.». Прежние христианские святцы в нем были заменены на новые республиканские праздники в честь мучеников свободы, республики, свободы и равенства, мировой свободы, ненависти к тиранам и предателям, правды, справедливости, целомудрия, славы и бессмертия, дружбы, добросовестности, храбрости, бережливости, стоицизма, супружеской верности, отцовской любви, материнской нежности, сыновнего благочестия, детства, молодости, старости, несчастья, земледелия, предков, потомков, счастья¹⁸.

Обращение к теме любви, защиты родины и гражданской добродетели было характерно не только для альманахов, но и для многих других источников повседневной культуры революционного периода. В настольных играх того времени также отражались

качества, которыми должен был обладать настоящий французский гражданин. Так, на поле настольной игры «Отдых отца Жерара, или Курица в горшке Генриха IV», опубликованной в том же году, что и «Народный альманах за 1792 г.», были отражены понятия «патриотизм», «Франция», «французские граждане» [12, с. 558]. Очевидно, данный дискурс можно объяснить внешнеполитическими условиями, в которых находилась Франция в тот период. Таким образом, источники повседневной культуры синхронно реагировали на изменение политических реалий.

В результате проведения антиклерикальной политики форма святцев в альманахах осталась прежней, но имена святых были заменены на имена новых мучеников свободы¹⁹. Такие сборники именовались мартирологами²⁰. Среди новомучеников были В. Телль, Тит Ливий, Галилео Галилей, Эпикур, Ш. Монтескье и другие светские деятели Античности и Средневековья, мыслители и изобретатели раннего Нового времени, философы Просвещения, а также герои Французской революции.

В 1794–1795 гг. вышел альманах, в названии которого прямо сообщалось о замене имен прежних мучеников именами известных людей. Подобным образом был представлен и республиканский альманах за 1795 г. Каждый пятый день календаря был посвящен значимой личности: Вольтеру, Ж. Ж. Руссо, Ж. П. Марату, Цицерону, Гомеру и др.²¹ Интересно, что в альманахах использовалась не только прежняя форма святцев, но и григорианский календарь, который был соотнесен с республиканским. Впрочем, публикация параллельных календарей встречается практически во всех республиканских альманахах.

Продолжая тему развития синкретизма, стоит упомянуть сборник «Альманах разума на второй год Французской республики». В нем затрагивалась не совсем обычная тема – «катехизис политики и морали для республиканского образования»²². Как правило, катехизисы использовались для обучения основам христианского вероучения. В указанном альманахе содержится информация о гражданстве, конституции, народном правительстве, разделении властей, культе Разума и почитании Верховного Существа, перечисляются добродетели, которыми должен обладать французский республиканец. Как человек, предложивший правила истинного почитания Бога, упоминается М. Робеспьер. Революционные власти секуляризировали сами термины. Заимствование христианских форм встречается и в сборнике «Пою-

¹⁴ Almanach républicain... P. 40.

¹⁵ Almanach du peuple pour l'année 1792 / J.-F.-N. Dusaulchouy. Paris : Au bur. des réolut. de France et de Brabant, 1792. P. 5–14.

¹⁶ Ibid. P. 49–54.

¹⁷ Ibid. P. 16.

¹⁸ Almanach républicain... P. 47–88.

¹⁹ Almanach des Républicains... P. 1.

²⁰ Ibid.

²¹ Almanach républicain... P. 11–37.

²² Almanach de la raison, pour l'an deux de la République française, une indivisible. Paris : Chez le citoyen Desloges, 1794. P. 25.

щий республиканский альманах, посвященный второму году Французской республики», в котором приводятся десять заповедей Французской республики²³.

Нравственно-морализаторский аспект властного дискурса в альманахах проявлялся не только в замене религиозных элементов, но и в публикации добродетельных диалогов. Так, в сборнике «Альманах Аристиды, или добродетельного республиканца, на третий год Республики» повествование выстраивалось вокруг фигуры Аристиды – обычного человека из департамента Уазы, «патриота и республиканца»²⁴. Повествование делилось на 12 бесед, которые были посвящены морально-нравственным аспектам: Богу и бессмертию души, законам и государству, любви к родине и ненависти к тиранам, повиновению законам и правосудию, добросовестности и искренности, благотворительности и бескорыстию, простоте нравов и умеренности, терпению и мужеству, любви к работе, науке и экономике, сыновней и братской любви, супружеской любви, отцовской любви и материнской нежности.

Посредством описания Аристиды составитель альманаха стремился привить гражданам уважение к законам и любовь ко всем республиканским добродетелям. Образу идеального гражданина-республиканца мог соответствовать тот, кто чтит Верховное Существо, во всем поступает исходя из добродетели, повинуется законам, имеет семью и детей, скорее всего, не богат, но усердно трудится, умерен и не строитив [13, с. 349]. Такой посыл перекликается с дискурсом настольной игры «Отдых отца Жерара, или Курица в горшке Генриха IV», где в пояснениях на игровом поле было описано общество, которое возникнет в результате революции: «...благодаря новому образованию формируется поколение новых людей. Между гражданами будет царить согласие, свобода непоколебима. Любовь к ближнему, как предписываемая религией, так и конституцией, превращает возрожденных французов в общество братьев. Согласно моральным принципам общество, состоящее из добродетельных людей, станет раем на земле» (цит. по [12, с. 559]).

Значимым маркером властных нарративов и механизма пропаганды являлись также песни. В данном исследовании под песней подразумеваются все произведения, имеющие стихотворное начало. В альманахах песни обозначались как гимны, куплеты, поурри, стихи или эпиграммы.

Альманахи, изданные при Старом порядке, содержали большое количество песен. Так, в сборнике «Альманах парижских рынков, комичных и курьезных этреннов с интересными песнями» оформление каждого месяца сопровождалось публикацией

песни, которая описывала один из парижских рынков. Например, для апреля была выбрана песня про цветочный рынок и девушку, торгующую цветами²⁵. Как правило, главными героями подобных песен являлись богатый мужчина-покупатель и бедная девушка-торговка. Песни, представленные в дореволюционном сборнике «Каталог и альманах вкуса и запаха», не имели сюжета и были посвящены описанию качеств кондитерских или косметических изделий. В изученных нами дореволюционных альманахах песни бытового и развлекательного характера занимали если не большую, то значительную часть. Во времена Старого порядка были популярны политические песни, которые часто распространялись в виде рукописных листов. Так, в Национальном архиве Франции среди бумаг маркиза В. Р. де Мирабо можно найти подборку песен, посвященных финансовой системе Дж. Лоу, реформам Ш. Колонна, собранию нотаблей и другим важным политическим темам времен Старого порядка²⁶.

Во времена Французской революции песни в альманахах приобрели совершенно иное звучание. С точки зрения темы их условно можно разделить на песни, воспевающие республиканские ценности, и песни, содержащие критику действовавшей власти. К последней категории относится издание «Альманах человеческих причуд, или Сборник анекдотов о революции, предназначенный для обучения маленьких и больших детей». Составитель работы описывает казнь 21 депутата Жиронды, состоявшуюся 30 октября 1793 г. В конце сборника приводится стихотворное поурри «Провенское путешествие», излагающее мысли Ж.-Ф. Дюко, одного из жирондистов. Лирический герой песни сетует на свою судьбу, осуждает политику монтаньяров, а также рассказывает о пребывании жирондистов в тюрьме Консьержери²⁷. Песенная форма выступает в данном случае средством художественной выразительности, позволяющем передать мученический образ жирондистов и представить режим монтаньяров зверским.

Среди сборников, воспевавших республиканские ценности, можно выделить бытовые (романтические), морально-нравственные, тираноборческие и военные альманахи. Каноничным сборником, имеющим бытовое и романтическое содержание, является сборник «Республиканская муза: поющий альманах на 1793 г.». В нем содержится 50 песен, в частности 38 песен романтического характера, 3 песни поздравительного характера, 2 песни застольного характера и лишь 7 песен патриотического характера. Сюжет романтических песен, как правило, был однообразным. Чаще всего описывались любовные отношения между пас-

²³ Almanach républicain chantant pour l'an 2e de la République française. Paris : Chez Lallemand, 1794. P. 115.

²⁴ Almanach d'Aristide... P. 5–6.

²⁵ Almanach des marchés de Paris... P. 12–14.

²⁶ Arch. natl. de France. M791. N° 3.1.

²⁷ Almanach des bizarreries humaines... P. 135–144.

тухом и пастушкой. Пастушка боится гнева своей матери, а пастух уговаривает девушку убежать с ним. Можно предположить, что большинством читателей альманаха являлись крестьяне. Примечательно, что целевой аудиторией распространявшихся в тавернах настольных игр, так же как и аудиторией альманахов, были представители малограмотного населения [14, p. 33].

В данном контексте уместно привести стихотворный диалог между Пьяницей и Бутылкой²⁸. Бутылка уговаривает Пьяницу выпить еще, но тот отказывается. Он хочет начать новую жизнь. В тексте говорится о том, что лишь при короле было пьянство, поскольку люди пили от нищеты. Без короля все будут жить в изобилии и никому не придется пить. Диалог носит нравственно-морализаторский характер и осуждает пагубные пристрастия. В альманахе представлен также диалог между Луи-предателем и Марией-Антуанеттой. Королева называет Людовика XVI слабым королем и призывает утопить народные беспорядки в крови²⁹. Автор сборника указывает, что он составил данный диалог на основе речи Камиллы – героини трагедии французского драматурга П. Корнеля «Гораций»³⁰. Данная трагедия была очень популярна во времена Французской революции. Камилла выступила против Рима, за что была лишена жизни. В диалоге Мария-Антуанетта принуждает Людовика XVI к действиям против бездны, в которую его вверг взбунтовавшийся народ. Аргументация королевы состоит в том, что депутаты отменяют и переделывают истинную конституцию, делают людей равными и таким образом нарушают равновесие сил. Подписание данного закона королем привело к катастрофе. Монарх при этом оправдывает себя тем, что он выполнил волю народа, просившего его о помощи. Однако при этом Людовик XVI утверждает, что абсолютная власть все еще сосредоточена в его руках, а Мария-Антуанетта просто хочет утопить всех в крови, управляя неуверенной рукой короля. Образы французского монарха и его жены представлены весьма стереотипно, что не является удивительным для периода диктатуры монтаньяров [15, с. 147–148]. Передача такого восприятия в тексте массового источника лишь укрепляла в сознании народных масс образ слабого короля и его кровожадной супруги.

С содержанием упомянутой работы резко контрастирует наполнение сборника «Маленький санкюлот,

поющий альманах на текущий год», составленного в условиях военной угрозы. В сборнике размещены 14 песен, посвященных мобилизации населения в борьбе с тиранами. Практически все песни призывают к скорейшему объединению сил нации для отпора врагам³¹. Здесь мы обнаруживаем классический пример военной пропаганды. Однако составители альманахов не ставили цели чему-либо научить своих читателей.

Чаще всего лейтмотивом песен в сборниках становилась свобода, к которой «французы пришли через разум», а также равенство, «проводником которого стала природа»³². Французский народ являлся единственным народом, осознавшим это, и стремился распространить свое знание по всей Европе³³.

Для многих песен было характерно сатирическое изображение европейских монархов. К примеру, прусского короля Фридриха II называли королем-толстяком³⁴, а Георга III сравнивали с Жоржем Данденом, главным героем комедии Мольера³⁵. В одном из диалогов аллегорически обыгрывался сюжет: герцог Брауншвейгский вылетает из местности, где изготавливалось шампанское, как пробка³⁶. В песнях встречалось упоминание Екатерины II³⁷. Так, согласно тексту одной из песен императрица присутствовала на балу, где все монархи танцевали под залпы французских пушек. В куплетах нередко выражалась ненависть к королям, которых французы считали тиранами.

Важным ретранслятором властного нарратива в альманахах были анекдоты. Они более прямолинейно, чем песни, доносили определенную точку зрения до читателя. Сборник «Альманах человеческих причуд, или Сборник анекдотов о революции, предназначенный для обучения маленьких и больших детей» за 1796 г. состоял из анекдотов и рассказывал о судьбе жирондистов, явно симпатизируя им³⁸. В сборнике «Альманах хороших людей на 1795 г.» посредством анекдотов формировалась черная легенда вокруг М. Робеспьера. Содержание альманаха посвящено всестороннему осуждению диктатуры монтаньяров. Главными героями анекдотов являлись люди, так или иначе связанные с «горцами». В анекдотах были отражены их страдания от пагубной политики Комитета общественного спасения. Также подробно были описаны события 9 термидора. Автор выражал радость по поводу образования умеренного правительства³⁹.

²⁸La muse républicaine... P. 84–88.

²⁹Ibid. P. 115–124.

³⁰Ibid. P. 123.

³¹Le petit sans-culotte, almanach chantant, pour la présente année: dédié aux belles républicaines. Paris : Chez Le Prieur, [?]. P. 24.

³²La muse républicaine... P. 100–104.

³³Almanach républicain chantant pour l'an 2e de la République française. Paris : Chez Lallemand, 1794. P. 45–46.

³⁴Ibid. 41–43.

³⁵Ibid. P. 52.

³⁶Ibid. P. 51.

³⁷Almanach républicain... P. 130.

³⁸Almanach des bizarreries humaines... P. 141–144.

³⁹Almanach des gens de bien pour l'année 1795. Paris : Chez Pichard, 1795. P. 161–193.

В альманахах часто приводилось объяснение причин революции, как ожидается, с республиканских позиций. В антиклерикальном сборнике «Патриотический альманах» за 1793 г. представленный анализ причин революции был настолько пространным, что издание можно назвать больше сочинением с номинальным функционалом альманаха. Говоря о причинах революции, автор указывал на слабость короля, коррупцию чиновников и лицемерие фейянов⁴⁰. Опыт античных республик – Афин, Спарты, Рима – подкреплял верность революционного пути. Запрос власти был более чем понятен и заключался в конструировании образа прошлого в традициях республиканцев.

Еще более пространными выглядели рассуждения составителя сборника «Исторический альманах Французской революции на 1792 г.» в пяти книгах. В первой книге были объяснены причины революции и описан деспотизм королей и их министров. Кроме того, в работе упоминались философы Просвещения, приблизившие общество к революции. Вторая книга повествовала о сложностях созыва Генеральных штатов и об образовании Национального собрания. Третья книга рассказывала о взятии Бастилии и «ночи чудес». В четвертой книге были представлены дебаты о праве вето короля, изъятии церковного имущества, также упоминалось о походе бедняков на Версаль. Пятая книга подводила итоги революции и сообщала о принятии новой конституции. Мерилом революционного прогресса для автора выступало принятие конституции⁴¹. Он также добавил в сборник речи короля и президента Национального собрания, чтобы подчеркнуть легитимность принятого документа. В других альманахах можно найти статьи из Декларации прав человека и гражданина⁴². Иными словами, сборники становились не просто информационной площадкой, но и рупором государственного законодательства.

К концу Французской революции составители альманахов стали публиковать в своих изданиях не-рефлексивную информацию о событиях. Так, в «Справочнике, или Историческом альманахе Французской революции»⁴³ за 1788–1789 гг. содержались новости всех революционных лет, опубликованные в журналах «Бюллетень законов» («Bulletin de Lois»), «Сборник декретов» («Collection des Décrets»), «Вестник» («Moniteur»), «Справочник» («Répertoire»), «Парижская газета» («Journal de Paris»). «Справочник, или Исторический альманах Французской революции» не содержал оценочных суждений, в нем было представлено лишь перечисление событий, поскольку он полностью содержал цитаты из указанных журналов. В сборнике мог присутствовать анализ той или иной сферы общественной жизни, а также могли быть описаны этапы ее постепенной трансформации, обусловленной реформами действовавшего правительства. Такая подача материала давала читателям возможность судить о том, насколько власть становится публичной.

Как ответ на позицию официальной власти выходили альманахи, издаваемые эмигрантами. Сборник «Историко-критический альманах депутатов первого Законодательного собрания на 1792 г.» преследовал цель осудить новых республиканских деятелей. Сборник был издан в Кобленце в 1792 г. Его предполагалось распространять среди «монархических» книготорговцев. Альманах открывался посланием к президенту Национального собрания. Целью данного сборника провозглашалось создание списка негодяев из числа депутатов, чтобы французы могли посмеяться над ними, а затем распустить собрание⁴⁴. Хотя не так масштабно, как на полях сражений, но эмигранты пытались противостоять революционным властям и в информационном пространстве. Предположительно, альманахи могли служить средством поиска поддержки среди роялистски настроенных элементов французского общества.

Заключение

Таким образом, во Франции XVIII в. альманахи выполняли функцию важного канала связи, особенно во времена Французской революции. Будучи источником повседневной культуры, данные сборники реагировали на любые изменения в политической конъюнктуре. Постепенно отказываясь от публикации календаря как основы содержания, альманахи представляли рефлексию по поводу происходивших в государстве событий, причем часто отражали их с помощью средств сатиры и аллегорий.

Помимо очевидной пропаганды, направленной на мобилизацию населения, сборники затрагивали и иные темы. Если дореволюционные альманахи имели развлекательно-бытовое содержание, то республиканские альманахи были нацелены на отражение политико-идеологических тенденций. При диктатуре монтаньяров важной задачей стали дискредитация королевской власти и инфернализация образов Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Впрочем, после падения Комитета общественного

⁴⁰ Almanach patriotique, contenant un calendrier... P. 28–31.

⁴¹ Almanach historique de la Révolution française, pour l'année 1792 / M. J. P. Rabaut. Paris : Chez Onfroy, 1792. P. 358–439. (On y a joint l'Acte constitutionnel des François avec le discours d'acceptation du roi. Ouvrage orné de gravures d'après les dessins de Moreau.)

⁴² Almanach de la raison... P. 31–36 ; Almanach républicain chantant... P. 103–114.

⁴³ Répertoire, ou Almanach historique de la Révolution française... 480 p.

⁴⁴ Almanach historique et critique des députés à la première Assemblée législative pour l'année 1792. Coblenz : Impr. des Princes fr., 1792. P. 1–4.

спасения такой же деконструкции был подвергнут образ М. Робеспьера.

В сборниках транслировались новые идеологические установки, которые служили цели воспитания гражданина-республиканца. Данная тема тесно переплеталась с заменой прежней христианской парадигмы. Календари и святцы обретали новый вид

и должны были формировать у населения гражданскую позицию сквозь секулярную призму.

Кроме того, альманахи выступали в роли средства объяснения политической действительности. Составители сборников публиковали основные материалы революционной прессы и раскрывали причины произошедшей революции.

Библиографические ссылки

1. Пименова ЛА. *Монархия и придворное общество во Франции в конце Старого порядка*. Москва: Исторический факультет МГУ; 2018. 410 с.
2. Бовыкин ДЮ, Чудинов АВ. *Французская революция*. Москва: Альпина нон-фикшн; 2020. 468 с.
3. Gosselin R. *Les almanachs républicains, traditions révolutionnaires et culture politique des masses populaires de Paris (1840–1851)*. Paris: l'Harmattan; 1993. 329 p.
4. Bólleme G. *Les almanachs populaires au XVIIe et au XVIIIe siècles: essai d'histoire sociale*. Paris: Mouton; 1969. 147 p.
5. Февр Л. *Бои за историю*. Бобович А, переводчик. Москва: Наука; 1991. 629 с.
6. Chartier R. *Les almanachs populaires au XVIIe et au XVIIIe siècles* by Geneviève Bollème. *Revue Historique*. 1970; 244(1):193–197.
7. Sarrazin-Cani V. *Formes et usages du calendrier dans les almanachs parisiens au XVIIIe siècle. Bibliothèque de l'École des Chartes*. 1999;157(2):417–446.
8. Дарнтон Р. *Поэзия и полиция: коммуникационное пространство в XVIII в. в Париже*. Солнцева М, переводчик. Москва: НЛО; 2016. 192 с.
9. Дарнтон Р. Раннее информационное общество: новости и СМИ в XVIII веке в Париже. *Вестник Московского университета. Серия 7, Философия*. 2009;3:77–92.
10. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Наумов В, переводчик. Москва: Ад Маргинем Пресс; 2021. 384 с.
11. Froeschlé M. À propos du calendrier républicain. Romme et l'astronomie. *Annales historiques de la Révolution française*. 1996;2:303–325. DOI: 10.3406/ahrf.1996.1974.
12. Демичева ТМ. Власть, общество и государство в настольных играх Французской революции. *Былые годы*. 2023; 18(2):553–564. DOI: 10.13187/bg.2023.2.553.
13. Сеннет Р. *Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации*. Фаворов П, переводчик. Москва: Strelka Press; 2016. 502 с.
14. Seville A. The garden of the goose. *Garden History*. 2021;49(1):33–52.
15. Шартье Р. *Культурные истоки Французской революции*. Гринберг ОЭ, переводчик. Москва: Искусство; 2021. 253 с.

Получена 03.04.2024 / исправлена 26.12.2024 / принята 26.12.2024.
Received 03.04.2024 / revised 26.12.2024 / accepted 26.12.2024.

УДК 94:327((47 + 57):438:430)«1922-1926»

МЕСТО ПОЛЬШИ В РАПАЛЛЬСКОЙ ПОЛИТИКЕ В 1922–1926 гг.

Н. Н. МЕЗГА¹⁾

¹⁾Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

Аннотация. Устанавливается, в какой степени польский фактор определял характер отношений между Россией и Германией в период от заключения Рапалльского договора до заключения Берлинского договора, а также насколько он влиял на динамику советско-германского сотрудничества в рамках рапалльской политики в контексте версальской системы международных отношений. Отмечается, что благодаря роли Польши в версальской системе рапалльская политика выступала в качестве наиболее очевидного элемента послевоенного международного порядка, против которого был направлен антиверсальский курс России и Германии. Антипольские элементы политики Москвы и Берлина укрепляли курс Рапалло в отношениях между ними. В то же время польский фактор имел тактическое значение в рамках рапалльской политики. Он использовался в качестве политического инструмента Москвы и Берлина в отношениях с ведущими странами Запада. Именно от их позиции зависело достижение стратегической цели внешней политики СССР и Германии, а именно пересмотра Версальского мира. Рапалльская политика могла способствовать уступкам со стороны западных стран в этом направлении, в том числе за счет Польши.

Ключевые слова: версальская система международных отношений; рапалльская политика; Польша; СССР; Германия; Рижский мирный договор.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения задания государственных программ научных исследований на 2021–2025 гг.

МЕСЦА ПОЛЬШЧЫ Ў РАПАЛЛЬСКОЙ ПАЛІТЫЦЫ Ў 1922–1926 гг.

М. М. МЯЗГА^{1*}

^{1*}Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны,
вул. Савецкая, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

Анатацыя. Устанаўліваецца, у якой ступені польскі фактар вызначаў характар адносін паміж Расіяй і Германіяй у перыяд ад заключэння Рапальскага дагавора да заключэння Берлінскага дагавора, а таксама наколькі ён уплываў на дынаміку савецка-германскага супрацоўніцтва ў рамках рапальскай палітыкі ў кантэксце версальскай сістэмы міжнародных адносін. Адзначаецца, што дзякуючы ролі Польшчы ў версальскай сістэме рапальская палітыка выступала ў якасці найбольш відавочнага элемента пасляваеннага міжнароднага парадку, супраць якога быў накіраваны антыверсальскі курс Расіі і Германіі. Антыпольскія элементы палітыкі Масквы і Берліна ўмацоўвалі курс Рапала ў адносінах паміж імі. Пры гэтым польскі фактар меў тактычнае значэнне ў рамках рапальскай палітыкі. Ён выкарыстоўваўся ў якасці палітычнага інструмента ў адносінах Масквы і Берліна з вядучымі краінамі Захаду. Менавіта ад іх пазіцыі залежала дасягненне стратэгічнай мэты знешняй палітыкі СССР і Германіі, а іменна перагляду Версальскага міру. Рапальская палітыка магла спрыяць уступкам з боку заходніх краін у гэтым кірунку, у тым ліку за кошт Польшчы.

Образец цитирования:

Мезга НН. Место Польши в рапалльской политике в 1922–1926 гг. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2025;1:30–38.
EDN: WJOIMN

For citation:

Miazga MM. Poland's place in Rapallo politics in 1922–1926. Journal of the Belarusian State University. History. 2025;1:30–38. Russian.
EDN: WJOIMN

Автор:

Николай Николаевич Мезга – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой всеобщей истории факультета истории и межкультурных коммуникаций.

Author:

Mikalai M. Miazga, doctor of science (history), full professor; head of the department of general history, faculty of history and intercultural communications.
miazgamm65@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6810-6942>

Ключавыя словы: версальская сістэма міжнародных адносін; рапальская палітыка; Польшча; СССР; Германія; Рыжскі мірны дагавор.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў рамках выканання задання дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг.

POLAND'S PLACE IN RAPALLO POLITICS IN 1922–1926

M. M. MIAZGA^a

^a*Francisk Skorina Gomel State University, 104 Saveckaja Street, Gomel 246019, Belarus*

Abstract. The article aims to establish to what extent the Polish factor determined the nature of relations between Russia and Germany in the period from the Rapallo to the Berlin treaty, influenced the dynamics of Soviet-German cooperation within the framework of the Rapallo policy in the context of the Versailles system of international relations. Due to Poland's role in the Versailles system, it acted as the most obvious element of the post-war international order, against which the anti-Versailles politics of Russia and Germany was directed. The anti-Polish elements of the policy of Moscow and Berlin strengthened Rapallo's course in relations between them. But at the same time, the Polish factor was of tactical importance within the framework of the Rapallo policy. He was used, like Rapallo in general, as a tool in the policy of Moscow and Berlin in relation to the leading countries of the West. After all, it was on their position that the achievement of the strategic goal of the foreign policy of the USSR and Germany – the revision of the treaty of Versailles – depended. The Rapallo policy was assigned the role of a factor that would facilitate concessions from Western countries in this direction, including at the expense of Poland.

Keywords: Versailles system of international relations; Rapallo policy; Poland; USSR; Germany; Riga treaty.

Acknowledgements. The article is prepared within the framework of the state research programmes assignment for 2021–2025.

Введение

Подписание Рапальского договора в решающей степени явилось следствием неравноправного положения России и Германии в рамках версальской системы международных отношений. Названные государства стремились к ликвидации международного порядка, установленного победителями в Первой мировой войне. Негативным элементом версальской системы международных отношений для России и Германии выступало отсутствие у них общей границы. Данное обстоятельство было связано с восстановлением независимости Польского государства, поэтому советско-германское сотрудничество в рамках Рапалло приобретало отчетливо выраженную антипольскую окраску.

В советской исторической науке рапальская политика в отношениях между СССР и Германией рассматривалась в контексте стратегии мирного сосуществования с капиталистическими странами [1]. В современной белорусской и российской историографии подчеркивается антиверсальская направленность советско-германского сотрудничества, включая его военную составляющую [2–4]. При этом рапальская политика анализируется и в широком контексте международных отношений, в том числе с учетом влияния польского фактора на взаимодействие Берлина и Москвы [5; 6]. В польской историографии делается акцент на антипольском характере курса Рапалло [7; 8]. В германской историографии Рапальский договор рассматривается прежде всего как инструмент, который правящие круги Германии

пытались использовать для ревизии Версальского мира [9; 10].

Источниковую базу статьи составили дипломатические документы, которые были опубликованы в ряде сборников, изданных в СССР, России, Польше и Германии, а также документы, хранящиеся в российских и польских архивах. Важным элементом блока источников явились материалы личного происхождения.

Цель настоящего исследования – установить, в какой степени польский фактор определял характер отношений между Россией и Германией в период от заключения Рапальского договора до заключения Берлинского договора, а также насколько он влиял на динамику советско-германского сотрудничества в рамках рапальской политики в контексте версальской системы международных отношений. Для достижения указанной цели были решены следующие задачи: выяснено влияние международного порядка, установившегося в Центрально-Восточной Европе к началу 1920-х гг., на внешнюю политику России, Польши и Германии; установлено, какая роль отводилась Рапальскому договору руководством Советского государства и Германии в контексте их антиверсальского курса; определено, какие функции выполняла рапальская политика в отношениях СССР и Германии с Польшей и ведущими государствами Запада; выявлено, являлся ли антипольский фактор решающим для курса Рапалло в советско-германских отношениях.

Методология исследования

При подготовке данной статьи ключевая роль в методологическом плане принадлежала системному подходу к исследованию истории международных отношений. Он предполагает изучение истории внешней политики отдельных государств в контексте той или иной системы международных отношений. Так, к началу 1920-х гг. сформировалась версальско-вашингтонская система международных отношений. Применительно к Европе есть основания говорить о достаточно автономной версальской системе. Ей принадлежала ключевая роль в формировании миропорядка после Первой мировой войны. Каждая система международных отношений имеет определенную структуру и определенный баланс сил, поэтому будет правомерным рассматривать версальскую систему, как обладающую этими компонентами, в качестве самостоятельной системы. В рамках каждой системы международных отношений вычленяется ряд подсистем. Для версальской системы одной из таковых являлась центрально-европейская подсистема. В данном исследовании внешняя политика СССР, Польши и Германии рассматривается с учетом того влияния, которое на нее

оказывало положение указанных государств в версальской системе, а именно в ее центральноевропейской подсистеме.

В современной историографии наряду с понятием «система международных отношений» применяется понятие «международный порядок». Под ним подразумевается комплекс конкретных международных договоренностей и возникших на их основе отношений. В Центральной Европе существовал достаточно автономный международный порядок, так как на его формирование значимое влияние оказали не только Версальским мир, но и другие международно-правовые акты, прежде всего Рижский мирный договор. Учитывая данное обстоятельство, мы все же исходим из того, что определяющее влияние на стабильность версальской системы на ее восточной периферии оказывали великие государства, составлявшие ядро данной системы международных отношений. В ходе подготовки настоящей статьи нашли применение и традиционные специальные исторические методы исследования: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный.

Результаты и их обсуждение

Восстановление независимости Польского государства в результате Первой мировой войны и русской революции 1917 г. изменило международно-политическую ситуацию в Центрально-Восточной Европе. Новым элементом сложившегося геополитического порядка стало то, что Россия и Германия утратили общую границу. Друг от друга их отделила восстановившая независимость Польша. Последнюю не в полной мере удовлетворяли решения Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. Тем не менее Версальский мир провозглашал международное признание независимой Польши и присоединение к ней на западе ряда германских территорий. В результате Польша стала важной опорой версальской системы в Центрально-Восточной Европе и ее отношения с Германией приобрели ярко выраженный антагонистический характер.

Наличие указанного антагонизма и отсутствие реальных возможностей для нормализации польско-германских отношений в условиях становления версальской системы осознавали в Варшаве. Начальник генерального штаба польской армии В. Сикорский в меморандуме от 19 января 1922 г. сделал вывод о том, что Польша не может рассчитывать на сохранение послевоенного положения вещей путем соглашения с Россией и Германией¹. По мнению министра

иностраннных дел Польши К. Скирмунта, улучшение отношений с Германией было возможно лишь в случае признания ею международного порядка, установленного Версальским миром². Однако являлось очевидным, что рассчитывать на такой шаг со стороны Германии не приходится.

Установившийся после Первой мировой войны международный порядок обусловил формирование антипольских настроений среди германской элиты. Канцлер Й. Вирт, определяя мотивы, побудившие Германию пойти на подписание Рапальского договора с Россией, указывал на роль, которую Франция отводила Польше в европейской политике [11, s. 10]. Антипольский аспект германской политики отчетливо прозвучал в беседе Й. Вирта и У. Брокдорфа-Ранцау, назначенного послом в Москву. Канцлер заявил: «С Польшей нужно кончать». Моя политика стремится к этой цели»³ [12, s. 253]. Курс на ликвидацию независимой Польши активно поддерживал и командующий рейхсвером генерал Г. Зект. Так, 11 сентября 1922 г. он писал Й. Вирту, что с падением Польши исчезнет один из главных защитников Версаля. Данная задача, по мнению генерала, должна стать одной из важнейших во внешней политике Германии и решать ее следует с помощью России [13, s. 39]. Однако в германских политических кругах

¹Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej. 1918–1939 : w 2 t. / pod redakcją T. Jędruszczyka, M. Nowak-Kiełbikowej. Warszawa : Inst. Wydaw. Pax, 1989. T. 1 : 1918–1932. S. 183.

²Ibid. S. 179.

³Здесь и далее перевод наш. – Н. М.

имело место и другое видение советско-германского договора в Рапалло, не связанное с его антипольской направленностью. Как отмечает немецкий историк Г. Кёнен, министр иностранных дел Германии В. Ратенау рассматривал Рапальский договор как тактический ход, который должен был предотвратить наметившееся на Генуэзской конференции советско-английское сближение [14, S. 240–241]. Следовательно, германская дипломатия изначально рассматривала соглашение с Россией в контексте отношений Германии с государствами, составлявшими ядро версальской системы.

Взаимодействие Польши с Советской Россией регулировалось Рижским мирным договором. Условия данного соглашения воспринимались в Москве как несправедливые по отношению к России. В. И. Ленин отмечал, что ему пришлось столкнуться с серьезным сопротивлением противников мира с Польшей на тех условиях, на которых он был подписан [15, с. 19]. После заключения договора советское руководство сразу обозначило свое стремление добиться его пересмотра, чему и должно было способствовать сотрудничество с Германией. В начале марта 1922 г. в польских дипломатических кругах обсуждалась информация о высказанных Л. Д. Троцким планах заключения советско-германского союза. Согласно сведениям, полученным польским посольством в Берлине, председатель Революционного военного совета республики считал эти планы вполне осуществимыми, так как уже с мая 1921 г. немецкие офицеры проводили инструктаж в рядах Красной армии. В качестве свидетельства подготовки военного союза России и Германии польские дипломаты, работавшие в Берлине, рассматривали также визит К. Б. Радека в германскую столицу в январе – феврале 1922 г. Советский представитель должен был добиться поставок германских военных материалов⁴.

Рижский мирный договор отражал соотношение политических сил на момент окончания советско-польской войны, когда Россия, непрерывно воевавшая с 1914 г., была существенно ослаблена. В дальнейшем соотношение сил изменилось в ее пользу, что поставило под сомнение прочность указанного договора. В начале 1920-х гг. советская внешняя политика претерпела серьезные изменения. Начался переход от курса на осуществление мировой революции к реальной политике. Данная тенденция проявлялась в стремлении восстановить международные позиции России, в первую очередь в Восточной Европе [6, с. 213]. Это предполагало пересмотр международного порядка, установившегося в регионе по условиям Версальского мира и Рижского мирного договора, в частности воссоединение с советскими республиками Западной Беларуси и Западной Украины. Указанные внешнеполитические цели Советского государства имели явную антиполь-

скую направленность. Наличие у Советской России и Германии острых противоречий с Польшей должно было стать фактором, содействующим их сближению. Однако в процессе подготовки Рапальского договора польский вопрос не звучал [5, с. 26, 29–30]. Проектируемый, а затем подписанный в Рапалло договор рассматривался и в Москве, и в Берлине как инструмент достижения значительно более существенных целей на международной арене, чем решение только польского вопроса.

Возможность пересмотра принципов послевоенного международного порядка, в том числе в Центрально-Восточной Европе, что являлось стратегической целью России и Германии, зависела в решающей степени от позиции Великобритании и Франции, составлявших ядро версальской системы. В силу этого Рапальский договор должен был стать элементом политики Москвы и Берлина прежде всего по отношению к ведущим государствам бывшей Антанты. Также он был призван сыграть важную роль в восстановлении военно-экономического потенциала Германии и особенно России, что позволило бы укрепить их влияние на международной арене. В ходе переговоров с Германией после подписания Рапальского договора советское руководство на первый план ставило вопрос о немецкой помощи в восстановлении военной промышленности. Данную позицию Москвы настойчиво отстаивала во время визита в Берлин советская военная делегация, которую возглавлял заместитель председателя Революционного военного совета СССР Э. М. Склянский [16, с. 8]. Стратегическую цель советско-германского сотрудничества осознавали и в польских правящих кругах. Как писал видный польский политик того времени С. Грабский, Москва и Берлин разными дорогами, однако с помощью общего скоординированного плана деятельности стремятся подорвать и уничтожить мир, «установленный на развалинах германского мирового господства» [17, s. 163].

Польская политическая элита исходила из того, что Рапальский договор ухудшает внешнеполитическое положение страны. Подобные настроения проявились уже в ходе работы Генуэзской конференции, когда Польша вошла в число государств, направивших Германии две ноты протеста в связи с подписанием Рапалло. Советско-германское сближение, отражением которого стал названный договор, действительно несло определенную угрозу для Польши. В Центрально-Восточной Европе формировалась новая расстановка сил, в рамках которой Польша оказывалась в изоляции. Польские политики обращали на это внимание. Так, депутаты И. Дашиньский и Я. Домбский на слушаниях в сейме 5 июля 1922 г. отмечали, что ситуация, сложившаяся в результате подписания Рапальского договора, потребует от правительства дипломатической

⁴ Arch. akt nowych. Ambasada RP w Berline. Sygn. 784. Ł. 5–6.

активности в целях недопущения изоляции Польши в Восточной Европе [18, s. 108–109].

Рапалльский договор ухудшал международное положение Польши и в связи с тем, что позволял Москве и Берлину координировать свою политику, направленную на ревизию Версальского мира. В то же время Рапалло должен был привести к активизации торгово-экономических отношений между Россией и Германией. Для развития этих связей важна была позиция Польши, через территорию которой проходили транзитные пути, связывающие ее великих соседей. По мнению одного из ведущих польских историков межвоенного времени С. Кутшебы, Рапалльский договор сулил определенные выгоды для Польши и в более широком международном плане. Историк высказывал надежду на то, что советско-германское соглашение убедит Англию в необходимости существования Польши как барьера между Германией и Россией и обеспечит Варшаве большую поддержку на международной арене со стороны Лондона [19, s. 41]. Польская дипломатия периодически демонстрировала стремление к улучшению отношений то с Германией, то с Советской Россией. Но цель этих шагов заключалась не столько в стремлении Варшавы наладить сотрудничество, сколько в желании максимально ослабить «дух Рапалло» в отношениях между Москвой и Берлином [5, с. 39–40, 46–47].

В польской политической элите было широко распространено мнение о том, что Польша, укрепляя отношения со своими союзниками, может успешно противостоять угрозам, которые возникли в связи с заключением Рапалльского договора⁵. Сами эти угрозы признавались лишь потенциальными, так как Россия и Германия на тот момент не имели сил, необходимых для проведения активной антипольской политики. По словам польского исследователя М. Каминского, в 1922 г. угроза военного конфликта для Польши отсутствовала. Он связывает это с тем, что Германия была разоружена, а Советская Россия после подписания Рижского мирного договора приступила к упорядочению внутренних дел. Общая расстановка сил на международной арене также не благоприятствовала осуществлению антипольских планов Германии и России. Но, как справедливо отмечает М. Каминский, Рапалльский договор ослаблял версальскую систему и усиливал международные позиции ее главных противников в лице Германии и России, что объективно противоречило интересам Польши [20, s. 81]. Благодаря заключению договора Россия и Германия почувствовали себя более уверенно и усилили антипольскую направленность своей политики. Примером в данном контексте может служить ужесточение позиции Москвы относительно выполнения материальных обязательств по Рижскому

мирному договору. К. Скирмунт в ноте к Г. В. Чичерину от 3 мая 1922 г. обратил внимание на то, что после заключения Рапалльского договора Россия прекратила соответствующие выплаты и передачу имущества⁶. Однако советское руководство и раньше прибегало к данному инструменту давления на Польшу.

Беспокойство поляков вызывало советско-германское военное сотрудничество. При этом его эффективность была невысокой, что подтверждается ходом реализации ряда проектов [2]. Тем более не представлялось возможным осуществление каких-либо совместных военных акций Советской России и Германии, направленных против Польши. В условиях рурского кризиса советское руководство в этом отношении занимало сдержанную позицию, что продемонстрировали, в частности, переговоры военных делегаций двух стран в Берлине и Москве. СССР отверг требование германской стороны взять на себя конкретные обязательства по оказанию военной помощи Германии [16]. Москва ограничилась дипломатическими шагами, чтобы не допустить вмешательства Польши в германо-французский конфликт [21, с. 94–95].

Советское давление на Польшу усилилось осенью 1923 г. в связи с ожиданием в Германии социалистической революции. Однако данное обстоятельство было обусловлено не рапалльской политикой, а скорее отступлением от нее. В этот период в советском руководстве курс на свершение мировой революции стал преобладать над реальной политикой, частью которой был Рапалло. События осени 1923 г. оказали влияние на отношение Германии к СССР. Они продемонстрировали ненадежность Советского государства как партнера на международной арене и подтолкнули Германию к сближению с Западом. В этих условиях возрастала роль польского фактора в вопросе сохранения рапалльской политики, прежде всего для Москвы. Как отмечал в мемуарах германский дипломат Г. Дирксен, Россию и Германию объединяла нелюбовь к их общему соседу – Польше [22, с. 37]. Проблемы, которые обозначились в отношениях между СССР и Германией, не привели к утрате правительствами двух стран заинтересованности в сохранении курса Рапалло. Это было обусловлено тем, что еще не были решены важнейшие для Германии и СССР внешнеполитические задачи, связанные с разрушением версальской системы международного взаимодействия. На этом этапе Рапалльский договор оставался инструментом политики Германии и СССР в отношении не только Польши, но и государств, составлявших ядро версальской системы. Москва многие аспекты рапалльской политики связывала с Англией и Францией. Политбюро ЦК РКП(б) 5 мая 1924 г. обсуждало инцидент в советском торговом представительстве

⁵Арх. внеш. политики Рос. Федерации (АВП РФ). Ф. 418. Оп. 2. Папка 10. Д. 61. Л. 162 ; Там же. Л. 98.

⁶Там же. Л. 19.

в Берлине. Он рассматривался в контексте советско-английских переговоров в Лондоне. В событиях вокруг торгового представительства усматривалось желание деловых кругов Германии и Франции сорвать советско-английские переговоры⁷.

В декабре 1924 г. в ходе подготовки к советско-германским переговорам германское правительство через посла в Москве У. Брокдорфа-Ранцау предложило сделать их предметом отношений с Польшей и выдвинуло формулу оттеснения Польши к ее этническим границам. Обсудив германскую позицию, Политбюро ЦК РКП(б) 24 декабря признало необходимым поставить вопрос значительно шире. Подчеркивалось, что обмен мнениями с Германией должен касаться не только Польши. Москва намеревалась обсудить отношения с Англией, а также советскую и германскую международную политику в целом. В будущем договоре следовало согласовать такие важные для СССР вопросы, как неучастие двух государств в политических и экономических блоках третьих стран, направленных против одного из участников соглашения, координация шагов по вступлению в Лигу Наций⁸. Следовательно, для продолжения рапальской политики польский вопрос не имел для Москвы определяющего значения. Он должен был решаться в контексте более общих проблем международных отношений, важных для восстановления великодержавного статуса России и Германии.

В середине 1920-х гг. вопрос пересмотра границ в Центрально-Восточной Европе стал более актуальным для советской дипломатии. Как уже отмечалось, германское предложение об оттеснении Польши к ее этническим границам в декабре 1924 г. не отвергалось. Полномочный представитель СССР в Англии Х. Х. Раковский подготовил аналитическую записку, датированную 21 ноября 1924 г., в которой высказал предложения о корректировке советской внешней политики. Наряду с решением ее традиционных задач («укрепление и поднятие нашего социалистического хозяйства», «обеспечение Союза от всевозможных интервенций», «содействие рабочему классу всех стран в борьбе за захват политической власти»⁹) предлагалось приступить и к выполнению такой задачи, как «приобщение к Союзу насильственно оторванных от него и аннексированных различными нашими соседями национальных групп (украинцев, белорусов и прочих)»¹⁰. Заместитель наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинов представил свои соображения относительно приоритетов советской внешней политики. Его программа подразумевала

установление суверенитета СССР над Западной Беларусью и Западной Украиной, а также над странами Прибалтики. При этом между позициями Х. Х. Раковского и М. М. Литвинова имелись некоторые расхождения. Так, Х. Х. Раковский считал, что основным объектом советского давления должна стать Польша и в целях ее изоляции следует вести крайне осторожную политику по отношению к странам Прибалтики. Заместитель наркома иностранных дел СССР рассматривал вариант усиления советского давления как раз на Прибалтику при некотором улучшении связей с Польшей¹¹. Для противодействия польским замыслам в Прибалтике советское руководство планировало использовать Германию. Так, 9 апреля 1925 г. Политбюро ЦК РКП(б) обсуждало вопрос о риске создания направленного против СССР блока прибалтийских государств. Организаторами этого проекта были признаны Франция и Англия. К борьбе с проектом прибалтийского блока предполагалось привлечь Германию, используя для этого германо-польские противоречия¹².

В 1925 г. в условиях подготовки Рейнского гарантийного пакта особый интерес советского руководства в проектируемом договоре вызывал вопрос о гарантиях польских границ со стороны Германии. Во время беседы с советским полномочным представителем в Берлине Н. Н. Крестинским 15 апреля германский министр иностранных дел Г. Штресеман заявил, что проектируемый гарантийный пакт не направлен против СССР. При этом он подчеркнул, что Германия и после подписания документа оставит за собой свободу рук в отношении своей восточной границы и будет стремиться к ее ревизии с помощью всех возможных мирных средств. Н. Н. Крестинский высказал опасение по поводу того, что Германия объединяется с Антантой против России. В ответ Г. Штресеман заверил его, что германское правительство не имеет умысла объединяться с Польшей против России [23, S. 512, 513]. Вскоре, 22 апреля, состоялась беседа Н. Н. Крестинского с германским канцлером Г. Лютером. Глава германского правительства заверил своего собеседника в том, что вступление Германии в Лигу Наций и подписание гарантийного пакта не означают окончания рапальской политики. Он объяснил это тем, что «сближение между Германией и Россией, экономическое и политическое, диктуется объективным положением вещей» [24, с. 428].

Значительное внимание польской проблеме было уделено во время пребывания Г. В. Чичерина в Берлине, куда он прибыл в начале октября 1925 г., сразу

⁷ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения особой папки. 1923–1939 / редкол.: Г. Адибеков [и др.]. М.: РОССПЭН, 2001. С. 29.

⁸ Там же. С. 57.

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 76.

после визита в Варшаву. Как отмечает в своих мемуарах Г. Штреземан, в связи с предстоящим уже в ближайшее время подписанием Германией гарантийного пакта советский нарком в очередной раз высказал опасение насчет того, что данное событие приведет к какому-либо, пусть даже косвенному, подтверждению германо-польской границы. По словам Г. Штреземана, Германия никогда добровольно не пойдет на предоставление гарантий Польше [23, S. 515]. Приведенные факты свидетельствуют о том, что в связи с предстоящим подписанием гарантийного пакта советское руководство не только было обеспокоено сближением Германии с ведущими государствами Запада, но и выражало тревогу по поводу предоставления Германией любых гарантий в отношении польских границ. В Москве опасались, что такие гарантии могут в значительной степени обесценить советско-германское сотрудничество, имевшее антипольскую основу. Г. Штреземан стремился рассеять опасения советской дипломатии по поводу любых гарантий Германии в отношении польских границ и 10 октября направил специальный меморандум советскому полномочному представителю в Берлине. В документе германское правительство в очередной раз подчеркивало, что о гарантиях в отношении восточной границы Германии в проекте гарантийного пакта речи не идет [23, S. 512].

Безусловно, Москву и Берлин объединяла антипольская направленность их внешней политики. Данное обстоятельство стало важным, но не единственным фактором сохранения курса Рапалло в условиях сближения Германии с Западом. Необходимо учитывать общую оценку международной ситуации советским руководством после заключения Локарнских соглашений. В Москве не считали, что они привели к ликвидации противоречий между Германией и странами Запада в рамках версальской системы. В декабре 1925 г. в выступлении на XIV съезде ВКП(б) И. В. Сталин, характеризуя Локарнские соглашения, заявил, что они не стерли противоречия между побежденными и победителями, а только обострили их. По его мнению, Локарнские соглашения являлись продолжением Версальского мира и были нацелены на сохранение международного порядка, созданного победителями в Первой мировой войне. И. В. Сталин также отметил, что Версальский мир узаконил «потерю украинской Галиции и Западной Волыни, потерю Белоруссией западной ее части, потерю Литвой Вильни и прочее»¹³. Тем самым актуальность стратегической цели советской внешней политики, предусматривавшей разрушение версальской системы, сохранялась и после заключения Локарнских соглашений, в частности, обостровывалась задача включения в состав СССР ряда территорий.

Через сохранение рапальского курса в отношениях с Германией советское руководство решало и задачу предотвратить ее вхождение в возможный единый антисоветский фронт капиталистических государств. Польский вопрос служил инструментом для достижения этой цели. Сохранение рапальской политики было подкреплено подписанием Берлинского договора о нейтралитете. Германия в условиях Локарно пошла на договор, подтвердивший курс Рапалло, так как ее руководство понимало, что наиболее перспективной политикой в плане ревизии Версальского мира является политика равновесия между Востоком и Западом, а именно сочетание курсов Рапалло и Локарно. При этом Берлин видел в Польше первоочередной объект в деле ревизии Версальского мира. В письме к бывшему кронпринцу 9 сентября 1925 г. Г. Штреземан в качестве важнейших задач внешней политики Германии назвал «возвращение Данцига, польского коридора и корректировку границы в Верхней Силезии» [23, S. 553].

В условиях подготовки гарантийного пакта польские правящие круги надеялись на то, что его действие приведет к подрыву советско-германского сотрудничества. С целью усилить недоверие между Москвой и Берлином польское правительство в конце 1924 г. инициировало начало советско-польских переговоров по широкому кругу вопросов. Однако именно заинтересованность советского руководства в сохранении курса Рапалло в отношениях с Германией делала достижение советско-польского соглашения малореальным. В связи с началом советско-польских переговоров в инструкции Народного комиссариата иностранных дел СССР для полномочного представителя в Польше П. Л. Войкова указывалось: «Переговоры необходимо начать [как] возможно скорее, затягивая их с таким расчетом, чтобы мы могли раньше договориться с Германией на основе проводимого с обеих сторон аналогичного зондирования. После нашего соглашения с Польшей у Германии исчезнет всякий стимул для принятия наших предложений. Наше соглашение с Польшей, то есть обеспечение нашего нейтралитета в случае столкновения Польши с Германией, фактически изолирует Германию полностью и убивает ее надежды на всякое сотрудничество с нами. Германии не приходится опасаться нашего соглашения о совместном выступлении с Польшей и Францией, а поэтому наш нейтралитет после того, как мы обещали такой же нейтралитет и Польше, теряет для Германии всякий смысл»¹⁴. Из содержания данного документа следует, что ход и исход переговоров с Польшей руководство СССР подчинило решению задачи по сохранению рапальского курса в отношениях с Германией. Данное обстоятельство делало практически нереальным заключение советско-польского договора о ненападении в тот момент.

¹³XIV съезд ВКП(б) : стеногр. отчет. М. : Госиздат, 1926. С. 13–14.

¹⁴АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. Папка 217. Д. 52670. Л. 3–4.

Надежды поляков на крах рапальской политики в связи с заключением Локарнских соглашений не оправдались. СССР и Германия сохраняли заинтересованность в ее продолжении, несмотря на крен Берлина в сторону Запада. Понимая, что намечавшееся подписание нового политического договора между СССР и Германией означает сохранение рапальской политики, польская дипломатия приняла попытку сорвать его заключение, организовав в Берлине коллективный протест с участием ведущих государств Запада. Данная попытка закон-

чилась провалом прежде всего из-за отрицательной позиции Англии¹⁵. В международных условиях, созданных в Западной Европе в результате заключения Локарнских соглашений, Лондон стремился не предпринимать шаги, которые могли бы усилить крен Германии в сторону Востока. Кроме того, сохранение международного порядка, установленного в Центрально-Восточной Европе по условиям Версальского мира и Рижского мирного договора, британская политическая элита не считала жизненно важным [25].

Заключение

Таким образом, польский фактор присутствовал в рамках рапальской политики. При этом он имел скорее тактическое значение. Антипольская политика Советской России и Германии наиболее очевидно демонстрировала антиверсальскую направленность Рапалло. Присущее советской и германской политике негативное отношение к Польше являлось фактором, который способствовал сохранению сотрудничества между Москвой и Берлином. В стратегическом плане значение Рапальского договора для СССР и Германии выходило далеко за рамки польского вопроса. Рапальская политика рассматривалась в Москве и Берлине для достижения их целей в контактах с ведущими государствами Запада – создателями версальской системы. Именно от

отношений с ними зависели перспективы ревизии версальской системы, в том числе в Центрально-Восточной Европе. Отрицательное влияние Рапальского договора на международное положение Польши было связано в первую очередь с потенциальными угрозами, которые он создавал для послевоенного порядка в Центрально-Восточной Европе. Сохранение данного порядка соответствовало польским интересам. Польские правящие круги обоснованно опасались, что в случае согласия стран Запада на изменение версальской системы международных отношений в данном регионе, как того добивались СССР и Германия и чему должен был содействовать Рапальский договор, эта трансформация будет осуществляться за счет польских интересов.

Библиографические ссылки

1. Ахтамзян АА. *Рапальская политика*. Москва: Международные отношения; 1974. 303 с.
2. Горлов СА. *Совершенно секретно. Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг.* Москва: Олма-пресс; 2001. 352 с.
3. Модянов ВЭ. *Россия и Германия. Дух Рапалло (1919–1932)*. Москва: Просвещение; 2009. 174 с.
4. Космач ВА. *От Компъена и Рапалло. Внешняя политика Веймарской Германии после Первой мировой войны (1918–1923 гг.): страницы истории*. Псков: Логос; 2017. 551 с.
5. Мезга НН. *В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов*. Гомель: ГТУ имени Ф. Скорины; 2010. 198 с.
6. Зубачевский ВА. *Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект*. Омск: Издательство ОмГПУ; 2018. 396 с.
7. Kamiński M, Zacharias M. *Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939*. Warszawa: LTW; 1998. 315 s.
8. Gzella J. *Miedzy sowietami a niemcami. Koncepcje polityki zagranicznej konserwatystow wileńskich, zgrupowanych wokół «Słowa» (1922–1939)*. Toruń: Wydawnictwo naukowe UMK; 2011. 477 s.
9. Groehler O. *Selbstmörderische Allianz. Deutsch-russische Militärbeziehungen. 1920–1941*. Berlin: Vision Verlag; 1992. 477 S.
10. Zeidler M. *Reichswehr und Rote Armee. 1920–1933. Wege und Statinen einer einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit*. München: Oldenbourg; 1993. 374 S.
11. Grosfeld L. *Polska a stosunki niemiecko-sowieckie. 1918–1939*. Warszawa: Niezależna oficyna wydawnicza; 1988. 44 s.
12. Kumaniecki J. *Wobec układu w Rapallo*. W: *Polska akademie nauk. Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. Tom 2*. Warszawa: Książka i wiedza; 1966. s. 253–265.
13. Rosenfeld G. *Stosunki polityczne polsko-niemieckie po Rapallo i Lokarno. Kwartalnik historyczny*. 1963;1:26–48.
14. von Koenen G. *Die «Völkerwanderung von unter»: Walther Rathenau über Russland und Sowjets*. von Koenen G, Koplew L, Herausgeber. *Deutschland und die russische Revolution, 1917–1924*. München: Fink; 1998. S. 240–274.
15. Голиков ГН, редактор. *Воспоминания о В. И. Ленине. Том 5*. Москва: Издательство политической литературы; 1969. 560 с.
16. Горлов СА. Военное сотрудничество СССР и Германии в 20-е годы. *Военно-исторический журнал*. 1991;9:6–11.
17. Grabski S. *Z godziennych walk i rozważań*. Poznań: Wielkopolska księgarnia nakładowa Karola Rzepeckiego; 1923. 168 s.
18. Kumaniecki J. *Polska i Rosja Radziecka na konferencji w Genui*. W: *Instytut historii Polskiej akademii nauk. Studia z dziejow ZSRR i Europy Srodkowej. Tom 5*. Wrocław: Zakład narodowy imienia Ossolińskich; 1969. s. 102–128.
19. Kutrzeba S. *Nasza polityka zagraniczna*. Kraków: Gebethner i Wolff; 1923. 122 s.

¹⁵Депеша Ambasady RP w Londynie w Ministerstwo spraw zagranicznych. 17.04.1926. *Przegląd historyczny*. 1983. № 2. S. 323–324.

20. Kaminski MK. *Polityka zagraniczna II Rzeczypospolitej. 1918–1939*. Warszawa: Młodzieżowa agencja wydawnicza; 1987. 120 s.
21. Мезга НН. *Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния*. Гомель: ГГУ имени Ф. Скорины; 2019. 229 с.
22. Дирксен Г. *Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики*. Лихачёва НЮ, переводчик. Москва: Олма-пресс; 2001. 446 с.
23. Stresemann G. *Vermächtnis. Band 2, Locarno und Genf*. Berlin: Ullstein Von Henri Bernhard; 1932. 611 S.
24. Громыко АА, редактор. *История дипломатии. Том 3*. Москва: Издательство политической литературы; 1965. 831 с.
25. Дубровко ЕН. Международное положение Польши в оценках британских правительственных кругов накануне Локарнской конференции 1925 г. *Метаморфозы истории* [Интернет]. 2022 [протитировано 20 февраля 2023 г.];23. Доступно по: <https://history-metamorph.ru/s0020231-4-1/>.

Получена 27.11.2024 / исправлена 19.12.2024 / принята 19.12.2024.
Received 27.11.2024 / revised 19.12.2024 / accepted 19.12.2024.

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ

Г. Б. НОРМУРОВОДА¹⁾, Ю. У. ХОЛХУЖАЕВА²⁾

¹⁾Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова,
бул. Университетский, 15, 140104, г. Самарканд, Узбекистан

²⁾Каттакурганский филиал Самаркандского государственного университета им. Шарофа Рашидова,
ул. Амира Темура, 27, 140800, г. Каттакурган, Самаркандская обл., Узбекистан

Аннотация. Исследуются особенности национального состава населения Туркестана в составе Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Отмечается, что многонациональная среда в крае сформировалась в результате осуществления политики переселения и русификации. Коренными народами в регионе являлись узбеки, таджики, казахи и др. В имперском Туркестане началось формирование диаспор различных народов Востока и Запада – восточных славян, татар, армян. Данное обстоятельство способствовало созданию многонационального облика Туркестана. Подчеркивается, что конфессиональный состав населения Туркестанского края также отличался многообразием. Преобладающей конфессией были мусульмане. Также здесь проживали представители православного вероисповедания, иудаизма, армяно-григорианской церкви, лютеранства, баптизма, старообрядчества, евангелизма и т. д. Существование полиэтнической и поликонфессиональной среды обусловило необходимость установления солидарных отношений между народами. В определенных сферах были распространены русский язык и русская культура. Приводится мысль о том, что многонациональный состав населения способствовал культурной и экономической интеграции проживавших в крае народов.

Ключевые слова: Туркестанский край; этнический состав населения Туркестана в составе Российской империи; имперская власть; многонациональность; русификация; народы Востока и Запада; конфессии.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения задания государственных программ научных исследований на 2021–2025 гг.

Образец цитирования:

Нормуродова ГБ, Холхужаева ЮУ. Из истории формирования многонационального состава населения в Туркестанском крае. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2025;1:39–46.
EDN: OJFDWE

For citation:

Normurodova GB, Kholkhuzhaeva YuU. From the history of the formation of the multinational population in the Turkestan region. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2025;1:39–46. Russian.
EDN: OJFDWE

Авторы:

Гузаль Бекмурадовна Нормуродова – доктор исторических наук; доцент кафедры истории Узбекистана факультета истории.

Юлдуз Уралбоевна Холхужаева – доктор философских наук; старший преподаватель кафедры узбекского языка и гуманитарных наук факультета педагогики и обучения языкам.

Authors:

Guzal B. Normurodova, doctor of science (history); associate professor at the department of history of Uzbekistan, faculty of history.

guzalnormurodova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9542-4484>

Yulduz U. Kholkhuzhaeva, doctor of science (philosophy); senior lecturer at the department of Uzbek language and humanities, faculty of pedagogy and language teaching.

xolxujayeva91@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0002-1170-5690>

З ГІСТОРЫІ ФАРМІРАВАННЯ ШМАТНАЦЫЯНАЛЬНАГА СКЛАДУ НАСЕЛЬНІЦТВА Ў ТУРКЕСТАНСКИМ КРАІ

Г. Б. НАРМУРАДАВА^{1*}, Ю. У. ХАЛХУЖАЕВА^{2*}

^{1*}Самаркандскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Шарофа Рашыдава,
буль. Універсітэцкі, 15, 140104, г. Самарканд, Узбекістан

^{2*}Катакурганскі філіял Самаркандскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Шарофа Рашыдава,
вул. Аміра Цемура, 27, 140800, г. Катакурган, Самаркандская вобл., Узбекістан

Анотацыя. Даследуюцца асаблівасці нацыянальнага складу насельніцтва Туркестана ў складзе Расійскай імперыі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Адзначаецца, што шматнацыянальнае асяроддзе ў краі сфарміравалася ў выніку ажыццяўлення палітыкі перасялення і русіфікацыі. Карэннымі народамі ў рэгіёне з’яўляліся ўзбекі, таджыкі, казахі і інш. У імперскім Туркестане пачалося фарміраванне дыяспар розных народаў Усходу і Захаду – усходніх славян, татар, армян. Дадзеная акалічнасць спрыяла стварэнню шматнацыянальнага аблічча Туркестана. Падкрэсліваецца, што канфесійны склад насельніцтва Туркестанскага краю таксама адрозніваўся разнастайнасцю. Пераважнай канфесіяй былі мусульмане. Таксама тут пражывалі прадстаўнікі праваслаўнага веравызнання, іўдаізму, армяна-грыгарыянскай царквы, лютэранства, баптызму, стараверства, евангелізму і г. д. Існаванне поліэтнічнага і поліканфесійнага асяроддзя абумовіла неабходнасць устанавлення салідарных адносін паміж народамі. У пэўных сферах былі распаўсюджаны руская мова і руская культура. Прыводзіцца думка пра тое, што шматнацыянальны склад насельніцтва спрыяў культурнай і эканамічнай інтэграцыі народаў, якія пражывалі ў краі.

Ключавыя словы: Туркестанскі край; этнічны склад насельніцтва Туркестана ў складзе Расійскай імперыі; імперская ўлада; шматнацыянальнасць; русіфікацыя; народы Усходу і Захаду; канфесіі.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў рамках выканання задання дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг.

FROM THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE MULTINATIONAL POPULATION IN THE TURKESTAN REGION

G. B. NORMURODOVA^a, Yu. U. KHOLKHUZHAIEVA^b

^aSamarkand State University named after Sharof Rashidov,
15 Universitetskii Boulevard, Samarkand 140104, Uzbekistan

^bKattakurgan branch of the Samarkand State University named after Sharof Rashidov,
27 Amir Timur Street, Kattakurgan 140800, Samarkand Region, Uzbekistan

Corresponding author: G. B. Normurodova (guzalnormurodova@gmail.com)

Abstract. The article examines the peculiarities of the national composition of the population of Turkestan in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century. It is noted that the multinational environment in the region was formed as a result of the implementation of the resettlement and Russification policy. The indigenous peoples in the region were Uzbeks, Tajiks, Kazakhs, etc. In imperial Turkestan, diasporas of various peoples of the East and West began to form – Eastern Slavs, Tatars, Armenians. This circumstance contributed to the creation of a multinational image of Turkestan. It is emphasised that the religious composition of the population of the Turkestan region was also diverse. The predominant religion was Muslims. Representatives of the Orthodox faith, Judaism, the Armenian-Gregorian Church, Lutheranism, Baptism, Old Believers, Evangelism also lived here. The existence of a multiethnic and multi-confessional environment necessitated the establishment of solidarity relations between peoples. The Russian language and culture were widespread in certain areas. It is suggested that the multinational composition of the population contributed to the cultural and economic integration of the peoples living in the region.

Keywords: Turkestan region; ethnic composition of the population of Turkestan in the Russian Empire; imperial power; multinationality; Russification; peoples of the East and West; confessions.

Acknowledgements. The article is prepared within the framework of the state research programmes assignment for 2021–2025.

Введение

Вклад населения Центральной Азии в развитие мировой цивилизации широко известен. Народы, благодаря которым в регионе сформировалась вы-

сокая культура, прошли долгий и сложный исторический путь. На протяжении столетий они находились в тесных духовно-культурных взаимоотношениях.

В разные исторические периоды территория Центральной Азии имела следующие названия: Туран, Туркестан, Мавераннахр, Средняя Азия и, наконец, Центральная Азия. Данный регион играл заметную роль в налаживании политических, экономических и культурных связей народов, проживавших на Востоке и Западе. Земли Центральной Азии издревле привлекали переселенцев. В Средние века данная территория

была известна как Мавераннахр (сегодня Узбекистан). Речь идет прежде всего о Ферганской и Зарафшанской долинах, а также о Ташкентском и Хорезмском оазисах, характеризовавшихся благоприятными природно-климатическими условиями. Толерантность местных жителей по отношению к переселенцам также сыграла важную роль в закреплении здесь тех или иных народов.

Методологические основы исследования

В современных условиях глобализации опыт этнокультурных отношений между представителями разных национальностей, проживающих на одной территории, рассматривается как фактор устойчивого развития региона. На разных этапах истории Центральная Азия служила мостом для налаживания политических, экономических и культурных связей между Востоком и Западом. Особый интерес в данном контексте представляет Туркестан. Актуальность научных исследований этого края обусловлена многонациональным составом и конфессиональными характеристиками местного населения.

Изучением социально-политических процессов, происходивших на окраинах Российской империи во второй половине XIX – начале XX в., занимаются международные научные центры США, Германии, Великобритании и стран СНГ. Специалисты проводят фундаментальные исследования на тему национальной политики, русификации, демографических проблем в Туркестане в изучаемый период.

В ходе подготовки данной статьи были использованы методы систематизации, проблемного, хронологического и сравнительного анализа, а также статистический метод. Источниковую базу исследования составили работы, посвященные политической, социальной, экономической и культурной истории Туркестана в 1867–1917 гг. Можно выделить четыре группы источников, к которым обращался автор: 1) материалы первой половины XIX – начала XX в.; 2) работы советской эпохи; 3) исследования, проводившиеся в период независимости Узбекистана; 4) современные научные публикации.

В XVI–XVII вв. в состав населения Центральной Азии входили этнические группы, переселившиеся с территории Дешт-и-Кипчака (в том числе тюркоязычные племена). В XVIII в. этнические изменения в регионе были обусловлены массовой миграцией. В конце XVIII – начале XIX в. места расселения узбеков, таджиков, туркмен, казахов, киргизов, каракалпаков, уйгуров были в основном устоявшимися, при этом процесс интеграции этих этнических групп продолжался¹. Таким образом, полиэтнический состав населения Туркестана формировался в течение трех столетий. В конце XIX – начале XX в. крупные этносы вступили на путь формирования наций.

К приходу Российской империи основная часть территории региона была распределена между Бухарским эмиратом, а также Хивинским и Кокандским ханствами. Этнический и конфессиональный состав населения ханств был очень разнообразным. Интересные сведения по этому вопросу представлены местными историками и летописцами. Например, кокандский историк М. О. Махдум-хожи в своей работе, посвященной истории Туркестана, отмечал: «Жители [Туркестана] говорят на тюрки и фарси, являются мусульманами суннитского толка. Здесь проживает также небольшое количество иранцев, исповедующих ислам шиитского толка. Есть много туркменских родов. Большая их часть проживает в окрестностях р. Джейхун. В пустынях на северо-востоке проживают племена казахов, калмыков и каракалпаков. В городах и селах проживает небольшое количество арабов, потомков моджахедов (борцов за веру), осевших здесь во времена распространения ислама. Есть небольшое количество иудеев, мирно проживающих в Бухаре и ее округе»² [1, с. 191–192].

Побывавшие в регионе в начале XIX в. путешественники представляют следующие сведения о местных народах: «...в исследованной мною части Азии народы можно разделить следующим образом: на севере – страна киргизов (т. е. казахов), на западе расположено Хивинское ханство, в котором проживают каракалпаки... и туркмены. На востоке – Кокандское ханство с городами Ферганой, Ташкентом, Туркестаном, на юге – Бухара, туркменские степи, Маймана, Андхой, Балх, Хульм, Бадахшан, Куляб, Гиссар, Шахрисабз, а также горные таджики, восточные персы, хазарцы, шиитские кочевые племена и др.» [2, с. 60]. Несмотря на сложные политические процессы, происходившие в Мавераннахре в период существования указанных ханств, оседлые этнические группы, проживавшие в регионе с древних времен, не утратили свой высокий статус в жизни центрально-азиатских обществ и государств. Кроме того, в течение нескольких столетий представители многих национальностей прибывали в регион из соседних стран по определенным политическим, социально-экономическим и другим причинам. Среди переселившихся этносов можно назвать восточных евреев, персов, уйгуров, калмыков, цыган, индийцев и т. д.

¹Ўзбекистон тарихи / А. Аскарлов. Тошкент : [б. и.], 1993. Т. 3 : Ҳаммуаллифликда. С. 36–45.

²Здесь и далее перевод наш. – Г. Н., Ю. Х.

Население Бухарского эмирата, а также Хивинского и Кокандского ханств не относилось к какому-либо конкретному этносу и определяло себя с точки зрения религиозной принадлежности, единства языка, культурных признаков и общего места проживания. Так, местные жители могли называть себя мусульманами, туркестанцами, выходцами из Мавераннахра и т. д. Часть узбеков, которые в то время придерживались в основном кочевого или полукочевого образа жизни, именовали себя представителями тех или иных родов и племен, например мангытами, кунгратцами, найманами. Некоторые группы оседлого населения идентифицировали себя с местом проживания (ташкентцы, самаркандцы, хивинцы,

кокандцы). По отношению к местному населению использовались названия «эл» и «элат», к оседлому и кочевому населению, проживавшему в городах и за их пределами, применялись дефиниции «шахарнишин», «шахрий», «элатий», «сахронишин», «сахройи». В некоторых городах и селах по отношению к местному оседлому населению, говорящему по-тюркски и смешавшемуся с другими народами края (в частности, с таджиками), использовалось название «сарт». В то же время население оазисов было двуязычным и разговаривало как на тюркском языке, так и на иранских диалектах, в основном с использованием среднеазиатского варианта фарси, известного сегодня как таджикский язык.

Результаты и их обсуждение

После того как ханства Средней Азии стали частью Российской империи, на их территории был установлен колониальный порядок управления. Он сменил многовековую систему управления, отражавшую религиозные и культурные особенности местного оседлого и кочевого населения. По мнению исследователей, национальная политика Российской империи в Туркестане исходила из целей и интересов ее правящей элиты [3, с. 6]. Вместе с тем благодаря проводившейся Российской империей национальной и социально-экономической политике в Туркестанском крае появились новые этнические группы и сформировались новые диаспоры. В связи с этим изучение этнического состава и повседневных практик народов Туркестанского края в тот исторический период представляет собой актуальную задачу.

Образованное в 1867 г. Туркестанское генерал-губернаторство состояло из Сырдарьинской, Семиреченской, Самаркандской областей и Амударьинского отдела. Позднее частью Туркестанского края стала Закаспийская область. Согласно проекту Положения об управлении Туркестанским краем (1867) все местные жители делились на сартов (оседлое население) и киргизов (кочевое население). В XIX – начале XX в. российская администрация Туркестанского края и российское научное сообщество отмечали, что сарты представляют собой оседлое население, сформировавшееся в результате смешения тюрков и таджиков, и основным отличием сартов является тюркский язык³ [4, с. 527–529]. В процессе обсуждения проблемы сартов российские чиновники и ученые не пришли к единому мнению. При этом неравнодушные к данному вопросу представители туркестанской прогрессивной интеллигенции, в том

числе М. Бехбуди, Ш. Лапин, А. З. Валиди и др., выражали свое несогласие с российской администрацией по поводу сартов. Они считали обоснованным называть местное население туркестанцами, узбеками, таджиками и т. д. [5, с. 36–37].

В Туркестанском крае проводилась поэтапная колонизация, что выразилось в переселении русского и иного европейского населения в Туркестан. Данное обстоятельство, а также другие социально-политические факторы способствовали формированию в регионе многонациональной среды. Согласно сведениям первого туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана численность населения края в 1876 г. составляла около 3 150 000 человек. Национальный состав населения был представлен такими народами и этническими группами, как узбеки, таджики, татары, русские, каракалпаки, кипчаки, туркмены, сарты, киргизы, курама, таранчи, дунгане, калмыки. В небольшом количестве присутствовали китайцы, индийцы, персы, бухарские и русские евреи, афганцы, а также среднеазиатские цыгане (люли)⁴. Приведенные цифры опирались на списки домов и юрт, хозяева которых оплачивали налоги. Первая всероссийская перепись населения на территории империи прошла в 1897 г. Несмотря на то что она была проведена максимально тщательно, полученные данные почти сразу вызвали большие сомнения в части этнического состава населения. Бланк содержал вопрос не о национальности или народности респондента, а о его родном языке. Такой подход был обусловлен, «во-первых, опасениями власти в отношении излишнего акцентирования на национальном вопросе, а во-вторых, господствовавшими тогда научными представлениями о том, что национальность, или народность, следует

³ Особенности использования дефиниции «сарт» описаны Н. Остроумовым в материале «Значение названия “сарт”», который был поэтапно опубликован в газете «Туркестанские ведомости» в 1884 г.

⁴ Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. СПб. : Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1885. С. 13.

определять по языку» [6, с. 270–271]. Туркестанские чиновники не участвовали ни в разработке формулы для проведения переписи, ни в обработке полученных данных.

В 1897 г. численность населения Туркестанского генерал-губернаторства составляла 5 280 983 человека. В табл. 1 представлено распределение количества жителей по областям⁵.

Таблица 1

Распределение численности населения Туркестана по областям в 1897 г.

Table 1

Distribution of the population of Turkestan by regions in 1897

Область	Численность населения, чел.
Семиреченская	987 863
Самаркандская	860 021
Ферганская	1 572 214
Сырдарьинская	1 478 398
Закаспийская	382 487
<i>Всего</i>	<i>5 280 983</i>

В 1897 г. общая численность коренных жителей Туркестана составляла 4 986 324 человека. В 1911 г. данный показатель достиг значения 5 941 604 человека. При этом в 1897 г. в крае проживали 197 240 русских, а в 1911 г. – 406 607 русских⁶ [7, с. 98]. Узбеки составляли 35,77 % населения, казахи и киргизы – 44,36 %, таджики – 6,73 %, туркмены – 4,98 %, русские – 3,75 %, каракалпаки – 2,26 %, представители других национальностей – 2,15 % населения [8, с. 82]. Этнический состав местных жителей обогатился благодаря тому, что из национальных округов империи в край прибыли татары, башкиры, армяне, грузины, литовцы, латыши, молдаване, французы, итальянцы, немцы, а также выходцы из соседних восточных стран. Среди последних значительную долю составляли кашгарцы,

таранчи, уйгуры, персы, азербайджанцы, курды, афганцы, индийцы, турки, китайцы, монголы.

Согласно статистическим данным к 1911 г. численность населения края составляла 6 492 692 человека [7, с. 98]. Демографический подъем происходил за счет естественного прироста, а также благодаря переселению мигрантов из Поволжья, Сибири, европейской части России и других регионов. За 14 лет численность местного населения увеличилась на 1 211 709 человек. В крае проживали представители более 50 наций и народностей.

Представление о количестве переселенцев, прибывавших в Туркестан из тех или иных регионов, можно составить на примере Самарканда и Самаркандской области⁷ (табл. 2).

Таблица 2

Распределение численности переселенцев, прибывших в Самарканд и Самаркандскую область, в зависимости от места выбытия

Table 2

Distribution of the number of displaced persons in Samarkand and the Samarkand Region, depending on the place of departure

Место выбытия переселенцев	Численность переселенцев, прибывших в Самарканд, чел.	Численность переселенцев, прибывших в Самаркандскую область, чел.
Европейская часть России	7192	11 579
Привислинский край*	1241	1721
Кавказ	409	795
Сибирь	152	349

⁵Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1904. Т. 89 : Ферганская область. С. III ; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1904. Т. 82 : Закаспийская область. С. V ; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1905. Т. 86 : Сырдарьинская область. С. IV ; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1905. Т. 83 : Самаркандская область. С. III.

⁶Под русским населением подразумеваются три ветви восточных славян – русские, украинцы и белорусы.

⁷Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1905. Т. 83 : Самаркандская область. С. XXI–XXV.

Окончание табл. 2
Ending of the table 2

Место выбытия переселенцев	Численность переселенцев, прибывших в Самарканд, чел.	Численность переселенцев, прибывших в Самаркандскую область, чел.
Средняя Азия	892	1927
Финляндское княжество	6	12
Зарубежные государства	1114	2254

*Имеется в виду Королевство Польское, состоявшее из девяти провинций. Термин «Привислинский край» использовался только в официальных документах.

Анализ данных показывает, что большинство переселенцев проживали в Самарканде. Гораздо меньше их было в Самаркандском, Джизакском, Каттакурганском, Ходжентском уездах, а также в Самаркандской области.

В ходе переписи населения акцент был сделан на установлении родного языка человека, а не его принадлежности к определенной нации. При этом не уточнялось, какой именно язык являлся для респондента родным. Полученные ответы трактовались с точки зрения этнической принадлежности опрошенных. Анализ языковых особенностей населения Сырдарьинской области свидетельствует о многонациональном составе населения региона.

Значительную долю населения Сырдарьинской области составляли киргизы-кайсаки (80,46 %), также в крае проживали русские (7,78 %), таранчи (5,67 %), сарты (1,57 %), китайцы (1,43 %), татары (0,87 %).

Под термином «киргизы» в то время подразумевались казахи и киргизы. В XVIII–XIX вв. в работах русских исследователей казахи и киргизы делились на две группы – киргизов-кайсаков (киргизов-казахов) и каракиргизов. При этом под киргизами-кайсаками подразумевались казахи, а под каракиргизами – киргизы. В источниках, посвященных этому вопросу, говорилось о том, что подлинные киргизы (современные киргизы) были враждебно настроены по отношению к киргизам-кайсакам. Понятие «киргизы-казахи» («киргизы-кайсаки») состоит из двух частей. Отсылка к подлинному названию народа содержится во второй части слова, первая же его часть была добавлена русскими, чтобы отличать казахов от казаков из южной России.

Численность населения края постоянно возрастала. Данный процесс происходил за счет увеличения количества некоторых этнических групп. Так, в короткие сроки сформировалась крупная диаспора восточных славян. Процесс переселения в Туркестан охватил все три ветви русского народа. В 1867 г. русское население в крае насчитывало примерно 24 000 человек, а к середине 1870-х гг. – примерно 65 000 человек⁸.

Диаспора поволжских татар также была многочисленной. Татары часто прибывали в край вместе с русскими военными в качестве офицеров, солдат

и переводчиков. Они проживали в основном в новой, «европейской», части туркестанских городов. В старой, «азиатской», части городов располагались дома татар, обосновавшихся в крае уже давно.

В 1871 г. в Ташкенте проживали 98 татар. К 1897 г. их численность достигла уже 2313 человек [9, с. 71]. Вклад татар в развитие местной культуры был значительным. Татары способствовали повышению грамотности населения, открывали мечети, школы, культурные учреждения. К 1917 г. в Туркестанском крае насчитывалось более 100 000 представителей этой диаспоры. Татарская община играла важную роль в развитии коммерции в крае⁹.

Первыми представителями кавказских народов в Средней Азии были армяне, принявшие участие в колонизации региона. Несмотря на малочисленность, диаспора армян в Туркестанском крае демонстрировала высокую экономическую активность. Из архивных документов известно, что местные армяне занимались в основном торговлей, производством и ремесленничеством. В 1908 г. в Сырдарьинской области проживали 470 армян, в Ферганской области – 1152 армянина, в Самаркандской области – 774 армянина, в Семиреченской области – 11 армян, в Закаспийской области – 11 007 армян¹⁰.

Проживавшие в этот период в крае евреи делились на местных (бухарских) и европейских (русских). Среди переселившихся евреев было много торговцев, предпринимателей, медицинских работников, инженеров, журналистов. В начале XX в. их численность в Туркестанском крае составляла несколько тысяч человек.

Правовое положение русских евреев, прибывших в край из российских губерний, определялось не местным, а имперским законодательством. При этом в Туркестане не существовало черты оседлости для еврейского населения, как во внутренних губерниях России. Положение русских евреев в крае было более свободным, чем положение евреев из европейской части империи. Накануне 1916 г. примерно 35–40 % бухарских евреев Средней Азии проживали в Самарканде [10, с. 28]. В этот период в крае функционировали 32 синагоги. Евреи имели право получать гражданство, объединяться в торговые

⁸Проект всеподданнейшего отчета... С. 20.

⁹Кадырбаев А. Ш., Сыздикова Ж. С. Страна в Междуречье : учеб. пособие. М. : Социум, 2017. С. 296.

¹⁰Нац. арх. Узбекистана (НАУз). Ф. И-1. Оп. 17. Д. 774. Л. 12.

гильдии и т. д. Рост численности представителей этой религиозной конфессии характеризовался интенсивностью, факторами которой были свобода вероисповедания и ликвидация существовавших ранее запретов. Кроме того, в XIX – начале XX в. в Закаспийскую область и Туркестан из Афганистана и Ирана переселились несколько сотен семей евреев. Их миграция была обусловлена чередой погромов со стороны мусульманских фанатиков.

Из переписи населения 1897 г. известно о проживании в крае поляков. Лица, назвавшие в ходе переписи своим родным языком польский язык, в Закаспийской области составляли 1,0 % населения, в Сырдарьинской области – 1,19 %, в Самаркандской области – 1,17 %, в Ферганской области – 0,10 % населения [11, с. 179]. Самая большая диаспора поляков проживала в Ташкенте. Ее численность достигала 2206 человек.

В исследуемый период в этническом составе населения формировались группы немцев, а также баптистов-меннонитов. В источниках на тему происхождения меннонитов высказывается мнение о том, что они представляли собой этнос, сформировавшийся в результате смешения разных групп немцев. В конце XIX в. меннонитство было распространено в Западной Сибири, Туркестане и на Урале. Меннониты проживали в некоторых районах Сырдарьинской области и окрестностях Хивы.

В начале XX в. численность греческой диаспоры в Туркестане составляла от 600 до 1000 человек. Ее представители селились в основном в Ташкенте. В Самарканде проживали около 100 греков (в основном рабочие). Представители греческой диаспоры занимались ремесленничеством и торговлей. Некоторые из них достигли больших успехов. Особенно известными стали братья Дмитрий и Георгий Мандалаки – владельцы крупного завода по производству грена и коконов тутового шелкопряда. Завод был построен в Ферганской долине в 1899 г. [9].

В конце XIX – начале XX в. этнический и конфессиональный состав местного населения стал более

разнообразным. При этом именно в данный период мусульмане составляли более 90 % населения края. В Туркестане проживали и русские раскольники – последователи старообрядческой Русской православной церкви. На территории Ферганской области русское население исповедовало православие. Среди тех, кто исповедовал христианство римско-католического толка, большинство составляли поляки (99,4 %). Переселенцы с территорий, подконтрольных Германии, а также их потомки были в основном протестантами (96,1 %). С течением времени 0,3 % русских евреев-переселенцев перешли в православие, 0,6 % бухарских евреев приняли ислам, остальные 99,1 % евреев (как местные, так и европейские) исповедовали иудаизм.

В статистических списках 1870–90-х гг. русские раскольники названы старообрядцами, а лютеране – протестантами. В крае были распространены и такие направления христианства, как баптизм, евангелизм, немецкое меннонитство. С конца XIX в. численность сектантов-баптистов в Туркестане стала возрастать. Отношение властей к ним было неоднозначным. Российская администрация ценила баптистов как выгодный колонизационный элемент, но по приказу сверху часто подвергала представителей секты гонениям, закрывала их молитвенные дома, высылала духовных наставников. В крае функционировала русская секта молокан, прибывшая с Северного Кавказа. Следует отметить, что до 1917 г. практически все генерал-губернаторы были против миссионерской христианской активности в Туркестанском крае. Такая деятельность осуществлялась только в Семиреченской области.

С началом Первой мировой войны в этническом составе Туркестана произошли новые изменения. В октябре 1914 г. в регион стали прибывать военнопленные из австро-венгерской и германской армий. В 1915 г. количество военнопленных составило 148 тыс. человек [8; 12]. В 1915 г. численность населения края достигла уже 6 948 895 человек, а к 1917 г. она возросла до 7 млн человек¹¹.

Заключение

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. формирование полиэтнического состава населения Туркестана было обусловлено множеством факторов. Принципы определения численности и национального состава населения менялись, что заметно на примере переписей населения, проводившихся в 1870, 1897 гг. и после 1900 г. В 1870-х гг. численность населения подсчитывалась на основании количества домов и юрт. В 1897 г. данный подход утратил актуальность. Однако при этом в качестве этнографического признака выступал только родной язык, а не национальная принадлежность. В результате перепись раздели-

ла проживавшие в крае народы на языковые группы, что не давало возможности составить определенное представление об их этнической принадлежности.

В переписях населения, проводившихся в Туркестане после 1900 г., были зафиксированы кашгарцы, тюрки, персы, иранские народы. К этому времени перепись была ориентирована на национальную принадлежность респондентов. Однако в названиях этносов все еще сохранялась путаница. Так, казахов и киргизов часто называли киргизами и каракиргизами, а узбекский и таджикский народы рассматривали в качестве группы сартов. В этот период доля

¹¹ НАУз. Ф. И-27. Оп. 1. Д. 764. Л. 291–293.

коренных народов в Туркестанском крае была высокой, вместе с тем национальное разнообразие местного населения расширилось за счет народов, переселившихся из европейской части России, в частности из Поволжья, Сибири, с Кавказа и т. д., а также за счет членов общин религиозных конфессий.

Можно согласиться с мнением историков о том, что у русских крестьян в Туркестанском крае не было абсолютного деления на «мы» (русские) и «они» (нерусские). Народы, обосновавшиеся в одном регионе,

всегда стремились жить в мире. Политические силы не могли препятствовать данному согласию. Туркестан, имеющий многовековой полиэтнический опыт, выступает в данном контексте ярким примером. Между народами, проживавшими в Туркестане, серьезные конфликты были редкостью и касались лишь частных случаев. Местные жители активно сотрудничали с населением Российской империи в сферах торговли, промышленности и производства, что способствовало культурной интеграции местных жителей.

Библиографические ссылки

1. Махдум-хожи МО. *Тарихи Туркистон*. Тошкент: Янги аср авлоди; 2009. 242 с.
2. Мейендорф ЕК. *Путешествие из Оренбурга в Бухару*. Бетгер ЕК, редактор. Москва: Наука; 1975. 182 с.
3. Исхаков Ф. *Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917)*. Ташкент: Фан; 1997. 204 с.
4. Бартольд В. *Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. Часть 2*. Москва: Наука; 1964. 657 с. (Сочинения; том 2).
5. Бехбуди М. Сарт сўзи мажхулдир. Сироджиддин А, муаллиф. *Танланган асарлар. Жилд 2*. Тошкент: Academnashr; 2018. с. 36–44.
6. Абашин С, Арапов Д, Бекмаханова Н, редакторы. *Центральная Азия в составе Российской империи*. Москва: Новое литературное обозрение; 2008. 464 с.
7. Абдурахимова Н, Эргашев Ф. *Туркистонда чор мустамлака тизими*. Тошкент: Академия; 2002. 240 с.
8. Ата-Мирзаев О, Гентшке В, Муртазаева Р. *Межнациональная толерантность в Узбекистане: история и современность*. Ташкент: Университет; 2004. 179 с.
9. Гайсина ЛР. Этнический состав населения «новых частей» городов Русского Туркестана. *Вестник Томского государственного университета*. 2012;354:71–73.
10. Абрамов М. *Бухарские евреи в Самарканде*. Самарканд: [б. и.]; 1993. 84 с.
11. Гентшке ВЛ. Поляки. В: Ильхамов А, редактор. *Этнический атлас Узбекистана*. Ташкент: Институт «Открытое общество»; 2002. 452 с.
12. Нормуродова Г, Холхужаева Ю. Население Туркестана: национальный состав и толерантность (на примере Самаркандской области). *Polish Journal of Science*. 2019 [cited 2023 April 18];22:10–13. Доступно по: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41586450_94407632.pdf.

Получена 10.02.2024 / исправлена 27.12.2024 / принята 27.12.2024.
Received 10.02.2024 / revised 27.12.2024 / accepted 27.12.2024.

УДК 94(510).06 + 792.02(091)

ПРИЧИНЫ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОЙ ОПЕРЫ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА ВАНЬЛИ ДИНАСТИИ МИН

ЛУ ВЕЙЖАН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. С момента интронизации династии Мин (1368–1644) до начала периода правления императора Ваньли (1573–1620) китайское общество претерпело огромные изменения во многих аспектах. В политических кругах отношения приобретали все более жестокий и развращенный характер, усиливались чувство отстраненности и апатия. Общество стало расточительным и верило в духов и жертвоприношения. Таким образом, опера постепенно перестала объединять людей. Однако благодаря изменениям в литературе и искусстве, направленным на отстаивание субъективности человеческого восприятия и истинных эмоций как источника его происхождения, в период правления императора Ваньли династии Мин китайская опера стала самостоятельным социально-культурным направлением и быстро достигла очень высокого уровня развития.

Ключевые слова: династия Мин; период правления императора Ваньли; китайское общество; китайская опера; культурное развитие Китая.

ПРЫЧЫНЫ РАЗВІЦЦЯ КІТАЙСКОЙ ОПЕРЫ Ў ПЕРЫЯД КІРАВАННЯ ІМПЕРАТАРА ВАНЬЛІ ДЫНАСТЫІ МІН

ЛУ ВЕЙЖАН^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. З моманту інтронізацыі дынастыі Мін (1368–1644) да пачатку перыяду праўлення імператара Ваньлі (1573–1620) кітайскае грамадства зведала велізарныя змены ў многіх аспектах. У палітычным асяроддзі адносіны набывалі ўсё больш жорсткі характар, узмацняліся пачуццё адасобленасці і апатыя. Грамадства стала марнатраўным і верыла ў ахвярапрынашэнні. Такім чынам, опера паступова перастала аб'ядноўваць людзей. Аднак дзякуючы зменам у літаратуры і мастацтве, у адпаведнасці з якімі адстойваліся суб'ектыўнасць чалавечага ўспрымання і праўдзівыя эмоцыі як крыніца яго паходжання, у перыяд праўлення Ваньлі дынастыі Мін кітайская опера стала самастойнай сацыяльна-культурнай плыню і хутка дасягнула вельмі высокага ўзроўню развіцця.

Ключавыя словы: дынастыя Мін; перыяд Ваньлі; кітайскае грамадства; кітайская опера; культурнае развіццё Кітая.

Образец цитирования:

Лу Вейжан. Причины развития китайской оперы в период правления императора Ваньли династии Мин. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2025;1:47–53 (на англ.).
EDN: NIMKCM

For citation:

Lu Weiran. Reasons for development of Chinese opera during the Wanli Emperor period of Ming Dynasty. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2025;1:47–53.
EDN: NIMKCM

Автор:

Лу Вейжан – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент О. В. Перзашкевич.

Author:

Lu Weiran, postgraduate student at the department of ancient and medieval history, faculty of history.
luweiran1221@qq.com

REASONS FOR DEVELOPMENT OF CHINESE OPERA DURING THE WANLI EMPEROR PERIOD OF MING DYNASTY

LU WEIRAN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. From the enthronisation of Ming Dynasty (1368–1644) to the beginning of Wanli Emperor period (1573–1620), Chinese society has been undergoing tremendous changes in many aspects. Politically, the atmosphere became cruel and corrupt more and more, officials with no hope of career turn to Chinese opera for solace, and the binding power of Chinese opera policies lost its influence gradually, and thus it created a favourable environment for the development of Chinese opera. Ideologically, the trend of detachment and apathy turned out to be more and more intense. Socially, the trend of extravagance and the belief in ghosts and sacrifices got its arisen. Chinese opera became a way to show off wealth and was often used to entertain sacrificial ceremonies, which promoted the prosperity of Chinese opera performances. Culturally, watching Chinese operas made a trend. Chinese opera was mature, combining art and entertainment, and was loved by literati. Simultaneously, the trend of literary and artistic innovations, advocated an individual's subjectivity and true emotions, composed the source, the object and the function of that literature. Driven with that variety of extensive and profound changes, Chinese opera of the Wanli Emperor period of the Ming Dynasty appeared to be an independent social cultural trend and thus achieved very high level and acquired its rapid development. At the same time, it gave birth to many outstanding Chinese opera writers and works, which improved the quality of Ming Dynasty Chinese operas and made the Ming Dynasty the second golden age in the history of classical Chinese opera.

Keywords: Ming Dynasty; Wanli Emperor period; Chinese society; Chinese opera; Chinese cultural development.

Looking at the development history of Chinese opera in the times of Ming Dynasty (1368–1644), we can see that the Chinese opera of the Wanli Emperor period (1573–1620) reached its undisputed peak, which got its reflection in many aspects (e. g., the script creation). Furthermore, at that period a large number of high-quality writers and works appeared, including Tang Xianzu (湯顯祖)¹, who was known as the greatest writer in the history of Chinese opera with his opera «Linchuan si meng» («臨川四夢»)². In terms of the Chinese opera theory, a large number of professional Chinese opera commentators and works on music theory saw their first publication. Regarding that, one should name Shen Jing (沈璟)³ with his composition «Nanjiugong thirteen tune music scores» («南九宮十三調曲譜»)⁴, Wang Jide (王驥德)⁵ with his composition «Qulu» (曲律)⁶. In terms of Chinese opera vocals, Kunqu Opera (昆曲)⁷ entered its

peak period, and some local tunes began to develop and grow gradually. The most important thing was that all groups in society participated in the Chinese opera: all the strata were involved, from the emperor to quite common people. The reason, why such a phenomenon had occurred, was inseparable from the general background of the Wanli Emperor period. This article mainly explores the reasons for that development of Chinese opera of that period, taking four perspectives: politics, ideology, social sphere and culture.

Let us start with politics of the Wanli Emperor period and some preceded time.

Deterioration of political atmosphere and easing of Chinese opera policies. The Wanli Emperor period made a turning point in the politics of the Ming Dynasty. The famous Chinese historian Meng Sen (孟森)⁸ said in the composition «Lecture notes on the history of the

¹Tang Xianzu (1550–1616) is a famous Chinese opera writer and litterateur in the Ming Dynasty. His Chinese opera creation advocated originality and opposed imitation of ancient models and rigidity in rhythm. His creative achievements and artistic ideas had a great influence on later generations.

²The opera «Linchuan si meng» is collectively known as «Zichai Ji» («紫钗记»), «Mudan Ting» («牡丹亭»), «Nankeji» («南柯记») and «Handanji» («邯郸记») written by Tang Xianzu, a famous dramatist in the Ming Dynasty.

³Shen Jing is Ming Dynasty dramatist and music critic. Some dramatists were influenced by him in theory and followed his style in creation, forming the «Wujiang pai» headed by him.

⁴The composition «Nanjiugong thirteen tune music score» is the metrical score of Nanqu (南曲) written by Shen Jing. Chuanqi creators after Shen Jing all regard this work as the criterion for authentic Nanqu rhythms and a reference book for retrieval. This book is also an important basis for modern people to study ancient Chinese opera.

⁵Wang Jide (1540–1623) is a drama theorist in the Ming Dynasty.

⁶The composition «Qulu» is written by Wang Jide. The book contains forty chapters, which extensively discuss important issues in Chinese opera creation and theory such as the origin and development of Chinese opera, lyrics and rhythm, creative themes, script structure, etc. It also provides reviews and introductions to writers and works. It is a comprehensive treatise on Chinese opera theory.

⁷Kunqu opera also known as Kunshan opera is a new vocal Chinese opera type that was developed in the Kunshan area in the late Yuan and Ming dynasties, and combined with local music, singing, dancing, and language. For more than one hundred years (from the late Ming Dynasty to the Qing Dynasty), it marked a period, when Kunqu opera had been flourishing. Kunqu opera has become known as the ancestor of all kinds of Chinese operas and the master of all kinds of Chinese operas.

⁸Meng Sen is a famous Chinese historian. In 1908, he served as editor of edition «Oriental Magazine» («東方雜誌»). After the revolution of 1911, he served as executive secretary of the Republican Party and member of Congress. Since 1913, he concentrated on academic research and served as a university professor for many years. Before his death, he taught at Peking University.

Ming Dynasty» (《明史講義》)⁹: «The decline of the Ming Dynasty began after Zhengde (正德, 1505–1521) and Jiajing (嘉靖, 1521–1566), and became even worse in the Wanli Emperor period (萬曆, 1573–1620). The signs of that demise were determined by the Wanli Emperor period¹⁰ [1, p. 255]. The disaster of party strife (黨爭之禍)¹¹ became the specific feature of that time. An important reason of the fall of Ming Dynasty and of the rise of party struggle in that period one was able to find in Wanli Emperor:

«國朝自萬曆以前，未有黨名». («Before Wanli Emperor of this dynasty, there was no such thing as giving a name to a party after forming a party».) [2, p. 12];

«有明萬曆間黨目起». («During the Wanli Emperor period of the Ming Dynasty, each party began to have its own name».) [3, p. 485].

The consequences of that kind of fighting became extremely bad. All officials only followed the party interests and ignored the truth of justice:

«異己者雖清必驅除，附己者雖穢多容納». («Those who are hostile to me, even if they are honest and upright, will definitely be eliminated. People who agree with me will tolerate it even if they are dishonest and selfish».) [2, p. 16];

«平日相知之人皆為戈戟，平日號為君子之人皆不相容». («People who usually call each other close friends will be at war with each other. People who are usually called gentlemen cannot tolerate each other».) [4, p. 5049].

The worst thing was that no one in the court had been able to stay away. Under such circumstances, the living environment of scholar-bureaucrats became increasingly dangerous. Not only were they easily offended, but also even their lives appeared to be in danger. In such a political environment, officials' vanity gradually gained the upper hand. They stopped to harbour their noble sentiments but thought about self-protection only.

On the other hand, with the further development of the commodity economy, the trend of supremacy of monetary interests became increasingly fierce. All social strata and fields lost their immunity to its influence, and the officialdom made no exception:

«嘉、隆以前，士大夫敦尚名節，遊宦來歸，客或詢其囊橐，必唾斥之。今天下自大吏至於百僚，商較有無，公然形之齒頰。受銓天曹，得瘠地則更相慶，得瘠地則更相吊。官成之日，或垂囊而返，則群相姍笑，以為無能». («Before Jiajing Emperor and

Longqing Emperor periods, officials were chaste. If someone returned home after serving as an official in another place, if someone asked him how much money he earned as an official, he would definitely be reprimanded. Nowadays, no matter whether the officials are high or low, they are blatantly discussing who has more money and who has less money. If you are promoted, as a local official, you will celebrate even more if the place you go to is an economically prosperous place. If the economy of the place you go to is average, you will be comforted by others. After your official term expires, if you come back with an empty purse, you will be ridiculed by everyone, thinking that you are incompetent and have not made any money as an official».) [5, p. 24].

Corruption of that period also spread from its top to bottom, from the very emperor to the low officials. In order to satisfy his personal desires, Emperor Zhu Yijun (朱翊鈞)¹² sent a large number of officials to plunder and amass money across the country. That behaviour of the emperor made corruption and bribery a common occurrence among large and small officials:

«遠臣為近臣府庫，遠近之臣為內閣府庫，而開門受賂自執政始». («Outlying officials were the purse strings of the court ministers. Whether they are local officials or court ministers, they are all the money bags of cabinet ministers. Open bribery started with the cabinet ministers».) [6, p. 6038].

The deterioration and corruption, having embraced the entire political atmosphere, forced many officials to feel themselves hopeless about their official career, and they had gradually turned their attention to self-satisfaction and enjoyment:

«近日國事紛紜... 時不可為，豪傑無從著手，真不若在山之樂也». («Nowadays, the country meets many troubles... The timing is not right, and the heroes cannot display their talents. It is better to be free and happy in the mountains».) [7, p. 782];

«名場難入，青山白水，是吾故物». («It is hard for me to fit in Vanity Fair, but I still like green mountains and clear waters».) [8, p. 2360];

«世事不堪評，掩卷神遊千古上；塵氛應可卻，閉門心在萬山中». («I do not want to comment on the common things in the world. After reading the book, I thought back to the realm in the book, and my spirit was directly connected with the saints throughout the ages. The world should be avoidable. When I close the door, my heart is rippling in the mountains and rivers».) [9, p. 329–330].

⁹The composition «Lecture notes on the history of the Ming Dynasty» is one of the masterpieces of the famous historian Meng Sen. For the first time, the history of the Ming Dynasty obtained its voice in that new genre.

¹⁰Here and further the translation is ours. – L. W.

¹¹Party strife is a factional struggle. It refers to officials forming factions and attacking each other for political gain by any means necessary.

¹²Zhu Yijun is an emperor of Ming Dynasty. The year name is Wanli. He ascended the throne in 1572 and reigned for forty-eight years, making him the longest-reigning emperor in the Ming Dynasty. In his early years, he practiced politics internally and prepared border defense externally. The country was peaceful and the people were safe, and he could be called a wise king. Later, he gradually developed bad habits and ignored government affairs, and his relationship with his ministers became increasingly antagonistic.

As a comprehensive art form, that time Chinese opera possessed both artistic and entertainment functions, so it had naturally received special attention and popularity. A large number of politically frustrated the literati and officials devoted themselves to the field of Chinese opera, writing scripts, constructing theories, forming theater troupes, or directing performances, and made outstanding contributions in all aspects. Among those people, two of the most outstanding dramatists in the entire Ming Dynasty appeared – Tang Xianzu and Shen Jing. At the same time, the binding force of Chinese opera policies during the Wanli Emperor period also gradually eased, having created a good environment for the development of Chinese opera and a prosperous development of Chinese opera.

Variations in the composition «Xin Xue» («心學»)¹³ and the prevalence of detachment and indulgence. Furthermore, the Wanli Emperor period made a transitional period in the history of Chinese thought. In the middle of Ming Dynasty, the composition «Xin Xue», led by Wang Yangming (王陽明)¹⁴, emerged, which had liberated people from the oppression of Chengzhu Neo-Confucianism (程朱理學)¹⁵ and had re-established the subjective value of the person. As soon as the composition «Xin Xue» came out, it got quick support and held of many literati and scholars:

«震霆啓寐, 裂耀破迷, 自孔、孟以來, 未有若此之深切著明者也». («*“Xin Xue” like the sound of thunder, it wakes people up from their dreams, and like the rays of the sun, it breaks through the haze. Since Confucius and Mencius, there has been no one so profound.*») [10, p. 7].

As a highly interpretive philosophy, the composition «Xin Xue» was not static, but had started a process of its continuous evolution since its rise. By the Wanli Emperor period, with the drastic changes in the external political and economic environment, the composition «Xin Xue» has also experienced unprecedented changes: first, the purpose had shifted from joining the world to transcending the world; second, the content had shifted from restraining human desires to inciting personal desires.

Instigated by those personal desires, watching Chinese operas gradually became an indispensable entertainment activity for the literati and officials during the Wanli Emperor period. Chinese opera obtained both its entertainment and aesthetic value, and the way to make the best carrier to satisfy people's wild dreams. During

that period, it also represented the imagination and pursuit of independent and free detached personality among scholar-bureaucrats. That powerful trend of indulgence further promoted the development of opera:

«百事減盡, 惟不能忘情於聲歌. 留此以娛餘生, 或秀媚精進中所不礙耳». («*I put aside all kinds of worldly affairs, but I still cannot forget music. Let music accompany me for the rest of my life. Maybe I can improve myself in the music that I cannot get tired of listening.*») [11, p. 1083].

An economic development and the prevalence of extravagance and sacrifice practice. After the stability and rise in the early Ming Dynasty, the middle and late Ming Dynasty brought massive social wealth accumulation, the entrepreneurship sprouted, and economic development brought epoch-making changes. The transformation of the economy led to great changes in social sphere, the most prominent of which became the prevalence of hunting for profit and the eagerness of luxury:

«二、三十年間, 富貴家出金帛, 制服飾、器具, 列笙歌鼓吹, 招至十餘人爲隊, 搬演傳奇. 好事者競爲淫麗之詞, 轉相唱和, 壹郡城之內衣食於此者, 不知幾千人矣. 人情以放蕩爲快, 世風以侈靡相高, 雖踰制犯禁, 不知忌也». («*In the past twenty or thirty years, wealthy families spent a lot of money to buy costumes and props for performances, and recruited accompanists for Chinese opera performances. When more than ten people were recruited, they formed a team to perform Chuanqi. Some restless people rushed to write some exaggerated lyrics and music, and then they became popular. Within a city, there are thousands of people, who make their living with this profession. At this time, people took pleasure in debauchery and competed with each other as a custom. Even if it violated etiquette, there was no scruple.*») [12, p. 139].

As a form of entertainment, Chinese opera became a high-end hedonic consumer product. Therefore, possessing and decorating Chinese opera performances became one of the best ways to show off own wealth. Under that social atmosphere, during the Wanli Emperor period wealthy families competed to invite actors to act in the ones' Chinese operas to demonstrate their prestige. The large market demands gave rise to a large sponsoring of Chinese operas, and that profitable Chinese opera market further stimulated the proliferation of Chinese opera practitioners.

¹³The composition «Xin Xue» is the subjective idealist philosophy represented by Lu Jiuyuan (陸九淵) and Wang Yangming, which believes that the heart is the origin of the universe.

¹⁴Wang Yangming (1472–1529), or Wang Shouren, is a famous philosopher in the Ming Dynasty. He proposed the theory of conscience and described feudal ethics as the conscience that people are born with, put forward the theory of unity of knowledge and action. The educational method emphasises teaching by words and deeds, step-by-step, etc. His theory had a great influence after the middle of the Ming Dynasty and became popular in Japan.

¹⁵Chengzhu Neo-Confucianism is the orthodox official philosophy formed during the Song Dynasty (960–1279). From the foundation laid by Cheng Hao (程顥) and Cheng Yi (程頤) in the Northern Song Dynasty (960–1127) to Zhu Xi (朱熹) in the Southern Song Dynasty (1127–1279), a relatively complete system of objective idealism with category «li» (理) as the core was established. Opposite to the study of mind.

In addition to the direct «consumption» of opera, the Wanli Emperor period extravagant style also found its reflection in various aspects including food, clothing, housing and transportation, such as banquets, tourism, private gardens, etc., all of which became indispensable for the Chinese opera entertainment.

Let us take a banquet as an example. The Chinese opera, singing and dancing accompanied every assembly of any wealthy family:

«端居觀大運, 去日常苦多. 幸有盈尊酒, 賓朋各來過. 佳人出後房, 被服綺與羅. 纖腰門妙舞, 皓齒揚清歌». («When I think about my fate in the first half of my life, I feel sad. Fortunately, I still have friends to drink with me. The beautiful woman came out of the room, dressed in fine clothes, dancing and singing beautiful songs».) [13, p. 39].

In addition, with the development of the economy and spread of that extravagance, the trend of believing in ghosts and worshiping ghosts got its intensification in that society. People built a large number of temples to ghosts and gods, frequently held various activities to honour gods, and the content of sacrificial activities become more and more luxurious, also, Chinese opera was to be involved in that practice. For example, God-welcoming festival (迎神賽會)¹⁶ formed one of the most popular and solemn sacrificial activities in that time China. At the God-welcoming festival, people often held colourful sacrificial and entertainment activities to reward the gods on the one hand, and on the other hand to entertain people participated there:

«凡神所棲舍, 具威儀、簫鼓、雜戲迎之曰會. 優伶伎樂、粉墨綺縞、角觝魚龍之屬, 繽紛陸離, 靡不畢陳». («Wherever there are statues of gods, grand ceremonies will be held with drums, flutes, and various performances. Actors and singers, wearing heavy makeup and gorgeous clothes, will come to participate. Fighting, acrobatics, Chinese opera, etc., will all be on stage. It is dazzling and has everything».) [14, p. 1];

«初猶學戲子裝束, 且以半年舉之, 亦不甚害. 至萬曆庚寅, 各鎮貨馬二三百匹, 演劇者皆穿鮮明蟒衣靴革, 而襍頭紗帽滿綴金翠珠花, 如扮狀元遊街, 用珠鞭三條, 價值百金有餘; 又增妓女三四十人... 華麗尤甚; 其他彩亭旗鼓兵器, 種種精奇, 不能悉述». («In the early Jiajing period, actors still wore their original performance costumes, and one set of costumes could be worn for at least half a year without causing much harm. By the Gengyin year of Wanli Emperor period (1590), two

to three hundred horses were rented in each place, and the performers wore brightly coloured clothes and leather boots that could only be worn by officials. The headscarves or gauze hats are decorated with gold beads and other ornaments. For example, when an actor plays the role of No. 1 scholar and parades through the streets, he will use three whips inlaid with pearls. These whips are very expensive. Thirty or forty more prostitutes were added... very gorgeous. Others, such as the colourful pavilions made of paper, flags, drums and weapons, are all very exquisite and cannot be completely described with words».) [15, p. 396].

To compare them with the previous times, in the Wanli Emperor period people played those gods-welcoming games in more exquisite, more luxurious and extravagant way. Considering its basis, it illustrated more sufficient material foundation and a strong extravagance trend. In that context, a large number of blessing and sacrificial activities promoted the prosperity of Chinese opera performances and greatly stimulated the development of Chinese opera.

Artistic innovations and object and function of that time drama. As the atmosphere in politics, thought, society and other fields has been changed as shown above, corresponding transformations would have inevitably occurred in culture. During the Wanli Emperor period, those changes in cultural atmosphere reflected themselves as in the rise of Chinese opera auditory, so in changes in literary trends.

During the Wanli Emperor period with its Chinese opera had matured a trend of rapid increase of the Chinese opera auditory among the literati and officials took place. Did not only they watch Chinese opera performances and read Chinese opera texts, but also actively participated in Chinese opera creation activities themselves, thus forming a boom in Chinese opera in the Wanli Emperor period literary world.

As a genre of art, Chinese opera of the Ming Dynasty experienced development and evolution in the early and middle periods, and at the Wanli Emperor period, it reached its maturity. In terms of scripts, the transformation from Song and Yuan dramas to Chuanqi (傳奇)¹⁷ has been completed, the script structure has been finalised, and the language style has become increasingly elegant. In terms of vocal accents, Yuyao (餘姚腔)¹⁸, Haiyan (海鹽腔)¹⁹, Yiyang (弋陽腔)²⁰ and Kunshan (昆山腔)²¹ have emerged, and after had passed through the cruel process

¹⁶God-welcoming festival is an ancient Chinese folk custom and folk religious and cultural activity, and, at the same time, a superstitious custom. That presupposed that participants carried out the statues of gods out of the temple to processions, and those sacrificial meetings thus aimed to pray for disaster relief and blessings.

¹⁷Chuanqi is a type of classical Chinese novels from the Tang and Song dynasties and also the main form of Chinese opera in the Ming and Qing dynasties. The Chuanqi in this article refers to the Chinese opera form.

¹⁸Yuyao accent is the Chinese opera tone and type of Chinese opera. It got its name because it was formed in Yuyao, Zhejiang Province.

¹⁹Haiyan accent is the Chinese opera tone and type of Chinese opera. It was named after its occurrence in Haiyan, Zhejiang Province.

²⁰Yiyang accent is the Chinese opera tone and type of Chinese opera. It is named after its birthplace in Yiyang, Jiangxi Province.

²¹Kunshan accent is the Chinese opera tone and type of Chinese opera. It was formed in the Kunshan area of Jiangsu Province. The other three major tunes have declined and disappeared. Only Kunshan accent still has its sound in the world after more than 600 years of development.

of survival of the fittest²², the dominating status of Yiyang and Kunshan operas as Chinese national opera modes has been established. The maturity of genres and styles has greatly improved the literary, artistic and entertaining aspects of Chinese opera. As a result, Chinese opera became more and more popular, especially for the literati and officials.

More than anything else, the dual nature of Chinese opera art and entertainment allowed scholar-officials not only to enjoy sensory pleasure, but also to appreciate the exquisite beauty of art. The proficiency of some bureaucrats in vocal techniques could really surprise well-known Chinese opera actors, and thus showed that those audiences' interest in Chinese opera had not only stopped at its superficial sensory pleasure, but also had penetrated into the deep artistic level:

«近年士大夫享太平之樂，以其聰明寄之剩技。<...> 吳中縉紳留意聲律，如太倉張工部新、吳江沈吏部璟、無錫吳進士澄時，俱工度曲。每廣坐命技，即老優名倡，俱皇遽失措»。(«In recent years, while the scholar-bureaucrats are enjoying the peaceful and prosperous times, they have also spent their excess energy on other impractical things. <...> Officials in Wudi pay great attention to music... Many officials are good at Chinese opera creation. Every time when there are many people, they let the outstanding actors perform their own works. Even well-known actors are afraid of performing in front of experts like them».) [16, p. 627].

In addition, during the Wanli Emperor period, the literary trend of thought completed its transformation from retro-gradation to romanticism. During that period, the composition «Xin Xue», developed by Li Zhi (李贄)²³ and others, made the inner self a true value, disregarding any external authority, and put forward independent and free characteristics of individual spirit. The writers of the time took those characteristics and

converted them into a series of corresponding literary intentions, thus have been stimulating the romantic literary and artistic trend in the field of literature. Correspondingly, that romantic trend of thought gave birth to a large number of outstanding Chinese opera writers and works. During the Wanli Emperor period, that romantic trend of thought in the Chinese opera sphere reflected the prevalence of much wider sentiment trend mainly. The so-called main emotion trend of thought was a trend of literary and artistic innovation that advocated taking the individual's subjective mind and true emotions as the source, object and function of literature:

«聲色之來，發於情性，由乎自然，是可以牽合矯強而致乎?» («People's liking for music and beauty comes from their temperament and is in line with nature. This is not forced».) [17, p. 365];

«人有此聲，家有此道，疫厲不作，天下和平。豈非以人情之大寶，為名教之至樂也哉»。(«Individuals and families who watch this elegant Chinese opera will avoid committing crimes and the world will be at peace. Education must be connected with human feelings in order for people to receive education happily».) [18, p. 1127].

Driven with that trend of thought, that advocated personal emotions, a large number of Chuanqi masters of writing about love started their activity during the Wanli Emperor period. Not they only formed the narrative pattern of ten Chuanqi and nine love sicknesses, they also improved the quality of the Ming Dynasty Chuanqi as a whole. That trend created a new peak in Chinese classical drama, and elevated the Ming Chuanqi to a status comparable to the Zaju (雜劇)²⁴. Driven by various social backgrounds, the Ming Dynasty period has eventually become the second golden age in the history of Chinese classical drama [19, p. 1].

References

1. 孟森. 明史講義. 上海: 上海古籍出版社; 2002. 頁 368. = Meng Sen. Lecture notes on Ming history. Shanghai: Shanghai Ancient Books Publishing House; 2002. 368 p. Chinese.
2. 揚州十日記. 上海: 上海書店; 1982. 頁 269. (夏允彝. 倖存錄. 中國歷史研究社). = China History Research Society. Yangzhou ten diary. Shanghai: Shanghai Bookstore; 1982. 269 p. (Xia Yunyi. Surviving records). Chinese.
3. 周駿富. 明代傳記叢刊. 臺北: 明文書局; 1991. 頁 800. (趙吉士. 顧端文公傳). = Zhou Junfu. Ming Dynasty biography series. Taipei: Ming Bookstore; 1991. 800 p. (Zhao Jishi. Gu Duanwen public biography). Chinese.
4. 陳子龍. 明經世文編彙. 北京: 中華書局; 1962. 頁 5923. (向高. 答劉雲嶠). = Chen Zilong. Ming Jing Shiwen compilation. Beijing: Zhonghua Book Company; 1962. 5923 p. (Ye Xianggao. Da Liu Yunchiao). Chinese.
5. 陳岩野集. 廣東: 順德縣誌辦公室; 1987. 頁 168. (陳邦彥. 中興政要書. 馬以君主編). = Ma Yijun, editor. Chen Yanye Ji. Guangdong: Shunde County Chronicle Office; 1987. 168 p. (Chen Bangyan. Zhongxing political letters). Chinese.

²²Zhejiang Yuyao accent, Zhejiang Haiyan accent, Jiangxi Yiyang accent, and Jiangsu Kunshan accent together formed China's four major ancient Chinese opera tunes. They have been the earliest ones and obtained far-reaching influence. There the ancient tunes have been absorbed with various new Chinese opera tunes, and thus have become popular all over the country.

²³Li Zhi (1527–1602) is the Ming thinker and writer. He pursued social equality and individual liberation, put forward the view that clothing and eating are human ethics, and advocated paying attention to utilitarianism. Besides, he proposed the theory of childlike innocence and advocated maintaining childlike innocence. In terms of literature, he opposes retro imitation, advocates that creation must express one's own opinions, and attaches great importance to the status of novels and dramas in literature.

²⁴Zaju is a traditional Chinese opera form of the Yuan Dynasty (1271–1368). It arose in the north around the time when the Mongols destroyed the Jin Dynasty (1115–1234) in the first half of the 13th century. It gradually spread to the south after the Yuan Dynasty destroyed the Southern Song Dynasty, and gradually declined in the late the Yuan Dynasty. The formation of Yuan Zaju is a symbol of the maturity of Chinese opera art.

6. 張廷玉. 明史. 北京: 中華書局; 1974. 頁 8642. = Zhang Tingyu. Ming history. Beijing: Zhonghua Book Company; 1974. 8642 p. Chinese.
7. 錢伯城箋校. 袁宏道集箋校. 上海: 上海古籍出版社; 1981. 頁 908. (袁宏道. 馮卓安). = Qian Bocheng's Notes Collector. Yuan Hongdao's collection of notes and collector. Shanghai: Shanghai Ancient Books Publishing House; 1981. 908 p. (Yuan Hongdao. Feng Zhuo'an). Chinese.
8. 陶望齡. 歇庵集. 臺北: 偉文圖書出版社; 1976. 頁 2401. Tao Wangling. Xie'anji. Taipei: Weiwen Books Publishing House; 1976. 2401 p. Chinese.
9. 陳繼儒. 小窗幽記. 河南: 中州古籍出版社; 2008. 頁 410. Chen Jiru. Xiaochuangyouji. Henan: Zhongzhou Ancient Books Publishing House; 2008. 410 p. Chinese.
10. 黃宗羲. 明儒學案. 北京: 中華書局; 1985. 頁 1632. Huang Zongxi. The case of Confucianism in the Ming Dynasty. Beijing: Zhonghua Book Company; 1985. 1632 p. Chinese.
11. 錢伯城點校. 珂雪齋集. 上海: 海古籍出版社; 1989. 頁 3021. (袁中道. 寄石洋). = Bocheng, editor. Collection of Ke Xuezhai. Shanghai: Hai Ancient Books Publishing House; 1989. 3021 p. (Yuan Zhongdao. Ji Shiyang). Chinese.
12. 張翰(明). 松窗夢語. 北京: 中華書局; 1985. 頁 170. = Zhang Han (Ming dynasty). Dreams in the pine window. Beijing: Zhonghua Book Company; 1985. 170 p. Chinese.
13. 紀昀. 文淵閣四庫全書. 臺灣: 臺灣商務印書館; 1985. 頁 891. (胡應麟. 少室山房集). = Ji Yun. Wenyuange Sikuquanshu. Taiwan: Taiwan Commercial Press; 1985. 891 p. (Hu Yinglin. Shaoshi Shanfang collection). Chinese.
14. 王稚登. 吳社編. 北京: 中華書局; 1991. 頁 7. = Wang Zhideng. Wushe Ji. Beijing: Zhonghua Book Company; 1991. 7 p. Chinese.
15. 範廉(明). 雲間據目抄. 揚州: 江蘇省廣陵古籍刻制學會; 1995. 頁 125. = Fan Lian (Ming Dynasty). Yunjian jumuchao. Yangzhou: Jiangsu Guangling Ancient Book Engraving Society; 1995. 425 p. Chinese.
16. 沈德符. 萬曆野獲編. 北京: 中華; 1595. 頁 938. = Shen Defu. Collection of Wanli Yehuo. Beijing: Zhonghua Book Company; 1595. 938 p. Chinese.
17. 讀律膚說/張建業和張岱注. 李贄全集注. 北京: 社會科學文獻出版社; 2010. 頁 427. = Zhang Jianye, Zhang Dai, commentators. Du lv fu shuo. Beijing: Social Sciences Literature Press; 2010. 427 p. Chinese.
18. 徐朔方箋校. 湯顯祖詩文. 上海: 上海古籍出版社; 1982. 頁 1580. (湯顯祖. 宜黃縣戲神清源師廟記). = Xu Shuofang, editor. Tang Xianzu's poems and essays. Shanghai: Shanghai Ancient Books Publishing House; 1982. 1580 p. (Tang Xianzu. Yihuang county opera God Qingyuan Shimiaoji). Chinese.
19. 金寧芬. 明代戲曲史. 北京: 社會科學文獻出版社; 2007. 頁 329. = Jin Ningfen. History of opera in the Ming Dynasty. Beijing: Social Sciences Literature Press; 2007. 329 p. Chinese.

Received 19.05.2024 / revised 27.12.2024 / accepted 27.12.2024.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

HISTORIOGRAPHY

УДК 94 (4-15)«09/14» + 394 (4-15) (091):930 (1-87)

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Е. Д. СМІРНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматривается место истории повседневности в зарубежной историографии. Отмечается, что первый интерес к материальной культуре и истории повседневности возник у историков-позитивистов на рубеже XIX–XX вв. Подчеркивается, что большое признание история повседневности получила у медиевистов и специалистов по истории Нового и Новейшего времени. Показано, что историю повседневности можно рассматривать как одну из составляющих историко-антропологического подхода. Автор приходит к выводу, что история повседневности – новое перспективное направление зарубежной историографии, предметом изучения которого является сфера человеческой обыденности.

Ключевые слова: социология повседневности; историческая антропология; история повседневности; этнологическая социальная история; микроистория; зарубежная историография.

Образец цитирования:

Смирнова Е.Д. История повседневности в контексте зарубежной историографии. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2025;1:54–59 (на англ.). EDN: EBQZYA

For citation:

Smirnova AD. History of everyday in the context of foreign historiography. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2025;1:54–59. EDN: EBQZYA

Автор:

Елена Дмитриевна Смирнова – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета.

Author:

Elena D. Smirnova, PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history.
smirnova@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0001-8494-978X>

ГІСТОРЫЯ ПАЎСЯДЗЁННАСЦІ Ў КАНТЭКСЦЕ ЗАМЕЖНАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

А. Д. СМІРНОВА^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Анотацыя. Разглядаецца месца гісторыі паўсядзённасці ў замежнай гістарыяграфіі. Адзначаецца, што першая цікавасць да матэрыяльнай культуры і гісторыі паўсядзённасці ўзнікла ў гісторыкаў-позітывістаў на мяжы XIX–XX стст. Падкрэсліваецца, што вялікае прызнанне гісторыі паўсядзённасці атрымала ў медыявістаў і спецыялістаў па гісторыі Новага і Найноўшага часу. Паказана, што гісторыю паўсядзённасці можна разглядаць як адзін са складальнікаў гісторыка-антрапалагічнага падыходу. Аўтар прыходзіць да высновы, што гісторыя паўсядзённасці – новы перспектыўны кірунак замежнай гістарыяграфіі, прадметам вывучэння якога з’яўляецца сфера чалавечай паўсядзённасці.

Ключавыя словы: сацыялогія паўсядзённасці; гістарычная антрапалогія; гісторыя паўсядзённасці; этналагічная сацыяльная гісторыя; мікрагісторыя; замежная гістарыяграфія.

HISTORY OF EVERYDAY IN THE CONTEXT OF FOREIGN HISTORIOGRAPHY

A. D. SMIRNOVA^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The article examines the place of the history of everyday life in foreign historiography. It is noted that the first interest in the material culture and history of everyday life arose among positivist historians at the turn of the 19th and 20th centuries. The study emphasises that the history of everyday life has received great recognition from medievalists and specialists in the history of Modern and Contemporary history. The subject of studying the history of everyday life is the sphere of human everyday life. It is shown that the history of everyday life can be considered as one of the components of the historical-anthropological approach. The author comes to the conclusion that the history of everyday life is a new promising direction of foreign historiography.

Keywords: sociology of everyday life; historical anthropology; history of everyday life; ethnological social history; microhistory; foreign historiography.

Introduction

The term «everyday history» came to us from Western historiography. Among the studies of European scientists, it is necessary to highlight, first of all, the works of a general theoretical nature: for example, the studies of the Austrian sociologist of everyday life Alfred Schutz (1899–1959) [1] and the German sociologist, founder of the theory of civilisations Norbert Elias (1897–1990) [2]. The formation of the sociology of everyday life caused similar changes in history. Everyday life history (Alltagsgeschichte (German); histoire de la vie quotidienne (French), dějiny každodennosti (Czech)) [3, p. 4] emerged as an independent field of study.

The first interest in material culture and the history of everyday life arose among positivist historians at the turn of the 19th and 20th centuries, when the German historian Karl Lamprecht (1856–1915) expressed the idea that the most important task of history is to study the «everyday life and social behaviour of large masses of people»¹ [4, p. 153].

The subject of the study of the history of everyday life is usually called the sphere of human routine. Its focus is on the life world of people of different social strata, their behaviour and emotional reactions to certain events [5, p. 318; 6, p. 3]. It is quite logical to consider the history of everyday life as one of the components of historical and anthropological approach, the need for which in the study of the past was identified by French Marc Bloch (1886–1944) and Lucien Febvre (1878–1956), who created the journal «Annales» in 1929, proposing to see in the reconstruction of the everyday an element of recreating history in its entirety [3, p. 4].

The purpose of the publication is to show with maximum objectivity the process of the conquest of everyday history – a new historical direction – of positions in world (mainly European) historical science in the second half of the 20th century – early 21st century, to consider the main achievements of foreign historiography in the research of German, Austrian, French, Russian, Italian researchers.

¹The translation is ours. – A. S.

Main part

In the French Annales school, issues of everyday life were studied a lot by a younger contemporary of M. Bloch and L. Febvre – Fernand Braudel (1902–1985), who understood the past as a slow alternation of periods of great duration, into which he included the everyday-household component [7; 8, p. 288; 9].

The history of everyday life received great recognition from medievalists and specialists in the history of the early modern period [10–14].

The peak of research on the history of everyday life came in the 1970–80s, when everyday life history became fashionable topic of Western (especially German-language) historiography. In Krems an der Donau (Austria), in opposition to university historical science, focused on political and factual history, the Institute for the Study of the Realities of the Late Middle Ages and Early Modern Times appeared, which became a center of attraction for young scientists from Germany, Austria and other European countries. In 1982, the International Society for the History of Material Culture and Everyday Life of the Middle Ages «Medium aevum quotidianum» and a periodical with the same name were created. Among these scientists, the history of everyday life was considered, on the one hand, as a method of understanding man, and, on the other hand, as a subject of new history, where the history of everyday life, the everyday life of the medieval nobility, the city, etc., were studied from the standpoint of historical anthropology. A special role in the study of medieval everyday life was played by Austrian professor Gerhard Jaritz, who kindly provided the author of this article with a series of periodical annual collections «Medium aevum quotidianum»².

The history of everyday life has received wide resonance in the historiographies of Germany and Italy. Since the early 1980s, a real «historical boom» has swept West Germany. «Historical workshops» have become widespread. In 1983, supporters of the history of everyday life in the Federal Republic of Germany created a professional association called the History Workshop, and in 1984 a discussion took place in Berlin about the possibilities of the history of everyday life and its limits [15, p. 117]. From that moment on, the history of everyday life essentially turned into an independent direction of historical science in the Federal Republic of Germany [16], and an interest in the «little man» appeared, which received the name «history of everyday life» [17, p. 132] or «history from below»³.

In 1985, the chairman of the Union of German Historians, professor of the University of Cologne K. Mayer, at the XVI Congress of Historical Sciences in Stuttgart,

called the study of the history of everyday life, along with the development of social history, historical anthropology and the study of mentality, one of the main achievements of the post-war historiography of West Germany [18, p. 193].

The greatest contribution to the development of the scientific history of everyday life was made by a graduate of the University of Tübingen, an employee of the Institute for the History of the Max Planck Society in Göttingen Alf Lüdtke (1943–2019). In the 1980s, under the editorship of professor A. Lüdtke, a collection «History of everyday life. Reconstruction of historical experience and way of life» was published [19; 8, p. 289]. A. Lüdtke and his associate and colleague at the institute Hans Medick (born 1939) suggested that young historians focus their research on studying the [micro]histories of individual ordinary people [20], and through them move on to studying the problems of culture and everyday life. In German historiography, this was the programme of everyday history [13; 15], which H. Medick closely linked with ethnology and called ethnological social history [6, p. 7]. The topic of everyday history was the subject of the congress of German historians held in Hanover (1992), the reports of which were published under the title «Disputes about social history, everyday history and microhistory» [21], and the conference «Everyday history and human rights» held in Minsk in 1999, organised by the German and Belarusian Commissions for UNESCO [22], in which we took part.

A number of Italian researchers also turned out to be inclined to interpret everyday history as a synonym for microhistory. Back in the 1970s, a small group of scientists led by Carlo Ginzburg united around the journal «Quaderni storici» they created and in 1980 they founded a scientific series «Microhistory». Italian historians made the private, the singular and the accidental (an individual, an event or an incident) the object of scientific research [23]. A representative of this trend, Simona Cerutti (born 1954), put forward the thesis that there are two currents in Italian microhistory – social and cultural. According to the researcher, the difference between these two approaches is that, figuratively speaking, some are interested in stomachs, while others are interested in people's heads.

In the 1990s, the German-Italian school of micro-historians expanded. It was supplemented by French (representatives of the 3rd generation of historians of the Annales School – Jacques Le Goff (1924–2014), Roger Chartier (born 1945)) and American researchers. Defining the main components of the concept «total

²Medium aevum quotidianum. 1984. № 2. 32 p.; Ibid. 1984. № 4. 79 p.; Ibid. 1986. № 7–8. 99 p.; Ibid. 1988. № 13. 59 p.; Ibid. 1988. № 15. 96 p.; Ibid. 1989. № 19. 103 p.; Ibid. 1990. № 20. 71 p.; Ibid. 1994. № 28. 73 p.; Ibid. 1994. № 30. 109 p.; Ibid. 1994. № 31. 71 p.; Ibid. 1995. № 33. 76 p.; Ibid. 1996. № 34. 114 p.; Ibid. 1998. № 38. 71 p.; Ibid. 2003. Sonderband № 13 : Images in medieval and early modern culture. 141 p.

³Кром М. М. Историческая антропология : пособие к лекц. курсу. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. 168 с.

history», J. Le Goff emphasised that it also includes material culture – technology, economics, everyday life (since people in the process of history build houses, eat, dress and generally function) [24, p. 6]. And the German researcher Hans-Jürgen Pandel divided the study of everyday history into three areas: 1) birth, sexuality, illness, death, childhood, old age; 2) nutrition, clothing, housing, work, leisure; 3) ways of survival in extreme situations [22, p. 77–78].

Then, «little by little, the most inconspicuous actors of history came onto the stage: the poor, the beggars, women and children in the ordinariness of their daily existence» [12, p. 917].

On the other hand, using the example of the Middle Ages, they began to talk more and more often about the reconstruction of the everyday life of the elite classes. In this sense, the history of everyday life is close to the history of private life, which was studied in Russia in the last years of his life by professor Yuri L. Bessmertny (1923–2000) [25; 26].

For a number of years, the study of the history of everyday life as an independent discipline was not widely disseminated in Russian and Soviet historiography. Scientific research was accompanied by a desire to understand the processes that took place in foreign science. At the same time, the works of Russian scientists of the first decades of the 20th century were rethought or rediscovered (for example, the philosopher and medieval historian Lev P. Karsavin (1882–1952)). Like his French colleague and contemporary M. Bloch, L. P. Karsavin was one of those who promoted a new approach to the study of society. To a certain extent, L. P. Karsavin is a predecessor of the direction of historical science that is often called historical anthropology. «History cannot be reduced to the growth of capital, rent, prices», wrote L. P. Karsavin in 1923. «If we do not perceive, at least vaguely, a person behind the figure, the figure is useless. <...> Let us recall the exquisite outfits of Burgundy under Charles the Bold, the wigs in the era of the Sun King, the pompous procession of the Spanish autocrat to the bedroom of his queen consort, the hairstyles of ladies at the court of Louis XVI, or the slogan of fashionistas in the era of the Directory: minimum material – maximum effect!» [27, p. 99–100]. It was in this context that he recognised the importance of studying medieval material culture and everyday life. «The material in itself, in its isolation, is not important. It is always symbolic and as such is necessary for the historian in all its materiality. It always expresses and individualises the moral state of society, its religious and aesthetic views, and its socio-economic system» [27, p. 99]. Thus,

L. P. Karsavin, back in the 1920s, raised the question of the importance of studying «material existence» and everyday life as a specific sphere of social life. A number of other historical studies of medieval everyday life also took place in the 1920s: for example, the works of professor Olga A. Dobiash-Rozhdestvenskaya (1874–1939)⁴. In the 1920s, she prepared a collection of articles «Medieval life» [28].

Until 1994, everyday life in the Middle Ages was not a priority topic in the Soviet and post-Soviet space. The history of everyday life and material culture (housing, food, clothing, etc.) was the domain of ethnography for many years. Its methods and approaches were largely adopted by modern everyday history. As professor Alexander S. Mylnikov (1929–2003) noted, «in fact, the study of everyday life is a historical-ethnographic approach, which is practiced by people from the Annales school»⁵.

In the 1980s and 1990s, the problems of the history of everyday life (material world) of the Western Middle Ages were studied to varying degrees by professor Aron Y. Gurevich (1924–2006) [29; 30] and doctor of historical sciences Adel (Alla) L. Yastrebitskaia (1932–2010)⁶. Their research showed that the Middle Ages created its own special material appearance of everyday life. In recent decades, the number of publications on the culture of everyday life has increased significantly. This is due to the desire to overcome the outdated approach, according to which everyday material is a kind of «appendix» to topics on the history of society. In this connection, the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences organised the center «Histories of Private Life and Everyday Life» under the leadership of Yu. L. Bessmertny, where the seminar «History of everyday life: unique and stereotype» was held, and the periodical almanac «Kazus» began to be published [31].

Explaining the essence of the new approach, one can recall the words of professor Michail A. Barg (1915–1991): «Its essence lies in shifting the center of gravity of historical research to the phenomenon of human life in its everyday life, in all its manifestations and connections» [32, p. 25].

There is an opinion in science that the history of everyday life is almost ethnology. However, unlike ethnography, the history of everyday life, as noted by the German researcher H. Medick, «pursues the goal not of examining trifles, but of examining them in detail» [20, p. 202], since it puts in first place not so much the description of a material object, but rather the consideration of people's attitudes towards it and the contradictions that its existence may entail.

⁴Смирнова Е. Д., Сушкевич Л. П., Федосик В. А. Средневековый мир в терминах, именах и названиях : словарь-справочник / под науч. ред. В. А. Федосика, Е. Д. Смирновой ; сост. Е. Д. Смирнова. 2-е изд., испр. Минск : Беларусь, 2001. 383 с.

⁵Письмо А. С. Мыльникова (из личного архива Е. Д. Смирновой, 04.02.2001).

⁶Ястребицкая А. Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке : учеб. пособие. Москва : Интерпракс, 1995. 416 с.

Conclusions

Everyday life of the past as a genre of historiography began to be seriously considered in the second half of the 20th century. The history of everyday life is one of the main achievements of post-war historiography. This is a new direction in historiography and a new approach, the essence of which lies in shifting the center of gravity of scientific research to man in his everyday life. History

is not politics thrown into the past; history is mainly everyday life thrown into this very past. The history of everyday life can be interpreted as a mini-history. But this does not mean at all that it is addition to «serious» history. The multidimensionality of history lies in the fact that the historical process consists of many streams. The history of everyday life, in our opinion, is one of them.

References

1. Шюц А. Структура повседневного мышления. Руткевич ЕД, переводчик. *Социологические исследования*. 1988;2: 129–137.
2. Элиас Н. *Придворное общество: исследование по социологии короля и придворной аристократии*. Кухтенкова АП, переводчик. Москва: Языки славянской культуры; 2002. 368 с.
3. Смирнова ЕД. *Повседневность Средневековья = Medium aevum quotidianum*. Минск: Издательский центр БГУ; 2010. 152 с.
4. Гутнова ЕВ. *Историография истории Средних веков*. Москва: Высшая школа; 1985. 480 с.
5. Козлова НН. Повседневность. В: Малахов ВС, Филатов ВП, составители. *Современная западная философия*. Москва: ТОН – Остожье; 1998. с. 318–319.
6. Пушкарева НЛ. Предмет и методы изучения «истории повседневности». *Этнографическое обозрение*. 2004;5:3–19. EDN: OHTAQR.
7. Бродель Ф. *Структуры повседневности: возможное и невозможное*. Куббель ЛЕ, переводчик. Москва: Прогресс; 1986. 623 с. (Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.; том 1).
8. Смирнова ЕД. Повседневная история средневековья и методы ее исследования. В: Нечухрин АН, редактор. *Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2012. с. 287–293.
9. Ястребицкая АЛ. 2004.01.008. Агирре Рохас К.-А. Фернан Бродель и современные социальные науки. Aguirre Rojas C.-A. Fernand Braudel und die modernen Sozialwissenschaften. Leipzig, 2002. 215 p. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5, История*. 2004;1:40–43. EDN: FMEQVT.
10. Jaritz G. Geschichte des Alltags im Mittelalter – eine Herausforderung zur komparativen Forschung. *Medium aevum quotidianum*. 1998;38:10–19.
11. Piponnier F. L'histoire de la vie quotidienne au Moyen Âge. *Medium aevum quotidianum*. 1998;38:8–9.
12. Piponnier F. Quotidien. In: Le Goff J, Schmitt J-Cl. *Dictionnaire raisonné de L'Occident medieval*. Paris: Fayard; 1999. p. 917–933.
13. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии. В: Андерсон КМ, Бородин ЛН, редакторы. *Социальная история. Ежегодник, 1998/99*. Москва: РОССПЭН; 1999. с. 77–100.
14. Яриц Г. Спасение души, материальная культура и повседневная жизнь в позднесредневековой Австрии. В: Дубровский ИВ, Оболенская СВ, Парамонова МЮ, составители. *Другие средние века: к 75-летию А. Я. Гуревича*. Москва: Университетская книга; 1999. с. 411–420.
15. Людтке А. «История повседневности» в Германии после 1989 года. Лучицкой СИ, переводчик. В: Бессмертный ЮЛ, Бойцов МА, редакторы. *Казус: индивидуальное и уникальное в истории*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 1999. с. 117–126. Совместно с Российской академией наук и Институтом всеобщей истории.
16. van Dülmen R. *Historická antropologie. Vývoj. Problémy. Úkoly*. Praha: Dokořán; 2002. 117 s.
17. Смирнова ЕД. Основные направления историографии зарубежного Средневековья и повседневная история. В: Нечухрин АН, редактор. *Смена парадигм в историографии всеобщей истории в Республике Беларусь и Российской Федерации*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2013. с. 130–134.
18. Оболенская СВ. «История повседневности» в историографии ФРГ. В: Гуревич АЯ, редактор. *Одиссей. Человек в истории, 1990*. Москва: Наука; 1990. с. 182–198.
19. Lüdtke A, Herausgeber. *Alltagsgeschichte: zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen*. Frankfurt am Main: Campus Verlag; 1989. 348 p.
20. Медик Х. Микроистория. *THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем*. 1994; 2(4):193–202.
21. Schulze W, Herausgeber. *Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 1994. 82 p.
22. Пандель Г-Ю. Повседневная история как новый жанр историографии. В: Садоўскі П, Тэлюс М, укладальнікі. *Гісторыя і штодзённасці і права чалавека. Матэрыялы міжнароднай канферэнцыі; 1–5 снежня 1999 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Тэхналогія; 2000. с. 73–87.
23. Levi G. On micro-history. In: Burke P. *New perspectives on historical writing*. State College: Pennsylvania State University Press; 1992. p. 95–98.
24. Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада*. Бессмертный ЮЛ и др., переводчики; Бессмертный ЮЛ, редактор. Москва: Прогресс; 1992. 373 с. Совместно с издательством «Прогресс-Академия».
25. Бессмертный ЮЛ, редактор. *Частная жизнь. Человек в кругу семьи: очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 1996. 376 с.

26. Бессмертный ЮЛ, редактор. *Частная жизнь. Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2000. 582 с.
27. Карсавин ЛП. *Философия истории* [Интернет]. Берлин: [б. и.]; 1923 [процитировано 17 сентября 2024 г.]. 270 с. Доступно по: <https://predanie.ru/book/72514-filosofiya-istorii/>.
28. Добиаш-Рождественская ОА, Хоментовская АИ, Федотов ГП. *Средневековый быт*. Ленинград: Время; 1926. 279 с.
29. Гуревич АЯ. Многозначная повседневность средневекового человека. *Искусство кино*. 1990;6:109–112.
30. Гуревич АЯ. *Избранные труды. Средневековый мир*. Москва: Университетская книга; 1999. 560 с.
31. Бессмертный ЮЛ, Бойцов МА, редакторы. *Казус: индивидуальное и уникальное в истории*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 1997. 331 с.
32. Барг ММ. О категории «цивилизация». *Новая и новейшая история*. 1990;5:25–30.

Received 02.10.2024 / accepted 04.10.2024.

ЭТНОЛОГИЯ

ЭТНАЛОГІЯ

ETHNOLOGY

УДК 316.022, 392.7

СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВ «СВОЙ» И «ДРУГОЙ» У МОЛДАВАН БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Е. Н. КВИЛИНKOVA¹⁾

¹⁾Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы
НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Анализируются авто- и гетеростереотипы молдаван Беларуси сквозь призму межэтнического взаимодействия и интеграции в белорусское социокультурное пространство. Данная проблема изучается в рамках кросс-культурного исследования, основанного на результатах этносоциологического опроса, проведенного автором в 2020–2023 гг. среди молдаван Беларуси. В ходе исследования был использован метод глубинного интервью, благодаря которому стало возможным показать нюансы восприятия молдаванами иных этнических норм, традиций и моделей поведения, оценить степень их интеграции в белорусское социокультурное пространство. Собранный в ходе опроса полевой материал впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: молдаване Беларуси; автостереотипы; гетеростереотипы; национальный характер; межэтническое взаимодействие; интеграция.

Образец цитирования:

Квилинкова ЕН. Содержание образов «свой» и «другой» у молдаван Беларуси в контексте межэтнического общения. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;1:60–70.
EDN: IDLLCB

For citation:

Kvilinkova EN. The content of the images «our own» and «other» in the context of inter-ethnic communication. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;1:60–70. Russian.
EDN: IDLLCB

Автор:

Елизавета Николаевна Квилинкова – доктор исторических наук, доцент; ведущий научный сотрудник.

Author:

Elizaveta N. Kvilinkova, doctor of science (history), docent; leading researcher.
cvilincova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7168-8506>

ЗМЕСТ ВЫРАЗАЎ «СВОЙ» І «ІНШЫ» Ў МАЛДАВАН БЕЛАРУСІ Ў КАНТЭКСТЕ МІЖЭТНІЧНЫХ ЗНОСІН

Е. М. КВІЛІНKOBA^{1*}

^{1*}Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы
НАН Беларусі, вул. Сурганава, 1, корп. 2, 220072, г. Мінск, Беларусь

Анотацыя. Аналізуюцца аўта- і гетэрастэрэатыпы малдаван Беларусі скрозь прызму міжэтнічнага ўзаемадзеяння і інтэграцыі ў беларускую сацыякультурную прастору. Дадзеная праблема вывучаецца ў рамках крос-культурнага даследавання, што грунтуецца на выніках этнасацыялагічнага апытання, праведзенага аўтарам у 2020–2023 гг. сярод малдаван Беларусі. У ходзе даследавання быў выкарыстаны метада глыбіннага інтэрв'ю, дзякуючы якому стала магчымым паказаць нюансы ўспрымання малдаванамі іншых этнічных норм, традыцый і мадэлей паводзін, ацаніць ступень іх інтэграцыі ў беларускую сацыякультурную прастору. Сабраны ў ходзе апытання палявы матэрыял упершыню ўводзіцца ў навуковае абарачэнне.

Ключавыя словы: малдаване Беларусі; аўтастэрэатыпы; гетэрастэрэатыпы; нацыянальны характар; міжэтнічнае ўзаемадзеянне; інтэграцыя.

THE CONTENT OF THE IMAGES «OUR OWN» AND «OTHER» IN THE CONTEXT OF INTER-ETHNIC COMMUNICATION

E. N. KVILINKOVA^a

^aInstitute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kandrat Krapiva,
National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Abstract. The article is devoted to the analysis of auto- and heterostereotypes of Moldavans in Belarus through the prism of inter-ethnic interaction and integration into the Belarusian sociocultural space. The study of this problem was carried out by the author within the framework of cross-cultural research. It is based on the results of an ethnosociological survey conducted by the author in 2020–2023 among Moldavans in Belarus. During the study, the in-depth interview method was used. The advantage of this method is noted, thanks to which it became possible to show the nuances of Moldavans' perception of foreign ethnic norms, traditions and behaviour patterns, and to assess the degree of their integration into the Belarusian sociocultural space. The field material collected during the survey is introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Moldavans of Belarus; autostereotypes; heterostereotypes; national character; inter-ethnic interaction; integration.

Введение

Адаптация представителей этнических общностей в социокультурном пространстве страны проживания и интеграция в него обусловлены рядом социальных факторов, этнонациональной политикой государства и другими обстоятельствами. Однако успешность данного процесса во многом зависит от традиции взаимодействия этнического большинства с национальными меньшинствами. Гармоничная межэтническая и межкультурная коммуникация требует понимания чужих стереотипов, отраженных в этнических традициях, обычаях, этикете, форме общения и т. д. В них представлены установленные в этносообществе модели поведения, жизненно значимые ценности, форма межэтнических контактов и др.

Этнические стереотипы формируются на основе прописанных в обществе и закрепленных через культурные символы системы ценностей и модели поведения. Выявление этнических стереотипов становится актуальным в связи с изучением значи-

мости факторов, влияющих на формирование этнокультурной идентичности и национального сознания, а также в связи с решением вопроса об оценке состояния межэтнических процессов и характера межэтнического взаимодействия.

Если говорить в целом, то изменения, происходящие в этнической и социальной структуре государства, оказывают влияние как на существование межэтнических отношений, так и на формирование этнических стереотипов. В процессе межличностной коммуникации представителей различных национальностей не только происходит межкультурный обмен, но и актуализируется этническое самосознание, выявляется формат близости или дальности культурной дистанции, что, в свою очередь, оказывает влияние на выбор критериев выделения тех или иных особенностей этноса, а также на возникновение таких чувств, как симпатия и антипатия. Сами по себе этнические стереотипы формируются

на основе субъективных и нередко даже пристрастных представлений об этносе и присущих его представителям чертах характера, которые появились в процессе как непосредственного взаимодействия с ним, так и анализа полученных знаний о нем, его истории и культуре.

Важными компонентами этнических стереотипов, по мнению исследователей, являются национальный характер, ценностные ориентиры, а также характерные черты внешнего облика. Под понятием «национальный характер» мы понимаем «совокупность наиболее устойчивых психологических качеств, сформированных у представителей нации в определенных природных, исторических, экономических и социально-культурных условиях ее развития» [1, с. 41].

Беларусь – полиэтническая и поликонфессиональная страна, где живут представители свыше 150 национальностей, а также 20 конфессий и религиозных направлений. При взаимодействии представителей этнических общностей с мажоритарным этносом и их интеграции в белорусское социокультурное пространство идет процесс адаптации к культуре и традициям этнического большинства, а также к принятым в местном сообществе стереотипно-поведенческим установкам и т. д.

В полиэтнической палитре Республики Беларусь молдаване занимают 11-е место, но до настоящего времени они являются одной из наименее изученных этнических общностей. По принятой в этнологии классификации молдаване Беларуси относятся к новому типу диаспор. Молдавская диаспора относительно немногочисленна, для нее характерно дисперсное расселение. История ее жизнедеятельности в Беларуси насчитывает 100 лет [2]. Началом формирования диаспоры условно можно считать 1920-е гг. Наибольшая численность молдаван (4964 человека) в Беларуси¹ была зафиксирована в 1980-е гг. – период межреспубликанской миграции. После распада Советского Союза в Беларусь мигрировали более 2 тыс. молдаван. Основная часть переселенцев этого периода сохраняют молдавское гражданство: в 2019 г. число граждан Молдовы, постоянно живущих в Беларуси с видом на жительство, составляло 2095 человек².

Целью данной статьи является изучение авто- и гетеростереотипов молдаван Беларуси через призму межэтнического взаимодействия и интеграции в белорусское социокультурное пространство.

Задача исследования – выявление черт, которыми молдаване Беларуси наделяют представителей своего этноса (автостереотипы) и представителей мажоритарного этноса – белорусов (гетеростереотипы). При возникновении представлений о другом эт-

носе большое значение имеют ряд факторов: характер межэтнического взаимодействия, степень интеграции и включенности в местную среду, родственные связи, культурная дистанция и др. Принимая во внимание значимость таких факторов, как длительность проживания в Беларуси и доля межэтнических браков, автор предпринял попытку выявить особенности гетеростереотипа, т. е. восприятия белорусов молдаванами – переселенцами первой и второй волн (советского и постсоветского периодов).

Следует отметить, что вопросы взаимодействия представителей молдавской диаспоры Беларуси с коренным этносом, присущие молдаванам стереотипно-поведенческие установки, авто- и гетеростереотипы до настоящего времени не являлись объектом изучения. О новизне исследования свидетельствует не только заявленная в данной статье проблематика, но и сам объект в целом (молдаване Беларуси). Данная этническая группа оставалась совершенно неизученной не только в белорусской, но и в молдавской этнологии. В 2020 г. автором был начат сбор полевого материала, результатом работы с которым стали первые публикации, т. е. изучение началось с нуля. До этого момента не было ни одной научной или научно-популярной публикации о молдавской диаспоре Беларуси. В 2021–2024 гг. автором было написано несколько статей, посвященных вопросам важности для молдаван Беларуси этнической и гражданской идентичностей, понятию «Родина», рассматриваемому через призму адаптации, национальной кухни молдаван Беларуси как маркеру этнической идентичности, причинам переселения молдаван и динамике их численности.

Изучение заявленной в данной статье проблемы осуществляется в рамках кросс-культурного исследования и основывается на результатах этносоциологического опроса, проведенного в 2020–2024 гг. среди молдаван, проживающих в Минске, Минской области, областных и районных центрах Беларуси. Всего было опрошено 62 респондента, среди которых – 52 представителя молдаван-переселенцев (как первой, так и второй волны) и 10 представителей иных национальностей.

Для выявления авто- и гетеростереотипов был использован метод глубинного интервью, поскольку обычные статистические данные, получаемые путем анкетирования, не позволяют определить различные аспекты этой проблемы и рассмотреть ее во всей полноте. Преимущество такого метода заключается в том, что он дает возможность провести не количественное, а качественное исследование, расширить угол зрения, показать нюансы восприятия молдаванами иноэтнических норм, традиций и моделей

¹Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=3 (дата обращения: 02.10.2023).

²Национальный состав населения. Гражданство. 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://census.belstat.gov.by/saiku/?guest=true&lang=ru&default_view_state=edit#query/open/public/F508N_ru.saiku (дата обращения: 02.10.2023).

поведения, оценить степень их интеграции в белорусское социокультурное пространство. В соответствии с данной методикой в исследовании приводятся фрагменты из записанных автором интервью, что позволило показать выявленную тенденцию из-

нутри, почувствовать дух и передать характер межэтнического взаимодействия сквозь призму восприятия респондентов. В настоящей статье материалы полевых исследований вводятся в научный оборот впервые³.

Основная часть

Для выявления авто- и гетеростереотипов мы предлагали респондентам назвать основные черты характера, которые, по их мнению, наиболее свойственны молдаванам, и черты, которые свойственны белорусам. Прежде всего отметим, что за пределами Родины молдаване с гордостью говорят о своей национальности. Чувства, испытываемые ими от осознания принадлежности к этнической общности, можно квалифицировать как позитивное и благожелательное отношение к своему этносу (народу). При анализе выделенных респондентами черт национального характера, присущих белорусам, важно учитывать не только длительность проживания молдаван в Беларуси, но и специфику браков переселенцев того или иного периода. Так, среди молдаван – переселенцев первой волны преобладают смешанные браки, в то время как у молдаван – переселенцев второй волны доминируют мононациональные браки.

В отношении гетеростереотипа вполне определенно чувствуется, что в ответах более искренними были представители поколения респондентов молодого и среднего возрастов. Многие молдаване старшего возраста, живущие в Беларуси более 30–40 лет, отмечали лишь черты, характерные для обоих этносов (трудолюбие, гостеприимство, радушие и др.), говоря о том, что они не видят никаких различий между молдаванами и белорусами. Такие ответы можно рассматривать как результат длительных близких контактов и полной интеграции респондентов в социокультурное пространство Беларуси. Несомненно, тесное взаимодействие объединяет народы, живущие в одном социокультурном пространстве, но их основные этноотличительные черты не стираются. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод, что молдаване – переселенцы первой волны демонстрировали большую осторожность и сдержанность в ответах.

Молдаване – гостеприимные. Когда диаспорой проводим наши праздники, все знают, что к молдаванам можно подойти: мы всегда накрываем столы, угощаем вином. Ну и белорусы гостеприимные. Поэтому и нужно вместе держаться и впредь. Я особой разницы между белорусами и молдаванами не вижу (С. З. З., г. Минск)⁴.

В чертах характера между белорусами и молдаванами нет никакой разницы. Что молдаване веселый, трудолюбивый и гостеприимный народ, что белорусы. Что среди молдаван есть хорошие и добрые люди, что среди белорусов. Я не нашла разницы (К. М. С., г. Минск).

Молдаване – они же все поют и все танцуют, и белорусы тоже. Но в Молдавии люди горячие. Насчет того, что еще отличает молдаван от белорусов, ничего не могу сказать. Отличия, конечно, есть, но что, точно сказать не могу. Когда я начинала здесь жить, то сравнивала. Хотя в каждом народе разные люди есть (К. Т. В., Петриковский район, Гомельская область).

Мне кажется, и молдаванки, и белоруски мало чем отличаются по характеру. И те и другие женщины хозяйственные (Н. К. А., г. Кобрин, Брестская область).

В характерах большой разницы я не заметил (Ф. Н. А., г. Минск).

Как видно из ответов, данная группа респондентов связывает вероятные различия не с этническими, а скорее с индивидуальными особенностями человека. По их мнению, коммуникацию всегда затрудняют личные отношения и конкретный человек, его

индивидуальные черты характера. В качестве незначительных различий между молдаванами и белорусами некоторые респонденты старшей возрастной группы отметили темперамент, национальную кухню и напитки.

По характеру молдаване от белорусов практически не отличаются. <...> Молдаване, может быть, более шустрые, более эмоциональные. Большой разницы нет (К. П. А., г. Минск).

По характеру белорусы и молдаване не отличаются. И те и другие трудолюбивые, дружелюбные, миролюбивые. <...> И в Молдавии то же самое. Все отличия на кухне (Т. Л. Н., Дзержинский район, Минская область).

³Учитывая тематику настоящего исследования и научную этику, данные респондентов приводятся в статье в сокращенном виде: указываются инициалы (иногда неполные) и место проживания. Полные тексты интервью и полные данные информантов содержатся в материалах полевых исследований, которые сданы в архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы НАН Беларуси (Ф. 5. Оп. 14. Д. 322–388).

⁴Фрагменты интервью приводятся с сохранением особенностей оригинала. – Е. К.

Мысль, высказанная данным респондентом, является научно обоснованной. Очевидно, что система питания, которая во многом определяется особенностями хозяйственной деятельности и климата, выступает одним из факторов, влияющих на формирование свойственных этносу черт. Кроме того, по мнению части опрошенных, на формирование мен-

талитета и национального характера белорусов оказали воздействие войны, прошедшие на территории Беларуси. По этой причине в качестве характерных для белорусов этноотличительных черт респонденты назвали миролюбие и сострадательность, сформировавшиеся у них под влиянием исторических условий.

Я Беларусь хорошо знаю. Здесь исторически народ прошел через многие страдания. Через эти территории проходило много войн. Все страдания на них. Здесь люди совсем другого склада. У нас там, в Молдавии, у людей другой склад, так как там не было геноцида. <...> Здесь более страдальный народ, он больше пострадал. Он пострадал за человечество. Здесь нет ни одного дома, где бы не было горя, где бы кого-то не убили, не сожгли. Это очень сказалось на их менталитете. Белорусы – люди очень миролюбивые и очень трудолюбивые (Ш. Г. Ф., г. Гомель).

Одним из респондентов даже была высказана мысль о том, что белорусы должны жить лучше, чем россияне, молдаване, грузины и другие народы, потому что они перенесли столько, сколько ни один народ не перенес (П., г. Минск). Несомненно, этнокультурная и религиозная среда, а также исторические условия, в которых протекает жизнедеятельность этноса, во многом формируют у народа традиционные установки и черты национального характера.

По мнению основной части респондентов молодого и среднего возрастов (переселенцев второй волны), а также некоторых представителей старшего поколения, молдаване по характеру очень отличаются от белорусов, но при этом опрошенные почти всегда добавляли, что «людей и там и там всяких хватает».

Анализ ответов респондентов о присущих молдаванам национальных чертах показал, что в пер-

вую очередь они выделяют у представителей своего этноса такие качества, как трудолюбие, открытость, гостеприимство и предприимчивость. Эмоциональность, которую первое поколение молдаван-переселенцев отмечают у себя как положительную черту, иногда воспринимается представителями второго поколения (идентифицирующими себя как белорусы с молдавскими корнями) с некоторой негативной коннотацией, поскольку молдаване более эмоциональные, вспыльчивые, а белорусы более спокойные. Ряд характеристик, например, таких как заводные, более энергичные и предприимчивые, респонденты относили и к представителям других народов, живущих в Молдове. Очевидно, что природное и социокультурное пространства влияют на образ жизни, традиции, привычки, ментальность живущего там населения независимо от этнической принадлежности.

Если говорить о характере молдаван, то они быстро заводятся. Особенно это видно на праздниках, свадьбах, крестинах. Молдаване – южный народ, они более энергичные. Хотя Молдова – многонациональная страна... (С. В. М., Дзержинский район, Минская область).

Иноэтничные респонденты из молдавской диаспоры – уроженцы Молдовы тоже подчеркивали,

что у всех народов, живущих в этой стране, много общего.

Мне сложно отделить молдаван от гагаузов, потому что они похожи. Например, наши наши – молдаване, и они по поведению и действиям похожи с гагаузами. У них есть общее. По характеру я бы не сказала, что они так сильно отличаются (И. Я. М., г. Минск).

Я отношусь нормально и к молдаванам, и к болгарам. <...> У нас много общего. Но если сравнивать молдаван с болгарами, то они не одинаковые. Молдаване – мягче, спокойнее... (И. В. В., г. Минск).

Некоторые опрошенные, главным образом переселенцы второй волны, отметили, что молдаване и белорусы отличаются по менталитету. Они имели в виду некоторые различия в модели поведения и форме общения. В связи с этим обстоятельством считаем нужным уточнить, что приведенные в данной работе сравнительные характеристики относятся к белорусам Беларуси, так как белорусы, жи-

вущие в Молдове, частично впитали особенности этого социокультурного пространства (и менталитета), повлиявшие определенным образом на некоторые черты их характера [3, с. 61].

Так, немало респондентов-молдаван в качестве отличий между ними и белорусами отметили разность культуры общения, традиций гостеприимства, степени открытости и др.

Молдаване и белорусы отличаются – это разные народы и по менталитету. Что их отличает – трудно сказать: другой менталитет, другие взгляды на жизнь. Они отличаются в гостеприимности. Я вот живу в данной деревне и не могу пойти в гости так, с пустыми руками. <...> А в Молдавии (независимо от того, есть у меня с собой бутылка или нет) я могу зайти

домой к любому, кто меня знает, кого я знаю. Меня там угостят, накормят... Это уже различие. А здесь, если я с человеком не родич, не кум, то как я пойду с пустыми руками. У них менталитет другой, характер другой, обращения другие. Молдаване – более открытые. А здесь если он тебя хорошо не знает, если не кум, не сват, то они замкнутые (Т. Р., Могилёвская область).

Разница между молдаванами и белорусами проявляется в гостеприимстве. Молдаване – более добрые. Ну, о белорусах говорить не будем. И молдаване разные есть. Молдаване больше чтут свои молдавские традиции и хотят тут это показать. Все белорусы вспоминают и хорошо отзываются о молдаванах, с которыми они служили. У них теплые воспоминания о том, когда они со студенческими отрядами туда приезжали (в Молдову. – Е. К.). Они говорят, что, как только туда приехали, их в гости пригласил совсем чужой человек, налил вина, свежего хлеба нарезал и угостил (Б., Брестская область).

По мнению одного из респондентов, нахождение в общем советском пространстве наложило отпечаток на менталитет разных народов, входивших в СССР. Но все же разница между молдаванами и бе-

лорусами прослеживается. Она проявляется в области этикета, а также в большей дистанцированности белорусов при общении, которая нередко воспринимается как холодность.

Мы все из Советского Союза, но некоторые различия есть, совсем немного. Белорусы тоже гостеприимные, но у молдаван по-другому: позвонишь нам в дверь, не предупреждая, и мы сразу накроем стол, и мы рады. С белорусами нужно по-другому, нужно заранее предупредить. Это большой город, и образ жизни другой. А так большой разницы я не вижу. Они такие же добрые, очень добродушные люди, мне они очень импонируют. Белорусы более холодные и не очень к себе подпускают, а молдаване более радушные, душа нараспашку, и они всех пускают в свою душу, в свой дом, в свой мир (М., г. Минск).

Разница характеров между молдаванами и белорусами, конечно, есть. Основное, наверное, что молдаване более гостеприимные, открытые, а белорусы в принципе тоже такие, но они поначалу присматриваются, не сразу раскрывают объятия, и ты в этих объятиях тонешь... (С. М., г. Минск).

Говоря о белорусском влиянии на молдаван, один из респондентов-молдаван (С. В. В., г. Минск), наблюдавший за диаспорой и изнутри, и со стороны, отметил, что живущие здесь соотечественники приобретают какие-то характерные для белорусов привычки, черты характера. Особенно эта тенденция заметна среди молдаван, которые долго здесь живут. Однако они остаются молдаванами, что особенно проявляется, когда эти люди находятся в своем кругу.

Данные проведенного нами опроса показывают, что почти все респонденты в той или иной форме отмечали свойственные молдаванам большую открытость и коммуникабельность. Вместе с тем из содержания высказываний части респондентов следует,

что в результате произошедших в последние десятилетия трансформаций некоторые присущие этносам черты, прежде воспринимавшиеся как национальные, изменились. Это утверждение в равной степени касается всех народов, не только молдаван и белорусов. В первую очередь речь идет о гендерных отношениях, роли мужчины и женщины в семье, традициях гостеприимства и других значимых ценностях. Очевидно, что глобализационные и миграционные процессы, а также сложные социально-экономические условия, в которых находится значительная часть населения многих стран, оказали большое влияние на образ жизни людей, в том числе на сохранение ими народных традиций.

Наши молдаване более эмоциональные, вспыльчивые... Белорусы тоже с характером, но они более мягкие. Хочу сказать, что теперь наши молдаване тоже изменились, их жены изменили. Где вы раньше видели, чтобы жена оставляла мужа дома, а сама уезжала на заработки. И ему приходится смотреть за детьми и хозяйством (Х., Минская область).

Люди поменялись и там и здесь (Л., г. Минск).

Разочарование Молдовой связано именно с постепенной утратой молдаванами открытости, гостеприимства и взаимовыручки. О том, что после распада Советского Союза произошли заметные

изменения в менталитете людей всех республик, говорили многие респонденты. Одни респонденты связывают эту ситуацию с влиянием западного образа жизни, другие – с обеднением населения.

Там (в Молдове. – Е. К.) народ меняется. Может, это не везде, но в данной местности, где мы жили, многое изменилось. Уже в народе появляется эгоизм. Люди закрываются, они ездят в Европу, они увидели другую жизнь, другие народы. И теперь они не те, что были раньше. Раньше люди были

приветливее, дружелюбнее, все было как-то по-другому. После развала Союза люди начали меняться. Ну и тут и везде меняются – в зависимости от местности (Т. Р., Могилёвская область).

Когда едем к мужу в деревню, не поверите, мы накрываем там столы. Но в последнее время и в Молдове то же самое. Раньше, когда мы приезжали туда, все нас приглашали. Мы не знали, к кому вначале в гости пойти – к тете Вале или к дяде Симе. А потом уже больше предпочитали приходить в гости к нам. Когда мы приезжали, то каждый день гости к нам приходили. Люди обеднели. И там нас уже называли белорусаами (В., г. Минск).

Происходящие в мире трансформации затронули все этносы. Тем не менее базовые традиционные жизненные ценности, передававшиеся из поколения в поколение, сохраняют значимость у молдаван и в современный период. К таким ценностям относятся поддержание теплых отношений внутри семьи, почитание родителей, сохранение родственных связей, в которых особую роль играет кумовство, и гостеприимство, что подтверждается данными проведенного нами опроса.

Некоторые молдаване отмечали, что в определенной степени они ощущают на себе влияние белорусского пространства (культура, общение, язык, система питания и др.). Оно проявляется не только в принятии ими правил коммуникации, свойственных местному населению, что рассматривается как составная часть процесса адаптации, но и в снижении предпринимательской активности, которое оценивается отрицательно.

За счет плотности населения в Молдавии у нас все предприимчивые. Молдаване и гагаузы – это юг Молдовы, они более активные, не сидят на месте, а белорусы – люди неплохие, но они медленные, заторможенные. Иногда и я здесь уже становлюсь не такой активный, потому что затягивает. Может быть, я просто постарел, но уже нет того энтузиазма, который был раньше. Я стал более ленивый. Меня все устраивает. Притормозился немного. Стал как белорус (Б., г. Гомель).

Для выделения особенностей национального характера, присущих молдаванам и белорусам, приведем мнения представителей второго поколения молдаван Беларуси, выросших как в смешанных молдавско-белорусских семьях, так и в моноэтнических молдавских семьях. Они в большей степени ощущают и идентифицируют себя как белорусы, поскольку росли и давно живут в белорусском пространстве. При этом такие люди длительное время поддержи-

вают тесные связи с молдавскими родственниками и ездят на родину. Они, как нам показалось, довольно точно обозначили основные характерные черты (как положительные, так и отрицательные), присущие обоим народам. Нередко эти характеристики строятся на противопоставлении. Добавим, что многие данные черты выделяют и другие респонденты (живущие в Беларуси молдаване и живущие в Молдове белорусы).

Там, в Молдавии, ощущается уже другой менталитет. К этим людям (в Беларуси. – Е. К.) ты больше привык, больше их чувствуешь и понимаешь. <...> Я так понимаю, что мне уже близка Беларусь. Я уже изменился как личность – обелорусился. <...> Молдавский менталитет отличается образом мышления, отношение к жизни у них другое. Белорус – спокойнее, а молдаванин – более энергичен. Молдаване более вспыльчивые, а белорусы спокойнее. Ну, на это, конечно же, влияет климат. В работе молдаване шустрее, быстрее, а белорусы более «павольныя», степенные. Потом белорус дальновиднее в чем-то, а молдаванин в каком-то кратком моменте видит определенную выгоду. Эта разница замечается. Возможно, все зависит от масштабов страны. <...> Те, кого я знаю из молдавской диаспоры, все разные, но есть и молдавский колорит, который не спутаешь. Словами сложно передать. У молдаван образ жизни, образ настроения, он всегда на подъеме... (С. Д., г. Минск).

К положительным качествам молдаван респонденты отнесли стремление к взаимопомощи, умение прощать, поддержание тесных родственных и межсо-

седских отношений. Эти характеристики, по мнению опрошенных, свойственны белорусам в меньшей степени.

Молдаване помогают друг другу, и это ярко выражено. Если что-то случилось, то люди собираются и активно помогают, даже несмотря на то, что между ними случилась какая-то бытовая ссора. Если касается помощи, то обиды оставляют в стороне, и на людей можно рассчитывать – это тепло. Это ощущение такого семейного тепла. <...> В Молдавии если родственники, то это тепло, это общение. Там и покормят, и пообщаются с тобой, и ты им чем-то поможешь. Там такая взаимосвязь, взаимопомощь. Возможно, там так потому, что люди тяжело жили и сейчас живут тяжело. Может быть, поэтому взаимопомощь и взаимосвязь присутствует. Например, когда строят дом, все приходят на помощь безвозмездно. Не знаю, как сейчас, так как у людей

разный материальный достаток, но у меня в памяти осталось правило: если строить дом, так все вместе. Потом другому тоже все вместе строят дом. А здесь такого нет, по крайней мере сейчас (С. Д., г. Минск).

Традиция взаимопомощи существовала у многих народов (*помочь, толока, меджия (меджи)* и др.), но темпы ее утраты были различными, что объясняется особенностями происходивших в каждом регионе исторических и социально-экономических процессов. Кроме того, в Беларуси, в отличие от Молдовы, существует практика строительства домов за счет государства или колхозов. В силу этого обстоятель-

ства традиция толоки у белорусов перешла в разряд изживших себя.

Что касается упоминавшейся многими молдаванами второй волны большей дистанционности белорусов при общении, то, по уточнению некоторых респондентов – белорусов с молдавскими корнями, она имеет место и в отношениях с близкими родственниками.

Белорусы различаются в зависимости от регионов. <...> Они более прохладные, и у них нет таких теплых отношений, как у молдаван. Скажу по чему я здесь еще скучал, когда мы переехали сюда, так это по теплоте. Там (в Молдове. – Е. К.) вроде и не родственники, а просто соседи, но отношение и общение теплое. Возможно, так у молдаван в селе или мои родители так дружили и были контактными. Но все соседи были в постоянном общении друг с другом, все дружили. А у белорусов не так. <...> Там (в Молдове. – Е. К.) чувствуется тепло вот этого общения с соседями, особенно с родственниками. Здесь по маминной линии есть большое количество родственников, которые живут рядом. В 1 км от нас живет мама двоюродная сестра, но я не часто с ней вижусь, наверное, один раз в год. <...> С белорусскими родственниками я вижусь реже, чем с молдавскими, хотя многие из них живут в Минске <...>. Они как-то дальше, но соотношение степени родства одинаковое – двоюродные или троюродные. Это разница менталитетов. Белорусы не то чтобы не гостеприимные, но больше общаются дистанционно. У них нет такого, чтобы собраться и быстро приехать в гости. Они какие-то самовлюбленные. Вначале это все мне резало глаза, и я не понимал, в чем дело, а потом стал относиться к этому спокойнее – не стремятся контактировать, ну и ладно. Хотя среди белорусов есть и другие, но все заключается в процентном соотношении. Если в Беларуси таких 1 %, то в Молдавии – 9 % (С. Д., г. Минск).

О бытующих у молдаван традициях взаимопомощи, тесного общения между родственниками и соседями респонденты говорили неоднократно. На вопрос об

отличиях в чертах характера молдаван от белорусов респондент с молдавскими корнями, который живет в Беларуси с детства, дал следующий ответ:

Молдаване и белорусы отличаются, и даже очень. Людей и там и там хватает всяких, но все равно. Во-первых, молдаване отличаются своей добротой и открытостью. Приедешь туда, там все набегут. <...> Когда приезжаешь туда, все дядьки и тетки идут в гости, у них душа открыта. Тут тоже добро встречается, но чтобы на каждом шагу... <...> Там я всегда встречалась с добротой и открытостью. Например, я ехала, и машина поломалась. Здесь, если я зайду в один или в другой дом, конечно, помогут. А там я зашла к кому-то в дом, и хозяин сказал: «Подожди». Они сами кого-то позвонят, и уже соберется целая стая, как я говорю, и тебе все помогут. Почему так, что это такое?! Может быть, я себе это все нарисовала, потому что для меня Молдавия так много значит... (М., Гомельская область).

Второе поколение молдаван Беларуси (белорусы с молдавскими корнями) по образу жизни, культуре, менталитету характеризует белорусов как европейскую нацию. В числе ментальных различий между молдаванами и белорусами они называют отношение к жизни, оправданность затраченных для достижения внешнего благополучия усилий, определение смысла жизни. Дело в том, что для молдаван строительство дома – это не только одна из трех основополагающих вещей, которые человек должен сделать в своей жизни. Для них дом не просто жилище и условия для жизни, а визитная карточка хозяина и семьи, его статус в обществе. Поэтому каждый хозяин стре-

мится построить большой и красивый дом, ради чего всю жизнь трудится. Нередко он большую часть жизни строит свой прекрасный дворец, а построив его, живет с семьей в маленьком тесном доме. Белорусам, как и современному поколению молдаван, непонятно, для чего его строить. Ведь иногда человек уходит из жизни, а этот дом-дворец остается никому не нужным. Бессмысленность этой установки ярко ощущается в современных условиях, когда у многих людей в Молдове дети разъехались по разным странам. Данная традиция, по словам респондентов, не характерна для белорусов, которые отличаются своей скромностью и непритязательностью в быту.

Для коренных молдаван важно показать и выпятить себя. И это заметно. Когда приезжаешь туда (в Молдову. – Е. К.), это очень видно. Культура того пространства, где ты живешь, накла-

дывает свой отпечаток и на людей. Это можно сказать и по тем коренным молдаванам, которые здесь живут. Для них важно, чтобы жилье было на уровне, чтобы была крутая машина. <...> Может, и в Беларуси много таких людей, но если сопоставить, то эта черта больше касается людей молдавского происхождения (С. Д., г. Минск).

У молдаван... если сосед построил дом в 2 этажа, то я должен построить в 4 этажа, чтобы обогнать его. В Беларуси такого нет. Здесь люди более приземленные. Я так думаю, что здесь та страшная война, которая была, их объединила, и поэтому это совсем другой народ и совсем другой менталитет. И там она была, но там как-то не так (Б., Брестская область).

Белорусы очень терпеливые к невзгодам, к каким-то жизненным ситуациям, жилищу. Вот, когда мы сюда приехали, я попал в деревню С., откуда родом моя супруга, там деревянные дома, снаружи неказистые, но внутри все... для жизни есть. Молдаване иначе. Им очень важно, чтобы внешний вид дома и хозяйство были красивыми. Молдаване придают этому большое значение (С., Минская область).

Следует отметить, что характерную для молдаван традицию строительства большого дома с каса маре, в котором не живут, стремление выделиться и показать себя не воспринимали и живущие в Молдове белорусы [3, с. 55].

Свойственная для молдавского пространства традиция соревновательности в строительстве больших домов (как и традиции приобретения престижных,

но непрактичных вещей, а также одаривания на крестинах, свадьбе, оказания помощи на похоронах и т. д.) ментально является чуждой для большинства белорусов и потому воспринимается ими как хвастовство. Эта традиция пересматривается молодым поколением живущих в Беларуси молдаван, так как в современных условиях очевидно, что она во многом изжила себя.

Да, там в Молдавии красивые дома. Там красиво строятся, но какой кровью дались эти дома. Люди вынуждены куда-то ехать, чтобы заработать денег, чтобы потом приехать и построить дома. Ты должен работать 10–20 лет. <...> Но потом денег уже не хватит на санаторий, чтобы идти и лечиться. Что толку от этого дома, все равно дети разойдутся (Б., Брестская область).

Вместе с тем один из представителей второго поколения молдаван Беларуси из моноэтнической семьи

положительно оценивает данную традицию и считает, что так выражается стремление соревноваться во всем.

Обычно, когда я даю интервью репортерам, говорю: «Я – молдаванка, и поэтому мне хочется быть всегда выше, чем все остальные, быть впереди». Если у соседа двухэтажный дом, то молдаван хочет трехэтажный дом... (Ч., Могилёвская область).

Очевидно, что такая соревновательность, основанная тем не менее на предприимчивости и трудолюбии, поддерживается в народе силой общественного мнения, которое для молдаван очень важно. Предприимчивость как национальная черта формировалась у молдаван под влиянием исторических условий и принятых у них традиционных ценностей. Для молдаван семья и лично построенный дом с виноградником и подвалом – это смысл жизни, который закреплён в народных представлениях и традиционном мировоззрении. Молдаване работают не покладая рук, не жалея ни денег, ни сил, чтобы построить большой дом, сделать в нем ремонт, а также приобрести статусные и престижные вещи, демонстрирующие их материальное благополучие и положение в обществе.

У молдаван, как и у других живущих в Молдове народов [4], принято приглашать в гости, показывать свое большое хозяйство, гордиться результатами своих трудов. Надо сказать, что и в Беларуси немало молдаван, обосновавшихся в агрогородках и районных центрах, построили себе большие двухэтажные дома, выделившись из местного населения.

Негативным последствием соревновательности, как можно судить из ответов ряда респондентов, является социальное расслоение. Добившись материального благополучия и высокого статуса в обществе, часть молдаван стремятся поддерживать отношения с соотечественниками своего уровня, забывая о старой дружбе, о чем говорили многие опрошенные.

Нужно знать молдаван, иногда их просто заносит. Если они чего-то достигают, то у них начинается звездная болезнь. Человек очень сильно меняется, и с ним тяжело общаться. Наверное, это есть у всех, но у молдаван Беларуси это есть (Б., г. Гомель).

Везде есть и плохие, и хорошие. У молдаван бывает так: если один становится богаче, чем другой, то «до свидания» – перестают общаться. Но это неправильный молдаван. И в Молдавии такое есть. <...> Истинный молдаван – это тот, который готов в любое время тебя встретить, угостить. А те, которые говорят: «Я возьму палку колбасы и приеду к тебе» – это уже не молдаван... (Д., Гомельская область).

Белорусы характеризуются многими респондентами как стабильные в межличностном общении

люди, которые не выпячивают свои материальное благополучие и статус.

Есть у меня и друзья, и знакомые, с которыми мы тесно общаемся, ходим в гости. Они – крупные белорусы, но не в том плане, что богатые. Они простые люди, богатые душой. Никогда не хвалятся, что у меня так или так. Белорусы все же добродушнее (Б., Брестская область).

Из данных проведенного опроса относительно гетеростереотипа следует, что белорусы являются терпеливыми, ровными в общении, практичными, скромными людьми и придерживаются принципа «не выделяться». Они трудолюбивые, но в большинстве своем, по мнению респондентов, не столь активные и предприимчивые, как молдаване. Зачастую белорусы не используют все возможности, в том числе для дополнительного заработка, а довольствуются имеющимся. Когда дело касается работы, такие каче-

ства характера, как спокойствие и медлительность, в большей или меньшей степени свойственные белорусам, молдаване рассматривают скорее как недостаток.

В то же время молдаване второго поколения, родившиеся и выросшие в Беларуси, такие качества, как чрезмерная активность и предприимчивость, оценивают уже далеко не столь однозначно. Оптимальным для них представляется сочетание черт характера молдаван и белорусов.

Может быть, у молдаван и больше предприимчивой жилки, но с другой стороны, возможно, они где-то излишне рискуют, где-то какой-то у них авантюризм в попытках получить все и сразу. Наверное, должны быть какие-то сдерживающие факторы, чтобы не в омут с головой, но где-то и подумать немного (Ч., г. Кобрин, Брестская область).

Трудолюбие белорусов не подвергается молдаванами сомнению, тем не менее в зависимости от этноса данное понятие тоже наделяется дополнительным

смыслом. Интересно объяснение одним из респондентов различий в такой черте характера, как трудолюбие, свойственной и для молдаван, и для белорусов.

Здесь (в Беларуси. – Е. К.) люди очень трудолюбивые. <...> Молдаване наши очень трудолюбивые. Если бы им предоставлялись такие же возможности, как здесь, то они бы «все перевернули». Не то чтобы молдаване более трудолюбивые, но они более приближены к земле и больше к ней тянутся. В Белоруссии люди к земле не очень тянутся, потому что в советский период здесь сильно были развиты промышленность, машиностроение и прочее, и здесь людям особо не разрешали что-то производить в сельском хозяйстве и продавать. Соответственно, они просто отвыкли от этого. <...> Для молдаван характерен труд. Это самое большое, что нам Родина дала. Мы с детства крутились и привыкали к труду на земле. Мы знаем землю – это наше. Это наше достоинство. Мы были «прилеплены» к этой земле, потому что у нас не было столько промышленности. <...> Молдавия – сельскохозяйственная страна. А здесь, в Белоруссии, много промышленности. Кроме того, в нашем регионе очень рискованное сельское хозяйство. Здесь и песчаные земли, и болота. <...> Но и на них выращивают продукцию. Уже научились, и технологии делают свое (Ш., г. Гомель).

Следующий респондент с молдавско-белорусскими корнями считает, что трудолюбие и гостеприим-

ство свойственны и белорусам, но у молдаван они более развиты.

Выскажу чисто свое мнение. Молдаване очень трудолюбивые, даже чересчур. Они постоянно трудятся. А у белорусов все как-то спокойнее. Есть и есть – живем красиво. Сколько мне приходилось сталкиваться с молдаванами и за пределами Молдавии, они очень трудолюбивые. Постоянно вкалывают, чтобы какую-то копейку заработать. Это ярко выражается при сравнении белорусов с молдаванами. Сколько я ни встречал в своей жизни и молдаван, и белорусов, у меня сложилось такое мнение. Мне кажется, что у молдаван более развито гостеприимство, чем у белорусов. Я не хочу сказать, что белорусы не гостеприимные. Это далеко не так, но все-таки разница есть. Наверное, у них разная степень гостеприимства. У каждого народа свои ценности, у одного одно больше, у другого – другое (С. М., Дзержинский район).

Если сгруппировать этнические стереотипы молдаван Беларуси, выявленные нами в ходе опроса, то они следующие. Молдаване характеризуют себя (автостереотип) как открытых, душевных, более радушных («душа нараспашку, они всех пускают в свою душу, в свой дом, в свой мир»), гостеприимных, трудолюбивых и предприимчивых, активных, эмоциональных,

горячих, энергичных («не сидят на месте»), веселых, заводных людей. Из национальных черт с некоторой негативной коннотацией один из респондентов назвал вспыльчивость. В качестве основных характерных для представителей их собственного этноса

жизненных установок респонденты-молдаване выделили значимость традиционной семьи и сохранение гендерных отношений (доминирование мужчины в семье) и семейных ценностей, взаимопомощь и взаимосвязь на уровне как родственной группы, так и сельского коллектива.

Акцент на особом трудолюбии и гостеприимстве молдаван делают и белорусы: молдаване – очень трудолюбивый народ, они много работают, при этом являются веселыми, жизнерадостными, гостеприимными людьми. Интерес представляют противоположные характеристики поведенческой активности, даваемые молдаванами и белорусами в отношении друг друга. Так, если молдаване воспринимают белорусов спокойными и «павольнымі», то белорусы со своей стороны характеризуют молдаван как неспокойных (с положительной коннотацией), имея в виду, что они активные и энергичные (Р., г. Минск).

Для сравнения приведем также набор наиболее часто встречаемых характеристик, которыми белорусы Молдовы наделяют молдаван: это трудолюбивые, гостеприимные, открытые, добрые, хлебосольные, отзывчивые, веселые и жизнерадостные люди [5, с. 315–338].

Гетеростереотип молдаван в отношении белорусов следующий: они трудолюбивые, дружелюбные, миролюбивые, гостеприимные, добрые, мягкие, спокойные, более степенные, в том числе в работе. Ряд характеристик (многострадальный народ, очень терпеливый к невзгодам, к каким-то жизненным ситуациям, не требовательный к жилищным условиям, не требовательный к жилищам) отнесены к особенностям белорусского национального характера. Вместе с тем многие респонденты характеризуют белорусов как более холодных, или «северных», дистанцированных, осторожных в общении, замкнутых и даже скрытных, медлительных людей.

Заключение

При изучении этнических установок молдаван Беларуси важным представлялось рассмотреть различные аспекты проявления толерантности у исследуемого этноса, проанализировать стереотипы этнического восприятия, в первую очередь гетеростереотипы. Молдаване рассматривают белорусов как славян с близким им менталитетом. Соответственно, основные черты национального характера, которыми молдаване наделяют свой этнос, они относят и к белорусам. Среди них такие качества, как трудолюбие, дружелюбие, миролюбие, гостеприимство, доброта, добродушие. Наибольшие различия в межэтнических стереотипах связаны с представлениями молдаван об открытости, трудолюбии (усердии в труде) и гостеприимстве. При употреблении данных понятий по отношению к молдавскому этносу нередко используется усиление с помощью употребления слова «более».

Сравнение автостереотипов молдаван с гетеростереотипами белорусов в отношении молдавского населения показывает, что они во многом совпадают. Что касается характеристики «шустрые» и описания «у них много показухи», то их следует считать эмоционально окрашенными. В связи с вышеуказанным

отметим, что модель поведения живущих в Молдове белорусов также изменилась под воздействием молдавского этнокультурного пространства. Эти изменения являются очевидными как для них самих, так и для их соотечественников на родине, которые нередко называют живущих в Молдове представителей своего этноса «молдаван» («молдаванка»). О том, что, прожив длительный период времени в этой республике и тесно контактируя с молдаванами, они стали немного другими (более «шустрыми», предприимчивыми и т. п.), говорят и сами белорусы Молдовы [3].

Таким образом, анализ авто- и гетеростереотипов молдаван Беларуси через призму межэтнического взаимодействия показал, что молдаване воспринимают белорусов как близких им по культуре, религии, менталитету людей. Из ответов респондентов можно сделать вывод о формировании положительных представлений о белорусах, среди которых много знакомых и друзей. Позитивное восприятие белорусов и установка на тесное взаимодействие с ними, межэтническую коммуникацию и межнациональные браки свидетельствуют об интеграции молдаван в местное социокультурное пространство.

Библиографические ссылки

1. Ракитина ОВ, Багдасарян ЛМ. Особенности межэтнических авто- и гетеростереотипов. В: *Ярославский педагогический вестник*. 2008;1:41–47.
2. Квилинкова ЕН. Молдавская диаспора в Беларуси: динамика численности, расселение и причины переселения. *Весті НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук*. 2024;69(2):128–140.
3. Квилинкова ЕН, Сакович ВА. *Белорусы в Молдове и Молдова в белорусах*. Минск: Беларуская навука; 2021. 454 с.
4. Квилинкова ЕН. *Гагаузы в Молдове и Беларуси: грани идентичности и стратегия самосохранения*. Минск: Беларуская навука; 2023. 383 с.
5. Сакович ВА. *Белорусы в этнокультурном пространстве Молдовы*. Кишинев: Tipografia centrala; 2011. 848 с.

Получена 03.05.2024 / исправлена 13.01.2025 / принята 13.01.2025.
Received 03.05.2024 / revised 13.01.2025 / accepted 13.01.2025.

АРХЕОЛОГИЯ

АРХЕАЛОГІЯ

ARCHAEOLOGY

УДК 903(476.1)«633»

НОВЫЙ ПАМЯТНИК КУДЛАЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЮБАНЬ-9 (РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2021–2022 гг.)

А. Н. ВАШАНОВ¹⁾, М. И. ТКАЧЕВА¹⁾

¹⁾Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Представлены первые результаты археологического изучения нового мезолитического памятника Любань-9. Поселение выявил в 2020 г. Н. Н. Кривальцевич во время обследования территории в зоне запланированного строительства пожарного депо в г. Любани (Минская область). В полевых сезонах 2021–2022 гг. поселение было исследовано на площади 21 м². Археологическая коллекция насчитывает 820 артефактов, из которых 803 артефакта представляют собой изделия из различных пород камня (кремнь, кварцит, кварц). Бескислородные условия залегания способствовали сохранению на территории поселения органических материалов (дерево, кость и пр.). Анализ особенностей стратиграфии показывает особый характер поселения среди мезолитических древностей региона. Обнаруженные материалы имеют широкий спектр соответствий с памятниками кудлаевской культуры на территории Беларуси (Озерное-1, Озерное-2Б, Любань-1, Любань-7 и др.). На основе полученных радиоуглеродных дат время существования поселения относится к концу 10-го – началу 8-го тыс. до н. э., что соответствует первой половине пребореального – концу второй фазы бореального периода и хронологически относится к раннему мезолиту. Таким образом, Любань-9 является первым поселением кудлаевской культуры на территории Беларуси, для которого удалось определить абсолютный возраст.

Ключевые слова: археология; мезолит; кудлаевская культура; стратиграфия; планиграфия; радиоуглеродное датирование; микролиты.

Образец цитирования:

Вашанав АМ, Ткачова МІ. Новы помнік кудлаеўскай культуры Любань-9 (вынікі археалагічных даследаванняў 2021–2022 гг.). *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2025;1:71–84.
EDN: JZVBXF

For citation:

Vashanau AM, Tkachova MI. The new site of the Kudlaivka culture Luban-9 (results of archaeological research of 2021–2022). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2025;1:71–84. Belarusian.
EDN: JZVBXF

Авторы:

Александр Николаевич Вашанов – научный сотрудник отдела археологии первобытного общества.
Мария Ивановна Ткачева – научный сотрудник отдела археологии первобытного общества.

Authors:

Aliaksandr M. Vashanau, researcher at the department of archeology of primitive society.
vashanau@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0081-1770>
Maryia I. Tkachova, researcher at the department of archeology of primitive society.
tkachova.maryia@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4247-3370>

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г23-079 «Сообщества охотников-рыболовов раннего голоцена по данным археологических и естественно-научных исследований поселений Полесья и Приполесья». Авторы выражают искреннюю благодарность докторанту докторантуры точных и естественных наук Лодзинского университета Д. Цвирко за помощь в описании и интерпретации стратиграфии и полученных датировок.

НОВЫ ПОМНИК КУДЛАЕЎСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЮБАНЬ-9 (ВЫНІКІ АРХЕАЛАГІЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ 2021–2022 гг.)

А. М. ВАШАНАЎ^{1*}, М. І. ТКАЧОВА^{1*}

^{1*}Институт истории НАН Беларуси, вул. Академичная, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Анотация. Представлены первые вынікі археалагічнага вывучэння новага мезалітычнага помніка Любань-9. Поселішча выявіў у 2020 г. М. М. Крывальцэвіч падчас абследавання тэрыторыі ў зоне запланаванага будаўніцтва пажарнага дэпо ў г. Любані (Мінская вобласць). На працягу палявых сезонаў 2021–2022 гг. паселішча было даследавана на плошчы 21 м². Археалагічная калекцыя налічвае 820 артэфактаў, з якіх 803 артэфакты ўяўляюць сабой вырабы з розных парод каменю (крэмень, кварцыт, кварц). Аналіз асаблівасцей стратыграфіі паказвае адметнасць паселішча сярод мезалітычных старажытнасцей рэгіёна. Бескіслародныя ўмовы залягання паспрыялі захаванню на тэрыторыі паселішча арганічных матэрыялаў (дрэва, костка і г. д.). Сярод выяўленых артэфактаў прадстаўлены асобныя жаўлакі і абломкі без слядоў апрацоўкі (сыравіна), прэнуклеусы, нуклеусы і тэхнічныя формы, звязаныя з прыгатаваннем, эксплуатацыяй і падпраўкай нуклеусаў, прадукты дэбітажу, прылады працы і адыходы ад іх вытворчасці. Выяўленыя матэрыялы маюць шырокае кола адпаведнікаў з помнікамі кудлаеўскай культуры на тэрыторыі Беларусі (Азярное-1, Азярное-2Б, Любань-1, Любань-7 і інш.). На падставе атрыманых радыевугляродных дат час існавання паселішча адносіцца да канца 10-га – пачатку 8-га тыс. да н. э., што адпавядае першай палове прэбарэальнага – канцу другой фазы барэальнага перыяду і храналагічна суадносіцца з раннім мезалітам. Такім чынам, Любань-9 з’яўляецца першым паселішчам кудлаеўскай культуры на тэрыторыі Беларусі, для якога атрымалася вызначыць абсалютны ўзрост.

Ключавыя словы: археалогія; мезаліт; кудлаеўская культура; стратыграфія; планіграфія; радыевугляроднае датаванне; мікраліты.

Падзяка. Даследаванне выканана пры падтрымцы БРФФД у межах навуковага праекта № Г23-079 «Згуртаванні паляўнічых-рыбалоў ранняга галацэну па даных археалагічных і прыродазнаўчых даследаванняў паселішчаў Палесся і Перадпалесся». Аўтары выказваюць шчырую падзяку дактаранту дактарантуры дакладных і прыродазнаўчых навук Лодзінскага ўніверсітэта Д. Цвирко за дапамогу ў апісанні і інтэрпрэтацыі стратыграфіі і атрыманых радыевугляродных дат.

THE NEW SITE OF THE KUDLAIVKA CULTURE LUBAN-9 (RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF 2021–2022)

A. M. VASHANAU^a, M. I. TKACHOVA^a

^aInstitute of History, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademichnaja Street, Minsk 220072, Belarus

Corresponding author: A. M. Vashanau (vashanau@gmail.com)

Abstract. The article presents the first results of the archaeological research of the new Mesolithic site Luban-9. The settlement was discovered in 2020 by M. M. Kryvalcevic during a survey of the territory in the planned construction of a fire station in the city of Luban (Minsk Region). During the 2021–2022 field seasons the settlement was investigated on an area of 21 m². The archaeological collection includes 820 artifacts, among which 803 are artifacts of various raw material types (flint, quartzite, quartz). Anoxic conditions of occurrence contributed to the possibility of preserving organic materials (wood, bone, etc.) on the territory of the settlement. The analysis of the stratigraphy shows the distinctiveness of the settlement among the Mesolithic antiquities of the region. The discovered materials find a wide range of analogies on the site of the Kudlaivka culture on the territory of Belarus (Aziarnoje-1, Aziarnoje-2B, Luban-1, Luban-7, etc.). Based on the obtained radiocarbon dating, the settlement dates to the end of the 10th and the beginning of the 8th millenium BC, which corresponds to the first half of the Preboreal – the end of the second phase of the Boreal period and is chronologically related to the early Mesolithic. Thus, Luban-9 is the first settlement of the Kudlaivka culture on the territory of Belarus for which it was possible to determine the absolute age.

Keywords: archeology; Mesolithic; Kudlaivka culture; stratigraphy; planigraphy; radiocarbon dating; microliths.

Acknowledgements. The research was carried out with the support of Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research within the framework of the scientific project No. Г23-079 «Community of hunter-fishermen of the early Holocene according to archaeological and natural science studies of the settlements of Polesie and Prepolesie». The authors express their sincere gratitude to the doctoral student of the doctoral school of exact and natural sciences (University of Lodz) D. Tsvirko, for his help in the description and interpretation of the stratigraphy and the obtained datings.

Уводзіны

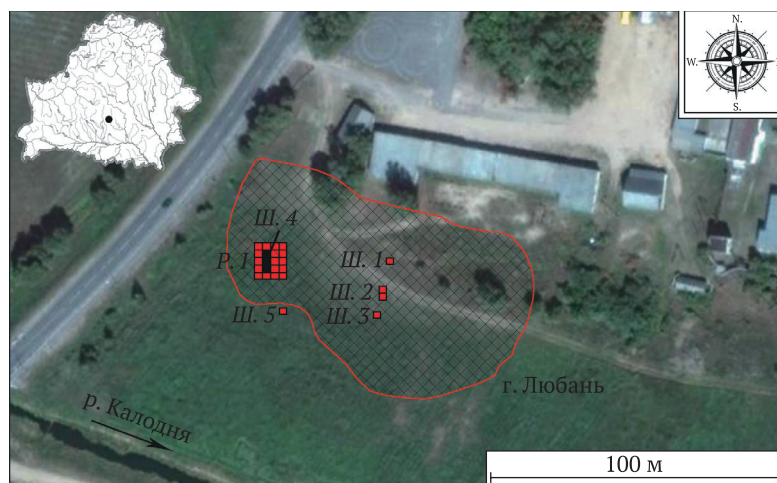
Помнік Любань-9 выявіў у 2020 г. М. М. Крывальцэвіч падчас абследавання тэрыторыі ў зоне запла-наванага будаўніцтва пажарнага дэпо ў г. Люба-ні (Мінская вобласць). Згодна з геамарфалагічным раяніраваннем Беларусі помнік размешчаны ў цэнтральнай частцы Перадпалескай раўніны. Даследчык правёў збор пад’ёмнага матэрыялу і заклаў тры шурфы агульнай плошчай 5 м², якія пацвердзілі наяўнасць культурнага слоя. М. М. Крывальцэвіч датаваў помнік у шырокіх межах каменнага веку, пры гэтым у комплексе былі вылучаны асобныя крамянёвыя вырабы фінальнага палеаліту – мезаліту і неаліту¹.

Па той прычыне, што тэрыторыя помніка фактычна цалкам трапляла ў зону будаўніцтва пажарнага дэпо, было прынята рашэнне правесці дадатковыя даследаванні з мэтай удакладнення меж паселішча і храналогіі яго існавання.

У чэрвені 2021 г. аўтары артыкула заклалі дадатковы шурф 4 плошчай 3 м² і шурф 5 плошчай 1 м². Шурфы былі разбіты праз 0,45 км на захад ад лініі шурфаў 2020 г. і праз 0,1 км на паўночны ўсход ад маста цераз р. Калодня ў затарфаваным поплаве.

Шурф 4 быў прымеркаваны да месца, дзе на аголенай паверхні торфу былі знойдзены апрацаваныя крэмені і фрагменты абвугленага дрэва, якія трапілі на паверхню з ніжэйшых напластаванняў у выніку работы цяжкай тэхнікі. Асаблівасці стратыграфіі шурфа і характару выяўленай калекцыі спрыялі працягу даследаванняў на большых плошчах. У 2021 г. да ўсходняй і паўночнай сценак шурфа 4 былі прырэзаны 11 м², пасля чаго ён быў пашыраны да памераў раскопу (раскоп I). У 2022 г. да заходняй сценак раскопу 2021 г. былі прырэзаны яшчэ 6 м². Шурф 5 быў закладзены праз 20 м на поўдзень ад шурфа 4 з мэтай выяўлення паўднёвай мяжы помніка (мал. 1).

У выніку правядзення даследаванняў 2021–2022 гг. паселішча было вывучана на плошчы 21 м². Помнік даследаваўся шляхам зняцця ўмоўных механічных пластоў (па 10 см кожны). Выбарка культурнага слоя ажыццяўлялася шуфлікамі. У межах умоўных пластоў вялася планіграфічная фіксацыя змен характару напластаванняў. Усе артэфакты, дрэва і камяні фіксаваліся ў трохмернай сістэме каардынат. Грунт дадаткова не прасейваўся і не прамываўся.

Мал. 1. Размяшчэнне помніка Любань-9 з пазначанымі шурфамі і раскопам (Р. I – раскоп I; Ш. 1–5 – шурфы 1–5)

Fig. 1. The location of the Luban-9 site with marked pits and trench (Р. I – trench 1; Ш. 1–5 – pits 1–5)

¹Крывальцэвіч М. М. Аб правядзенні археалагічных даследаванняў у 2020 г. у зоне будаўніцтва аб’екта «Строительство горно-обогатительного комплекса мощностью от 1,1 до 2,0 млн т хлорида калия в год на сырьевой базе Нежинского (восточная часть) участка Старобинского месторождения калийных солей (четвертая очередь. Инфраструктура в г. Любани. Пожарное депо)» // Арх. археал. і навук. дакументаў Ін-та гісторыі Нац. акад. навук Беларусі. Спр. [б. н.]. Арк. 8, 13.

Падчас правядзення даследаванняў на помніку ў 2021–2022 гг. была сабрана калекцыя, што складалася з 820 артэфактаў (табл. 1), з якіх 134 артэфакты выяўлены ў выніку паверхневых збораў, 686 артэфактаў знойдзены ў час раскопак. У 2021 г.

М. М. Крывальцэвічам былі выяўлены 119 артэфактаў, якія не ўлічваюцца ў дадзеным даследаванні². У артыкуле прадстаўлены вынікі двух палявых сезонаў археалагічных даследаванняў, што праводзіліся на помніку Любань-9.

Табліца 1

Агульная структура археалагічнай калекцыі, сабранай на помніку Любань-9

Table 1

General structure of the archaeological collection from the Luban-9 site

Матэрыял	Раскоп I 2021 г. (11 м ²)	Раскоп I 2022 г. (6 м ²)	Паверхневые зборы	Усяго
Крэмень	423	239	131	793
Кварц	2	–	1	3
Кварцыт	6	1	–	7
Костка	–	4	–	4
Кераміка	1	–	2	3
Шалупінне арэха	1	8	–	9
Грыб трутавік	1	–	–	1
Усяго	434	252	134	820

Тапаграфія і стратыграфія помніка

Паселішча Любань-9 размешчана на паўднёвай ускраіне г. Любані (паміж Любанскім сыраробным заводам і гаражамі, што належаць упраўленню па адукацыі, спорце і турызме Любанскага райвыканкама) на левым беразе р. Калодні прыблізна праз 0,8 км на паўночны захад ад месца яе ўпадзення ў р. Арэсу (басейн р. Прыпяці). Помнік займае паўднёвую частку левабярэжнай тэрасы ракі. Вышыня тэрасы ў гэтым месцы складае каля 6 м. Мысападобны выступ вышынёй 1–2 м паступова пераходзіць у затарфаваны поплаў. Стромкі край тэрасы моцна пашкоджаны ў выніку будаўніцтва гаражоў і пракладкі лініі электраперадач. Шырыня поплаву ў месцы лакалізацыі стаянкі складае каля 0,7 км. Вядомая на сённяшні дзень зона распаўсюджвання артэфактаў займае плошчу прыблізна 0,5 га.

Аналіз стратыграфіі заходняй часткі помніка пададзены паводле раскопу I (мал. 2) і шурфа 5.

Стратыграфія заходняга профілю раскопу I 2021 г. (квадрат 1В рэканструюваны па выніках даследаванняў 2022 г.) наступная:

- пласт 1 – дзярніна і моцнаапясчаны паўраскладзены торф шэрага колеру з асобнымі лінзамі дробназярністага пяску. Магутнасць пласта 0,20–0,27 м. Пласт моцна пашкоджаны антрапагенным уздзеяннем (разворваннем). У запаўненні сустракаюцца

дробныя кавалкі шкла, цэгля, пластыку і іншых матэрыялаў. Артэфакты прадстаўлены адзінкавымі знаходкамі, якія былі перанесены ў верхнія пласты ў выніку біятурбацыі;

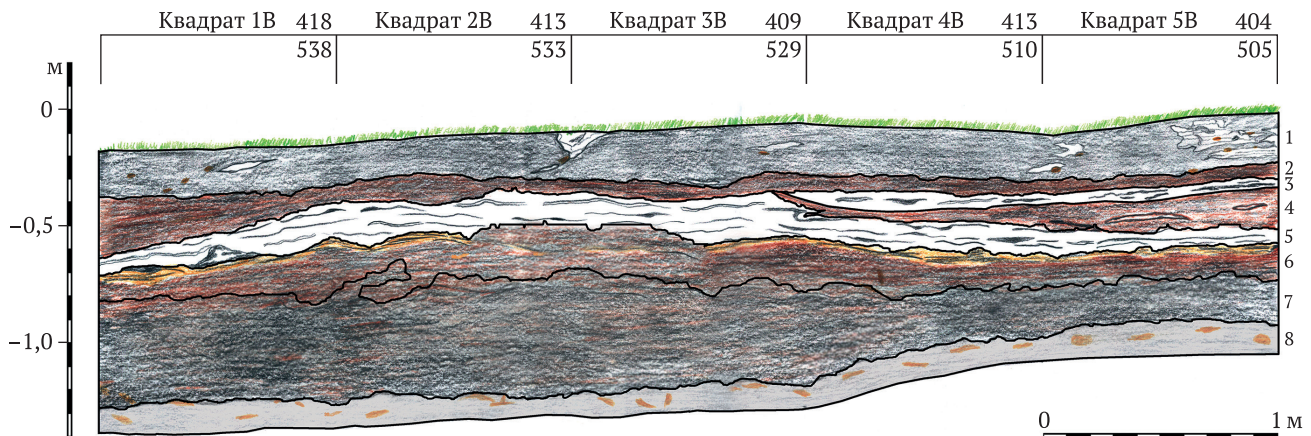
- пласт 2 – торф карычневага колеру. У пласце назіраецца павелічэнне колькасці знаходак, з’яўляюцца дрэва і галлё, фіксуюцца асобныя камяні. Магутнасць пласта 0,10–0,23 м;

- пласт 3 – дробназярністы пясок бялёсага колеру з асобнымі прапласткамі торфу, насычаны драўлянымі рэшткамі. Магутнасць пласта 0,03–0,04 м;

- пласт 4 – торф карычневага колеру. У пласце сустракаецца дрэва, якое ў большасці выпадкаў пераходзіць у наступны пласт. Магутнасць пласта 0,10–0,12 м;

- пласт 5 – дробназярністы пясок бялёсага колеру. Бліжэй да нізу назіраецца змена пясчанай дробназярністай фракцыі на буйназярністую. У пласце прысутнічаюць прапласткі арганікі. Артэфакты з дадзенага слоя ў пераважнай большасці вызначаюцца вельмі дробнымі памерамі. Выразна фіксуецца падзенне пласта ў паўднёва-заходнім напрамку, што можа тлумачыцца нахілам берага ў бок р. Калодні. Магутнасць напластаванняў паступова змяншаецца ў паўднёвай частцы раскопу. Так, у квадраце 1А яны прадстаўлены тонкай лінзай. Магутнасць пласта 0,10–0,13 м;

²Крывальцэвіч М. М. Аб правядзенні археалагічных даследаванняў у 2020 г. ... Арк. 13.

Мал. 2. Заходні профіль раскопу I 2021 г. на помніку Любань-9 (квадрат 1В рэканструяваны па выніках даследаванняў 2022 г.; тут і далей лічбамі на граніцах квадратаў пазначаны даныя нівеліроўкі) (малюнак А. М. Вашанавы)

Fig. 2. Western profile of the trench I 2021 on the Luban-9 site (metre 1B is reconstructed basing on the results of 2022 research; hereinafter the numbers on the square boundaries indicate the leveling data) (drawing by A. M. Vashanau)

- пласт 6 – моцнаапясчаны торф бялёса-карычневага колеру. У пласце трапляецца вялікая колькасць дрэва. Магутнасць пласта 0,10–0,12 м;
- пласт 7 – торф карычневага колеру. Магутнасць пласта 0,15–0,17 м;
- пласт 8 – сярэднезярністы пясок цёмна-шэрага колеру. У плане графіі пласт мае плямістую структуру, утвораную раскладзенай арганікай. Сутракаюцца асобныя шышкі сасны. Адзінкавыя крамянёвыя артэфакты прымеркаваны да верхняй часткі пласта. Магутнасць пласта 0,15–0,20 м.

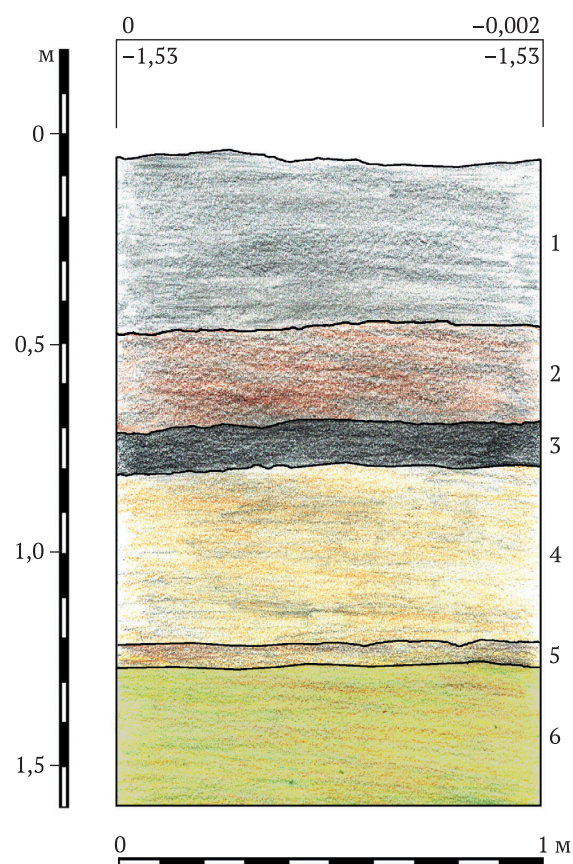
Характар запаўнення і ўнутраных структур адкладаў у пластах бялёсых дробназярністых пяскоў сведчыць аб іх дэлювіяльным генезісе.

Пачынаючы з глыбіні 0,4 м у раскопе з’яўляюцца ствалы дрэў і галлё, якія сустракаюцца да глыбіні 1 м і цалкам знікаюць у апошнім пласце сярэднезярністага пяску. Большая частка ствалоў размешчаны доўгай воссю ў напрамку паўночна-ўсход – паўднёва-заход. Дрэвы раўнамерна размеркаваны па ўсёй плошчы раскопу і не ўтвараюць відавочных структур. На дадзены момант нельга звязаць захаваныя фрагменты дрэў з дзейнасцю чалавека або імавернымі канструкцыямі.

У шурфе 5, які быў размешчаны праз 20 м уніз на поўдзень ад раскопу I, была адзначана крыху іншая стратыграфічная сітуацыя (мал. 3).

Стратыграфія шурфа 5 (усходні профіль) выглядае наступным чынам:

- пласт 1 – дзярніна і моцнаапясчаны паўраскладзены торф шэрага колеру, пашкоджаны антрапагенным уздзеяннем (разворваннем). Магутнасць пласта каля 0,4 м. У пласце да глыбіні 0,25–0,30 м сустракаюцца бітая цэгла, поліэтылен, шкло;
- пласт 2 – торф карычневага колеру, насычаны арганікай, у тым ліку дрэвам. Магутнасць пласта 0,35 м;

Мал. 3. Усходні профіль шурфа 5 на помніку Любань-9 (2021 г.) (малюнак А. М. Вашанавы)

Fig. 3. Eastern profile of the pit 5 on the Luban-9 site (2021) (drawing by A. M. Vashanau)

- пласт 3 – торф чорнага колеру. Магутнасць пласта 0,1 м;
- пласт 4 – арганічная гітыя або торф (?) карычневага колеру з вялікай колькасцю арганікі, у тым

ліку дрэва. Магутнасць пласта 0,4 м. На глыбіні 1,23 м выяўлены фрагменты дробных костак птушкі;

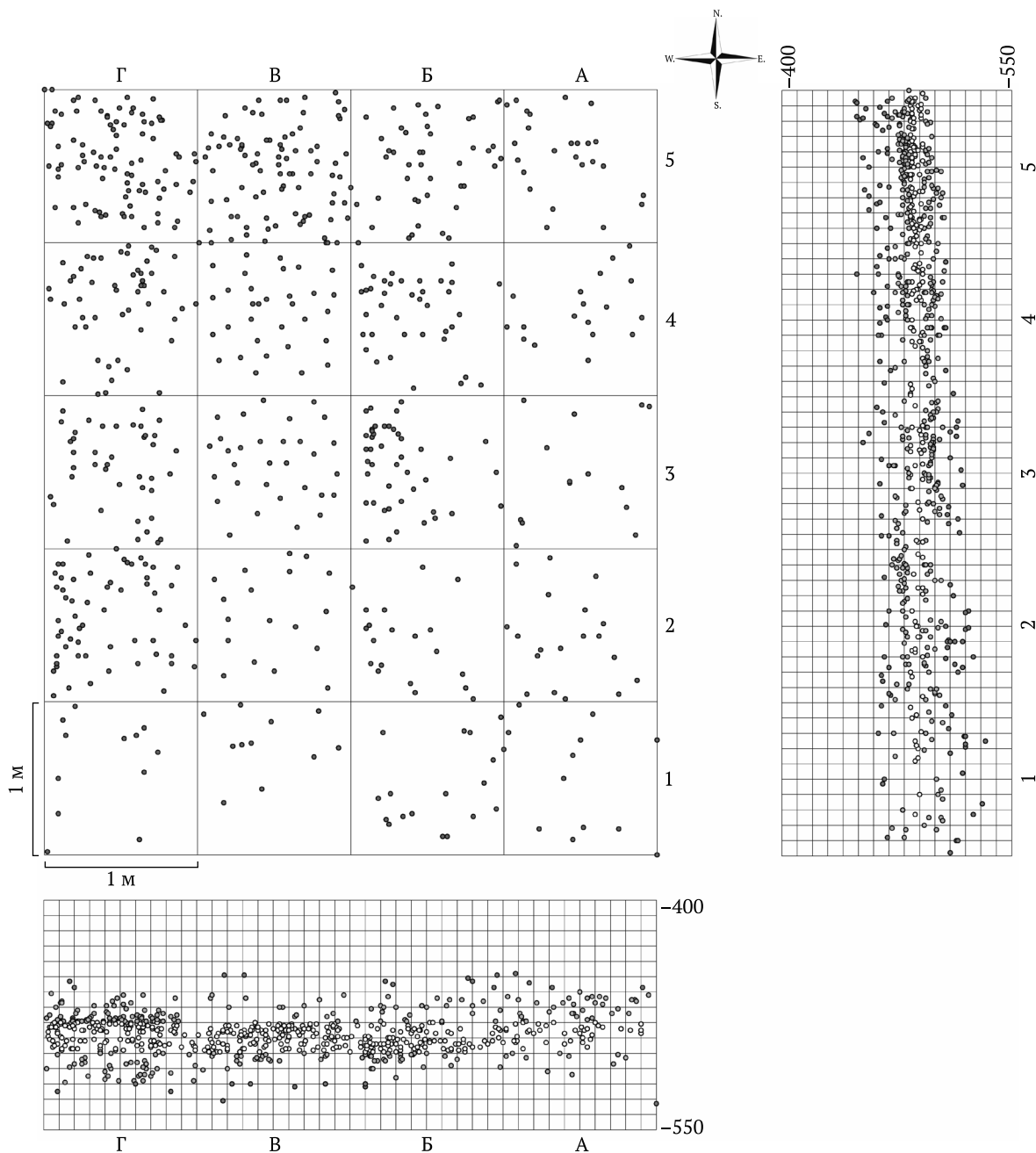
- пласт 5 – аргана-карбанатная гітыя. Магутнасць пласта 0,05 м;
- пласт 6 – карбанатная гітыя аліўкавага колеру. Магутнасць пласта 0,23 м.

У шурфе 5, які быў даследаваны на глыбіню 1,53 м, не было выяўлена артэфактаў, а птушыныя косткі на дадзены момант цяжка звязаць з жыццядзейнасцю чалавека. Адсутнасць артэфактаў у шурфе сведчыць аб тым, што ён трапіў па-за межы паселішча.

Археалагічны матэрыял помніка

Планіграфічны аналіз структуры размеркавання знаходак у раскопе I паказаў іх колькасна нераўнамернае размеркаванне на розных участках (мал. 4, крок клеткі на малюнку 10 см). Агульная колькасць артэфактаў на 1 м² вагалася ад 11 да 88 адзінак.

Менш за ўсё знаходак было зафіксавана па паўднёвай лініі квадратаў, тут іх колькасць вагалася ад 11 да 18 артэфактаў на 1 м² ($\mu = 13,5$ (μ – сярэдняе значэнне колькасці артэфактаў)). Больш за ўсё артэфактаў прыпала на заходнюю лінію квадратаў –

Мал. 4. Планіграфія размеркавання артэфактаў на помніку Любань-9 (раскоп I)

Fig. 4. Planigraphy of the distribution of artifacts at the Luban-9 site (trench I)

ад 12 да 88 на 1 м² ($\mu = 50,6$). У цэнтральнай і паўночна-ўсходняй частках раскопу можна прасачыць пэўную канцэнтрацыю артэфактаў, якая пераходзіць у заходні і паўночны профілі раскопу. Для вызначэння характару дадзенай канцэнтрацыі і ўнутраных сувязей паміж матэрыялам яе запаўнення неабходна правядзенне далейшых даследаванняў.

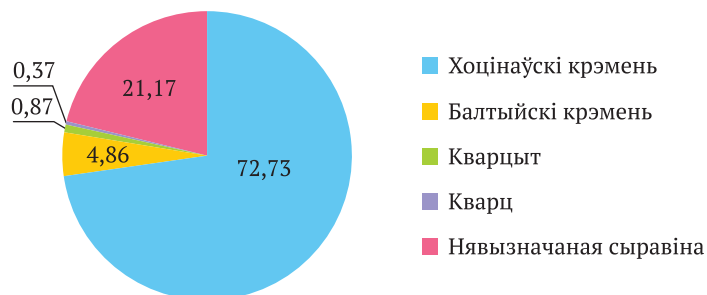
Магутнасць пласта залягання артэфактаў вагалася ад 0,15 да 0,90 м на розных участках помніка. Аналізуючы профіль у напрамку поўнач – поўдзень, можна заўважыць павелічэнне вертыкальнага роскідку артэфактаў. Так, калі па лініям квадратаў 4 і 5 фіксуецца іх кампактнае залягання, то ўжо на лініі квадратаў 1–3 адзначаецца павелічэнне магутнасці залягання за кошт роскідку знаходак па вертыкалі (гл. мал. 4). Адзначаецца нахіл пласта з артэфактамі ў паўднёвым напрамку.

Аналіз профілю па лініі захад – усход паказвае шчыльнае размяшчэнне артэфактаў па лініі квадратаў Г–В–Б, пры гэтым на лініі квадрата А адзначаецца роскід знаходак па вертыкалі (гл. мал. 4). Фіксуецца невялікі нахіл пласта залягання артэфактаў у заходнім напрамку. Такім чынам, у стратыграфіі пласта з артэфактамі можна адзначыць нязначны нахіл у напрамку паўночна ўсход – паўднёвы захад.

Калекцыя, выяўленая на помніку, складаецца з крэмянёвых, кварцытавых і кварцавых вырабаў, нешматлікіх фрагментаў керамікі, костак, шалупіння ляснога арэха і адзінкавай знаходкі грыба трутавіка (гл. табл. 1). Грыб трутавік мог трапіць у пласт натуральным шляхам, аднак ён мог выкарыстоўвацца старажытным насельніцтвам паселішча ў якасці тарту для здабычы агню. Падобная выснова знаходзіць пацвярджэнне ў матэрыялах каменнага і бронзавага вякоў, знойдзеных на тэрыторыі Беларусі і сумежных рэгіёнаў [1, с. 44, 48, рис. 13; 2]. Акрамя таго, на помніку былі выяўлены 15 камянёў, якія неабходна адносіць да катэгорыі манупортаў – прыродных аб'ектаў без слядоў адмысловай апрацоўкі, што былі перанесены чалавекам з першапачатковага месца залягання на тэрыторыю помніка. Да правядзення трасалагічных даследаванняў выяўленых манупортаў немагчыма адказаць на пытанне, якім чынам яны выкарыстоўваліся на паселішчы.

На помніку быў знойдзены адзін фрагмент ляпнога начыння, які неабходна звязваць са старажытнасцямі ўсходнепалескай культуры і датаваць эпохай неаліту, а таксама два дробныя фрагменты кругавой керамікі XIX – пачатку XX ст.

Асноўную частку калекцыі складаюць артэфакты, зробленыя з розных парод каменю (мал. 5).

Мал. 5. Доля відаў сыравіны на помніку Любань-9, %
(малюнак А. М. Вашанава)

Fig. 5. Share of types of raw materials on Luban-9 site, %
(drawing by A. M. Vashanau)

Сыравінная гаспадарка. На падставе праведзенага візуальнага макраскапічнага аналізу ў калекцыі каменных вырабаў было зафіксавана 4 віды сыравіны⁵:

1) хоцінаўскі крэмень (мал. 6, а), з якога зроблены 584 артэфакты, знойдзеныя на помніку. Найбольш блізкім да помніка з'яўляецца радовішча каля в. Хоцінава Любанскага раёна, якое знаходзіцца праз 13 км на паўночны ўсход ад стаянкі [3, с. 13; 4, с. 49];

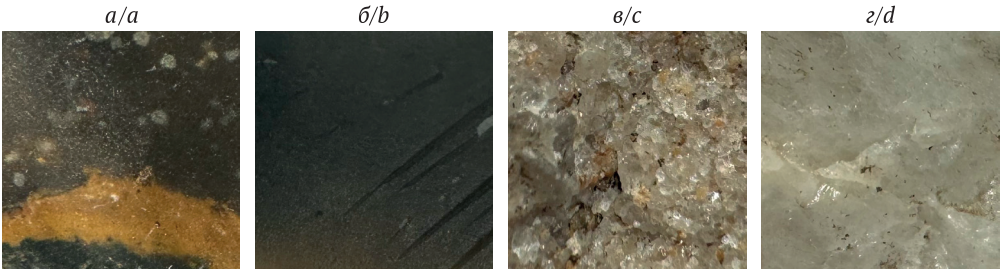
2) балтыйскі крэмень (мал. 6, б), з якога зроблены 39 артэфактаў. Найбольш верагодна, што балтыйскі крэмень спарадычна трапляўся на паверхні ма-

рэнных адкладаў у бліжэйшым наваколлі ад стаянкі. Гэта меркаванне пацвярджаецца прысутнасцю на паверхні вырабаў, выкананых з дадзенага віду сыравіны з натуральнай залічнай паверхняй і пацінай;

3) кварцыт (мал. 6, в), з якога зроблены 7 артэфактаў. Дадзеная сыравіна добра прадстаўлена ў навакольных марэнных адкладах;

4) кварц (мал. 6, г), з якога зроблены 3 вырабы. Такі матэрыял у вялікай колькасці сустракаецца ў ваколіцах стаянкі. Звяртае на сябе ўвагу той факт, што ў калекцыі прадстаўлены кварц снежна-белага колеру. Эксперыменты па апрацоўцы гэтай сыравіны,

⁵Пры аналізе сыравіны ўлічваліся толькі знаходкі, якія мелі сляды апрацоўкі або маглі быць выкарыстаны ў якасці сыравіны. Пры падліках не ўлічваліся манупорты, выяўленыя на помніку.

Мал. 6. Віды сыравіны на помніку Любань-9
Fig. 6. Types of raw materials on Luban-9 site

праведзеныя падчас напісання артыкула, сведчаць, што кварц дадзенага колеру амаль не мае ўнутраных трэшчын і ў выніку расколвання дазваляе атрымліваць сколы большай даўжыні. Такім чынам, можна меркаваць, што істотнае значэнне пры адборы сыравіны меў яе колер.

Для 170 знаходак з крэменю не атрымалася дакладна вызначыць від сыравіны па прычынах тэрмічнага ўздзеяння і пацінізацыі артэфектаў.

Тэхніка-марфалагічная структура інвентару. Агульная тэхніка-марфалагічная структура каменнага інвентару адлюстравана ў табл. 2.

Табліца 2

Агульная тэхніка-марфалагічная структура каменнага інвентару, знойдзенага на помніку Любань-9
(па выніках даследаванняў 2021–2022 гг.)

Table 2

The general technical and morphological structure of the stone inventory from the Luban-9 site
(according to the results of research in 2021–2022)

Марфалагічная група	Тэхнічная катэгорыя	Раскоп I 2021 г. (11 м ²)	Раскоп I 2022 г. (6 м ²)	Паверхневыя зборы	Усяго
I	Канкрэцыі і іх фрагменты без слядоў апрацоўкі	10	3	1	14
	Канкрэцыі і іх фрагменты з негатывамі асобных сколаў	6	1	–	7
II	Прэнуклеусы	–	1	–	1
	Нуклеусы аднапляцовачныя	9	6	2	17
	Нуклеусы двухпляцовачныя	3	–	–	3
	Нуклеусы са зменай арыентацыі	7	1	–	8
	Фрагменты нуклеусаў	8	2	–	10
	Рабрыстыя сколы і іх фрагменты	8	–	–	8
	Падрабрыстыя сколы і іх фрагменты	5	–	–	5
	Сколы падпраўкі пляцоўкі нуклеуса	2	3	1	6
	Сколы падпраўкі фронту нуклеуса	4	–	–	4
	Сколы карэкцыі вугла сколвання	1	–	–	1
	Сколы з захлыстам і іх фрагменты	7	4	–	11
III	Пласціны і іх фрагменты	69	30	21	120
	Адшчэпы і іх фрагменты	106	53	31	190
	Нявызначаныя фрагменты сколаў	20	3	15	38
	Нявызначаныя абломкі	27	16	14	57
	Лускавінкі	96	89	40	225
	Прадукты біпалярнага расшчаплення	3	1	1	5

Заканчэнне табл. 2
Ending of the table 2

Марфалагічная група	Тэхнічная катэгорыя	Раскоп I 2021 г. (11 м ²)	Раскоп I 2022 г. (6 м ²)	Паверхневыя зборы	Усяго
IV	Мікраліты і іх фрагменты	9	3	–	12
	Скрабкі і іх фрагменты	1	2	3	6
	Скрэблы і іх фрагменты		2	–	2
	Разцы і іх фрагменты	5	7	–	12
	Праколкі і іх фрагменты	4	–	–	4
	Пласціны са скошаным рэтушшу канцом	4	–	–	4
	Прылады тыпу пік		–	1	1
	Цёслы і іх фрагменты	2	4	–	6
	Камбінаваныя прылады	1	1	–	2
	Прылады зубчаста-выемістыя	–	1	–	1
	Пласціны з рэтушшу і іх фрагменты	6	1	–	7
	Адшчэпы з рэтушшу і іх фрагменты	4	–	–	4
	Нявызначаныя фрагменты прылад	–	2	1	3
	Разцовыя сколы	2	3	1	6
	Мікраразцы	–	1	–	1
	Адбойнікі	1	–	–	1
	Адбойнікі-рэтушоры	1	–	–	1
Усяго		431	240	132	803

Заўвага. Рымскімі лічбамі пазначаны наступныя марфалагічныя групы: I – сыравіна; II – прэнуклеусы, нуклеусы і тэхнічныя формы, звязаныя з прыгатаваннем, эксплуатацыяй і падпраўкай; III – прадукты дэбітажу; IV – прылады працы і адходы ад іх вытворчасці.

Сыравіна. Катэгорыя прадстаўлена 21 знаходкай і складае 2,62 % ад агульнай колькасці каменнага інвентару ў калекцыі. У культурных напластаваннях былі знойдзены 14 крамянёвых жаўлакоў і абломкаў без слядоў апрацоўкі. Матэрыял усіх знаходак – хоцінаўскі крэмень. Таксама да дадзенай тыпалагічнай групы аднесены 7 жаўлакоў і крамянёвых абломкаў з негатывамі асобных сколаў праверкі якасці сыравіны, 5 з якіх зроблены з хоцінаўскага крэменю. Тып крамянёвай сыравіны 1 артэфекта не атрымалася вызначыць па прычыне значнай пацінізацыі паверхні. Яшчэ 1 артэфект выкананы з кварцу.

Прэнуклеусы, нуклеусы і тэхнічныя формы, звязаныя з іх прыгатаваннем, эксплуатацыяй і падпраўкай. Група артэфектаў налічвае 74 адзінкі, што складае 9,22 % ад агульнай колькасці каменнага інвентару.

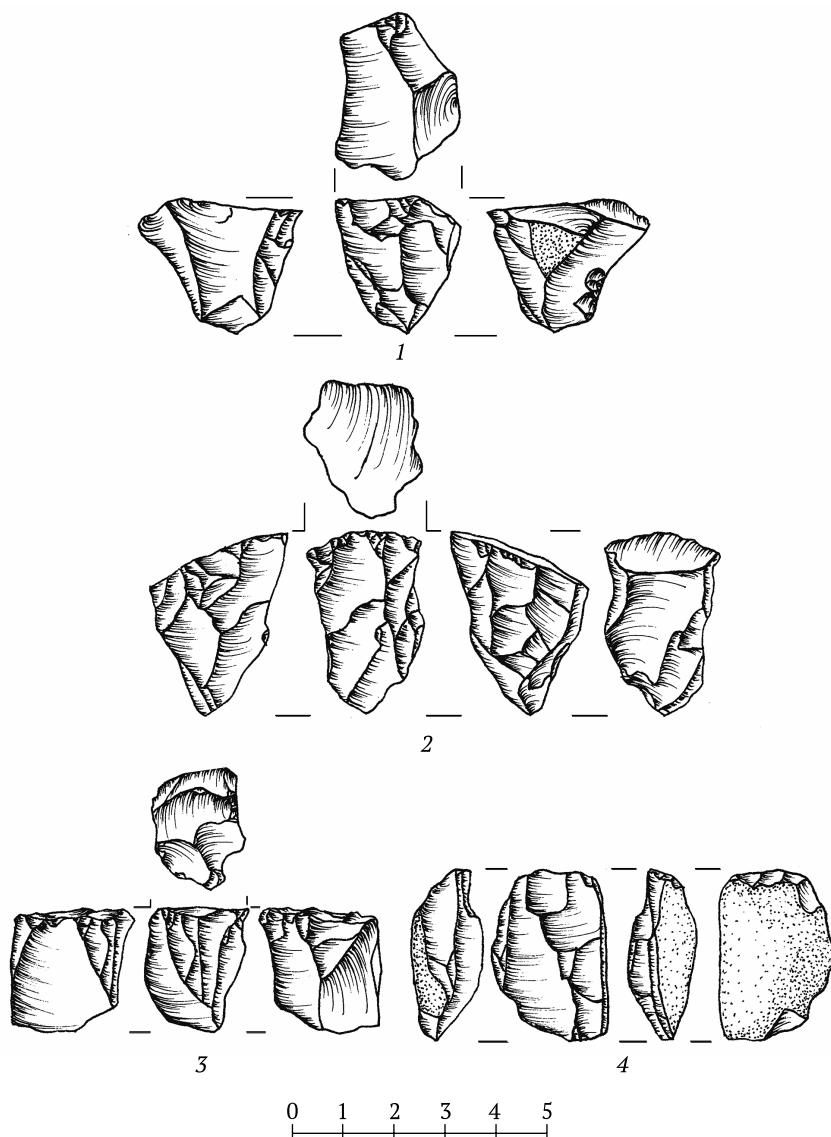
Прэнуклеусы прадстаўлены 1 артэфектам (0,12 % ад агульнай колькасці каменнага інвентару). Выраб мае аформлены двума сколамі фронт зняцця нарых-

товак і пляцоўку, якая сфарміравана адным сколам і знаходзіцца на пачатковай стадыі эксплуатацыі.

Нуклеусы і іх фрагменты налічваюць 38 артэфектаў (4,73 % ад агульнай колькасці каменных знаходак). У залежнасці ад колькасці пляцовак сколвання вылучаюцца тры тыпы нуклеусаў:

1) нуклеусы аднапляцовачныя (17 артэфектаў, сярод якіх 15 артэфектаў выкарыстоўваліся для атрымання пласцін і адшчэпаў з кругавым сколваннем, 1 монафрантальны – для атрымання пласцін і адшчэпаў без апрацоўкі контрфронта (мал. 7, 4), 1 монафрантальны – для атрымання пласцін і адшчэпаў з поўным афармленнем бакоў і контрфронта (мал. 7, 1));

2) нуклеусы двухпляцовачныя (3 артэфекты, сярод якіх 1 артэфект прымяняўся для атрымання пласцін і адшчэпаў з раздзельнымі плоскасцямі сколвання (мал. 7, 2), 1 монафрантальны – для атрымання пласцін і адшчэпаў з поўнай апрацоўкай бакоў і контрфронта, 1 монафрантальны – для атрымання плас-

Мал. 7. Нуклеусы з помніка Любань-9
(малюнак А. М. Вашанавы)

Fig. 7. Cores from Luban-9 site
(drawing by A. M. Vashanau)

цін і адшчэпаў з поўнай апрацоўкай латэралей без дадатковай апрацоўкі контрфронту);

3) нуклеусы са зменай арыентацыі (8 артэфактаў, сярод якіх 7 артэфактаў прымяняліся для атрымання пласцін і адшчэпаў (мал. 7, 3), 1 – для атрымання адшчэпаў).

Фрагменты нуклеусаў прадстаўлены 10 артэфактамі. Ступень фрагментацыі знаходак не заўжды дазваляе вызначыць іх тып.

Рабрыстыя сколы і іх фрагменты налічваюць 8 артэфактаў, 7 артэфактаў прадстаўлены аднабаковымі формамі, 1 з якіх фрагментаваная. Да двухбаковых форм аднесены 1 выраб.

Колькасць падрабрыстых сколаў і іх фрагментаў складае 5 артэфактаў, сколаў падпраўкі пляцоўкі нуклеуса – 6 артэфактаў, сколаў падпраўкі фронту нуклеуса – 4 артэфакты, сколаў карэкцыі вугла сколвання – 1 артэфакт. Сколы з захлыстам і іх фрагменты

налічваюць 11 артэфактаў, 10 з якіх прадстаўлены цэлымі формамі, 1 – фрагментам.

Прадукты дэбітажу. Група прадстаўлена 635 артэфактамі, што складае 79,08 % ад агульнай колькасці каменных вырабаў.

Пласціны і іх фрагменты налічваюць 120 артэфактаў. Сярод пласцін прадстаўлены 35 звычайных адзінак (вырабы, на якіх скарынка займае не больш 10 % ад агульнай плошчы паверхняў артэфакта), 14 падскарыністых адзінак (вырабы, на якіх скарынка займае 10–50 % ад агульнай плошчы паверхняў артэфакта), 6 скарыністых адзінак (вырабы, на якіх скарынка займае больш 50 % ад агульнай плошчы паверхняў артэфакта). Акрамя гэтага, 56 пласцін уяўляюць сабой фрагменты, 25 з якіх з’яўляюцца праксімальнымі, 16 – медыяльнымі, 15 – дыстальнымі. Знаходкі з кварцыту прадстаўлены 1 вырабам.

Адшчэпы і іх фрагменты ўключаюць 190 артэ-фактаў, 73 з якіх уяўляюць сабой звычайныя адшчэ-пы, 46 – падскарыністыя, 21 – скарыністыя адшчэпы. У выглядзе фрагментаў прадстаўлены 50 экзэмпляраў. Колькасць артэфактаў з кварцыту складае 3 адзінкі.

Колькасць нявызначаных фрагментаў сколаў скла-дае 38 артэфактаў.

Нявызначаныя абломкі налічваюць 57 артэфак-таў, 2 з якіх прадстаўлены знаходкамі, выкананымі з кварцу, і 1 – знаходкамі, выкананымі з кварцыту, рэшта артэфактаў зроблены з іншых тыпаў сыра-віны.

Лускавінкі прадстаўлены 225 артэфактамі. У да-дзеную катэгорыю ўвайшлі ўсе сколы, дыяметр якіх не перавышае 2 см.

Прадукты біпалярнага расшчаплення ўключаюць 5 артэфактаў. Колькасць лушчняў складае 2 экзэмп-ляры (1 з якіх прадстаўлены ў выглядзе фрагмента), колькасць лушчнёвых сколаў – 3 экзэмпляры. Дадзе-ная катэгорыя артэфактаў магла ўтварыцца ў выніку мэтанакіраванага выкарыстання як тэхналогіі біпа-лярнага расшчаплення, так і спадарожных аперацый.

Прылады працы і адыходы ад іх вытворчасці. Гэта катэгорыя вырабаў прадстаўлена 73 артэфак-тамі, што складае 9,09 % ад агульнай колькасці ка-менных артэфактаў у калекцыі. Да групы прылад працы былі аднесены 66 артэфактаў. Адыходы ад вытворчасці прылад працы налічваюць 7 артэфак-таў. Сярод вырабаў з другаснай апрацоўкай дамі-нуюць катэгорыі мікралітаў і разцоў.

Мікраліты і іх фрагменты налічваюць 12 артэ-фактаў. На помніку выяўлены 2 вастрыі тыпу ставіно-га (мал. 8, 6, 7), 3 ланцэтападобныя вастрыі і іх фраг-менты (мал. 8, 4, 5), 4 мікрапласцінкі з прытупленым рэтушшу краем і іх фрагменты (мал. 8, 1–3). Зной-дзены таксама 1 вастрыё тыпу камарніца (мал. 8, 8), 1 нераўнабокі трыкутнік і 1 вузкі сегмент. Адыходы ад вытворчасці мікралітаў прадстаўлены 1 праксі-мальным мікраразцом.

Разцы ўключаюць 12 артэфактаў, сярод якіх – 6 рэ-тушных разцоў, 4 адзінарныя разцы (мал. 8, 12, 13), 1 разец на зломе нарыхтоўкі, выкананыя як на плас-цінах, так і на адшчэпах, а таксама 1 разец нуклеапа-добнай формы. Акрамя гэтага, вылучаюцца адыходы ад вытворчасці або падпраўкі гэтых прылад – раз-цовыя сколы (6 экзэмпляраў). Усе артэфакты маюць трохграннае папярэчнае сячэнне.

Скрабкі і іх фрагменты прадстаўлены 6 артэфак-тамі, 5 з якіх зроблены на пласцінах і 1 – на адшчэпе.

Скрэблы і іх фрагменты налічваюць 2 артэфакты, 1 з якіх прадстаўлены фрагментам.

Пласціны са скошаным рэтушшу канцом укля-чаюць 4 артэфакты, сярод якіх 1 сфарміраваны на пласціне, знятай з двухплячовачнага нуклеуса (мал. 8, 9, 10).

Праколкі і іх фрагменты прадстаўлены 4 артэ-фактамі, з якіх 2 артэфакты ўяўляюць сабой цэ-

лыя вырабы на пласцінах, 2 артэфакты з’яўляюцца фрагментаванымі. У аднаго з фрагментаваных вы-рабаў джала вылучана паўстромкай дарсальнай рэ-тушшу з двух бакоў (мал. 8, 11).

Колькасць прылад тыпу пік складае 1 артэфакт (мал. 8, 15). Прылада выканана на невялікай канк-рэцыі або на яе фрагменце. У папярэчным сячэнні яна мае няроўныя абрысы, якія ў залежнасці ад част-кі вырабу могуць змяняцца ад падквадратнага да падакруглага. Абодва канцы прылады моцна згла-джаны.

Цёслы і іх фрагменты ўключаюць 6 артэфактаў, 1 выраб прадстаўлены ў выглядзе нарыхтоўкі, 1 – у выглядзе фрагмента абуховай часткі. Астатнія пры-лады прадстаўлены цэлымі формамі, выкананымі на фрагментах жаўлакоў або на буйных адшчэпах (мал. 8, 14). Вастрыёныя часткі ўсіх знаходак сфар-міраваны сколам траншэ.

Камбінаваныя прылады прадстаўлены 2 артэ-фактамі. Першы выраб уяўляе сабой праколку без вылучанага джала і пласціну са скошаным рэтушшу канцом. Другі выраб прадстаўлены скрабком і адзі-нарным бакавым разцом. Працоўныя часткі аформ-лены на супрацьлеглых баках вырабаў.

Колькасць прылад зубчаста-выемістых складае 1 артэфакт. Выраб сфарміраваны на адшчэпе. Вы-емка аформлена паўстромкай вентральнай рэтушшу.

Пласціны з рэтушшу і іх фрагменты ўключаюць 7 артэфактаў, з якіх 2 артэфакты ўяўляюць сабой цэлыя вырабы, 5 артэфактаў з’яўляюцца фрагмен-таванымі. Апошнія прадстаўлены 2 праксімальнымі і 3 медыяльнымі часткамі пласцін.

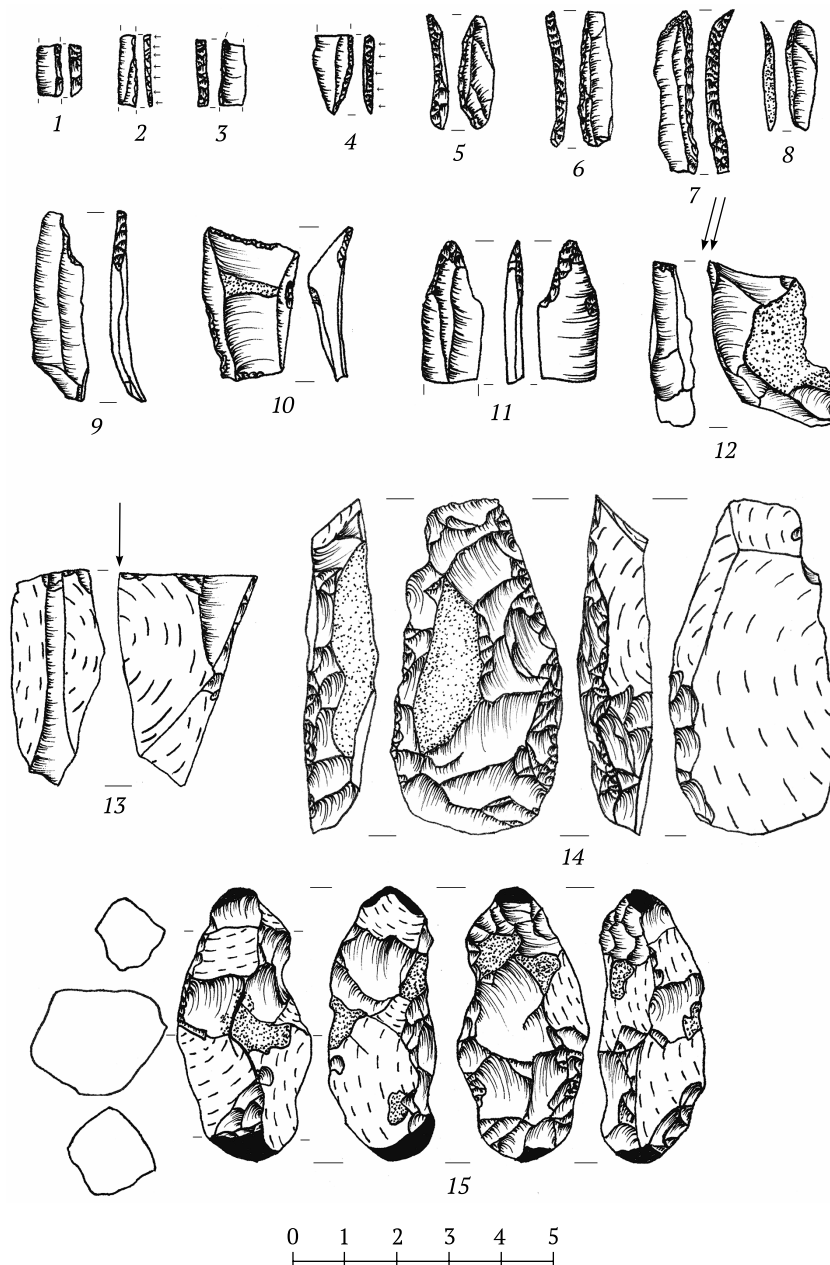
Колькасць адшчэпаў з рэтушшу – 4 артэфакты. Усе знаходкі прадстаўлены цэлымі асобнікамі.

Нявызначаныя фрагменты прылад прадстаўлены 3 артэфактамі. Стан захаванасці вырабаў, а таксама іх невялікія памеры не дазваляюць правесці даклад-нае тыпалагічнае вызначэнне знаходак.

На помніку Любань-9 знойдзены 1 адбойнік-рэту-шор. Выраб прадстаўлены фрагментам, па краі яко-га прысутнічаюць сляды збітасцей. Міжнегатыўныя грані на сколах па ўсёй яго паверхні моцна згладжаны.

Адбойнік таксама прадстаўлены 1 артэфактам. Да дадзенай катэгорыі артэфактаў залічаны фрагмент крамянёвага жаўлака, пакрытага скарынкай, на ад-ным з краёў якога прысутнічаюць моцныя збітасці.

Такім чынам, выяўленыя на помніку нуклеусы, дэбітаж і прылады з другаснай апрацоўкай знахо-дзяць адпаведнікі ў старажытнасцях кудлаеўскай мезалітычнай культуры. Прадстаўленыя формы ну-клеусаў па марфалогіі і спосабе апрацоўкі адпавя-даюць класічным формам дадзенай культуры, выяў-леным на помніках Любатынь-3 [5, с. 18, мал. 3, 1–11], Азярное-1 [6], Кабяляй-2 [7, р. 61, fig. 7, 3–5], Куль-1 [8]. Пласціны і адшчэпы характарызуюцца невялікімі па-мерамі і нерэгулярнасцю абрысаў, што таксама з’яў-ляецца характэрнай адзнакай супольнасці. Група

Мал. 8. Вырабы з другой апрацоўкай на помніку Любань-9
(малюнак А. М. Вашанава)

Fig. 8. Tools on Luban-9 site (drawing by A. M. Vashanau)

мікралітаў прадстаўлена тыпамі, шырока распаўсюджанымі сярод старажытнасцей кудлаеўскай культуры (Любатынь-3, Азярное-1, Кабяляй-2) [5–7]. Ад-

сутнасць слядоў іншых культур у тарфяной частцы помніка дазваляе аднесці яго да «чыстых» помнікаў гэтай таксанамічнай адзінкі.

Храналогія помніка

Храналогія помніка будуюцца на серыі радыевугляродных дат, атрыманых па ўзорах торфу і рэштках дрэў, якія выяўлены ў тарфяных напластаваннях. Радыевугляроднае датаванне выканана сцынтыляцыйным метадам падліку актаў радыеактыўнага распаду (^{14}C) у філіяле цэнтральнай лабараторыі Навукова-вытворчага цэнтра па геалогіі. Адбор узораў вёўся на розных глыбінях з мэтай сфарміраваць поўны

хронастратыграфічны профіль адкладаў помніка. Усяго было атрымана 7 дат, 3 з якіх звязаны з перыядам функцыянавання паселішча, 4 – з перыядам пачатку і канца торфанакаплення на паселішчы. Стандартныя хібнасці датавання знаходзяцца ў межах 70–150 гадоў (табл. 3). Усе даты былі адкалібраваны пры дапамозе праграмы *OxCal* (версія 4.4) [9] з выкарыстаннем набору даных калібровачнай шкалы *IntCal20* [10].

Таблица 3

Радыеуглеродные даты з помніка Любань-9

Table 3

Radiocarbon dates from the Luban-9 site

Лабораторны нумар	Канвенцыйны радыеуглеродны ўзрост, BP	Калібраваны ўзрост		Матэрыял	Кантэкст
		BC	cal BP		
IGSB-2025	12 060 ± 150	12 192–11 813 (68,3 %) 12 851–11 573 (95,4 %)	14 141–13 762 (68,3 %) 14 800–13 522 (95,4 %)	Абвугленае дрэва	Раскоп I, глыбіня 0,9–1,0 м
IGSB-2026	11 945 ± 150	12 073–11 662 (68,3 %) 12 225–11 537 (95,4 %)	14 022–13 611 (68,3 %) 14 174–13 486 (95,4 %)	Торф	Шурф 5, глыбіня 1,25–1,30 м
IGSB-2027	9470 ± 120	9122–8622 (68,3 %) 9230–8471 (95,4 %)	11 071–10 571 (68,3 %) 11 179–10 420 (95,4 %)	Торф	Раскоп I, глыбіня 0,75–0,81 м
IGSB-2028	4980 ± 80	3914–3877 (68,3 %) 3952–3642 (95,4 %)	5863–5601 (68,3 %) 5901–5591 (95,4 %)	Торф	Раскоп I, глыбіня 0,30–0,35 м
IGSB-2048	3565 ± 70	2023–1775 (68,3 %) 2135–1696 (95,4 %)	3972–3724 (68,3 %) 4084–3645 (95,4 %)	Дрэва	Раскоп I, глыбіня 0,7–0,8 м
IGSB-2090	8850 ± 100	8205–7818 (68,3 %) 8250–7611 (95,4 %)	10 154–9767 (68,3 %) 10 199–9560 (95,4 %)	Атарфаваная пясчаная глеба	Раскоп I, глыбіня 0,75–0,80 м
IGSB-2091	9150 ± 110	8542–8276 (68,3 %) 8704–8014 (95,4 %)	10 491–10 225 (68,3 %) 10 653–9963 (95,4 %)	Атарфаваная пясчаная глеба	Раскоп I, глыбіня 0,85–0,90 м

Заўвагі: 1. Выкарыстаны наступныя скарачэнні: BP – гадоў да нашых дзён (0 = 1950); BC – гадоў да нашай эры; cal BP – калібраваных гадоў назад. 2. У працэнтах прыводзіцца верагоднасць датавання пасля калібравання.

Найбольш старажытныя даты былі атрыманы па рэштках абвугленага дрэва з раскопу I, узятых на глыбіні 0,9–1,0 м ад дзённай паверхні на пераходзе ад сярэднезярністага пяску да торфу ў квадраце 1А (пласты 8 і 9), і па торфе з усходняга профілю шурфа 5 з глыбіні 1,25–1,30 м (пласт 8). Першая дата пасля калібравання паказала прамежак 14 141–13 762 cal BP. Фактычна сінхронізуецца з папярэдняй другая дата, атрыманая па торфе, – 14 022–13 611 cal BP. Гэтыя даты адпавядаюць перыяду алероду і вызначаюць пачатак торфанакаплення на помніку.

Даты, што характарызуюць час жыццядзейнасці чалавека на помніку, былі атрыманы па напластаваннях карычневага торфу з раскопу I, узятых з глыбіні 0,75–0,81 і 0,85–0,90 м (пласт 7) ад сучаснай дзённай паверхні. Першая дата была ўзята з усходняга профілю ў квадраце 2А, другая – з заходняга профілю ў квадраце 3Г, трэцяя – з паўднёвага профілю ў квадраце 1В. Першая дата пасля калібравання прыпала на

прамежак 11 071–10 571 cal BP, другая – на прамежак 10 491–10 225 cal BP, трэцяя – на прамежак 10 154–9767 cal BP. Атрыманыя датаванні суадносяцца з прэбарэальным перыядам – першай паловай барэальнага перыяду. Такая храналогія адпавядае перыяду ранняга мезаліту. Выяўленыя падчас даследавання крамянёвыя матэрыялы па сваіх тыпалагічных і тэхналагічных асаблівасцях цалкам адпавядаюць вынікам радыеуглероднага датавання.

Самыя познія даты былі атрыманы па торфе і дрэве з раскопу I. Першая проба была адабрана з заходняга профілю раскопу з глыбіні 0,30–0,35 м са слоя торфу (пласт 2), які знаходзіцца над слоём бялёсага дробназярністага пяску. Пасля калібравання дата прыпала на прамежак 5863–5601 cal BP, што адпавядае пачатку перыяду суббарэалу. На нашу думку, дадзенае датаванне павінна маркіраваць час спынення фарміравання прапластка пяска і пачатку ўтварэння тарфяных адкладаў на іх паверхні. Апош-

ная дата была атрымана па дрэве, узятым з глыбіні 0,7–0,8 м у раскопе I на мяжы квадратаў 5А і 5Б. Пасля калібравання быў выяўлены прамежак 3972–3724 cal BP, што прыпадае на канец суббарэалу. Такую познюю дату можна патлумачыць асаблівасцямі стратыгра-

фіі ў месцы адбору пробы. На дадзеным участку ў профілі адзначаюцца даволі сур'ёзныя біятурбацыйныя змены, што, магчыма, прывялі да пераадакладу часткі самых верхніх напластаванняў у больш глыбокія.

Заклучэнне

У 2021–2022 гг. быў даследаваны новы помнік эпохі мезаліту ў цэнтральнай частцы Перадпалесся. Выяўленыя на помніку матэрыялы па сваіх тыпалагічных і тэхналагічных асаблівасцях адпавядаюць характарыстыкам кудлаеўскай культуры. Да вядомых помнікаў з артэфактамі кудлаеўскай культуры адносяцца паселішчы Азярное-1, Азярное-2Б, Любань-1, Любань-7 у басейне р. Арэсы.

Атрыманыя матэрыялы дазваляюць удакладніць уяўленні аб сыравіннай гаспадарцы прадстаўнікоў кудлаеўскай культуры. Значная перавага хоцінаўскага крэменю ў калекцыі сведчыць аб даступнасці радовішчаў дадзенага віду сыравіны, якія былі размешчаны на невялікай адлегласці ад паселішча. Таксама ў калекцыі выяўлена нязначная колькасць артэфактаў з іншых відаў сыравіны, што можа тлумачыцца сітуацыйнымі патрэбамі гаспадарчай дзейнасці.

Упершыню для кудлаеўскай культуры былі атрыманы радыевугляродныя даты, якія дазваляюць аднесці існаванне паселішча Любань-9 да перыяду пачатку прэбарэалу – канца другой фазы барэалу, што адпавядае раньняму мезаліту. На карысць дадзенай храналогіі сведчыць таксама адсутнасць у матэрыялах калекцыі трапечыя, якія з'яўляюцца пазней [11].

Прымеркаванасць да тарфяных адкладаў дазваляе захоўваць рэчы з арганічных матэрыялаў, што робіць дадзены помнік важным для вывучэння старажытнасцей гэтай таксанамічнай адзінкі на тэрыторыі Беларусі. Працяг даследавання помніка Любань-9 узбагаціць уяўленні аб розных аспектах развіцця кудлаеўскай культуры ў рэгіёне ў раннім мезаліце.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Артеменко ИИ. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР. В: Бадер ОН, редактор. *Памятники каменного и бронзового веков Евразии*. Москва: [б. и.]; 1964. с. 31–87.
2. Pyżewicz K, Rozbiegalski P. Sposoby rozpalania ognia w młodszej epoce kamienia na terenie ziem polskich w kontekście badań eksperymentalno-traseologicznych. *Swiatowit*. 2012;9:259–272.
3. Вашанаў АМ, Ткачова МІ, Слах Г. Крамянёвая сыравіна цэнтральнай часткі Перадпалесся: радовішчы і выкарыстанне на помніках каменнага веку. У: Трубчык А, рэдактар. *ARS LONGA. Навуковыя дасягненні і перспектывы. Тэзісы II канферэнцыі маладых даследчыкаў Інстытута гісторыі НАН Беларусі, прысвечанай 90-годдзю Інстытута гісторыі НАН Беларусі; 4–5 красавіка 2019 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі; 2019. с. 13.
4. Vashanau A, Tkachova M, Slah G, Asheichyk V. A new type of flint raw material from the Southern Belarus: preliminary notes on characterization and distribution. In: Nemergut A, Cheben I, Ruttkayov J, Pyżewicz K, editors. *«Fossil directeur»: a phenomenon over time and space. Abstract book of the 16th SKAM Lithic workshop; 2019 October 21–23; Nitra, Slovak Republic*. Nitra: [s. n.]; 2019. p. 49–50.
5. Зализняк ЛЛ. *Население Полесья в мезолите*. Киев: Наукова думка; 1991. 159 с.
6. Кудряшов ВЕ, Кривальцевич НН. Озерное-1 – новый памятник кудлаевской культуры эпохи мезолита в Белорусском Полесье. *Гістарычна-археалагічны зборнік*. 1994;5:87–102.
7. Ostrauskas T. Kabeliai-2 Stone age site. *Archaeologia Baltica*. 2002;5:51–82.
8. Вашанаў АМ. Куль-1 – мезалітычная стаянка ў басейне Шчары. *Матэрыялы па археалогіі Беларусі*. 2017;28:148–160.
9. Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon*. 2009;51(1):337–360. DOI: 10.1017/S0033822200033865.
10. Reimer PJ, Austin WEN, Bard E, Bayliss A, Blackwell PG, Bronk Ramsey C, et al. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*. 2020;62(4):725–757. DOI: 10.1017/RDC.2020.41.
11. Kozłowski SK. Z problematyki polskiego mezolitu (cz. 2). O podziale chronologicznym. W: Chmielewski W, redaktor. *Materiały do prehistorii plejstocenu i wczesnego holocenu Polski*. Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk; 1967. s. 46–75.

Атрымана 10.05.2024 / выпраўлена 11.09.2024 / прынята 13.01.2025.
Received 10.05.2024 / revised 11.09.2024 / accepted 13.01.2025.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Кви́линкова Е. Н. Молдаване Беларуси: этнокультурная идентичность и интеграция. Минск : Беларус. наука, 2024. 614 с.

Квілінкова Л. М. Малдаване Беларусі: этнакультурная ідэнтычнасць і інтэграцыя. Мінск : Беларус. навука, 2024. 614 с. (на рус.).

Kvilinkova E. N. Moldovans of Belarus: ethnocultural identity and integration. Minsk : Belarus. navuka, 2024. 614 p. (in Russ.).

Проблемы феномена этничности, роли религии и языка в политических и социальных процессах, а также роли государства в адаптации и интеграции этнических групп исследуются представителями разных научных дисциплин, но прежде всего этнологами и этносоциологами. Этническая идентичность во многом связана с традициями предыдущих поколений, а также с языковыми особенностями. Под воздействием этих факторов формируется этническая картина мира, которая опосредованно может влиять на процесс адаптации тех или иных национальных групп. В настоящее время проблемы межкультурной коммуникации приобретают особое значение.

Вопросы идентичности являются актуальными для представителей этнических общностей, живущих в условиях диаспоры в полиэтнических государствах. В Беларуси вопросы развития национальной идентичности и этнокультурного взаимодействия белорусского народа реализуются в рамках государственной национальной политики, в том числе в рамках академических программ, направленных на формирование гармоничного общества и обеспечение гуманитарной безопасности государства. Именно этим темам посвящены многочисленные исследования белорусского этнолога, доктора исторических наук, доцента Елизаветы Николаевны Кви́линковой. Она занимается изучением процессов, протекающих как в среде этнических групп Белору-

си, так и в сообществе белорусских диаспор, в частности белорусов Молдовы.

В монографии «Молдаване Беларуси: этнокультурная идентичность и интеграция» (2024) Е. Н. Кви́линкова исследует тенденции в области межэтнического взаимодействия, интеграции и формирования национальной идентичности у проживающих в Беларуси представителей молдавской диаспоры. Общая численность молдаван в Беларуси насчитывает около 5 тыс. человек, при этом данная этническая общность не являлась объектом исследования ни молдавских, ни белорусских этнологов, что свидетельствует о ее научной новизне. Новая монография Е. Н. Кви́линковой, написанная в междисциплинарном ключе, основывается на обширном полевом материале, который был собран автором в 2020–2023 гг. Книга является достаточно большой по объему, она содержит восемь глав. Издание освещает не только происходящие в молдавском сообществе этносоциальные процессы, но и повествует о судьбах молдаван Беларуси. Работа написана научным, но доступным языком, что представляется весьма важным для читателей.

В монографии раскрываются различные аспекты жизнеустройства молдавской диаспоры в Беларуси: причины миграции, динамика численности, создание этнокультурных организаций, процесс адаптации и интеграции в местное социокультурное пространство, значимость этнической и религиозной идентичности и т. д. Один из разделов главы «Образование молдавской диаспоры в Беларуси: исторический и современный контексты» посвящен истории белорусско-молдавских отношений.

В качестве основных этнокультурных факторов адаптации молдаван Беларуси к местным социокультурным условиям автор выделила такие факторы, как субъективная значимость этнической принадлежности, уровень этнической толерантности, который

определяется отношением к межнациональным бракам, знание и восприятие государственного языка, отношение молдаван к белорусам через характеристику их черт и выявление их гетеростереотипа, степень восприятия традиций местного населения. Процесс адаптации молдаван рассматривается Е. Н. Квилинковой по ряду критериев: уровню комфорта, продолжительности проживания, степени вовлеченности в процесс интеграции, включению местного населения в круг друзей и родственников. Значимость этнической идентичности молдаван Беларуси автор анализирует в связи с функциональной значимостью для них родного языка, а также в контексте способов этнической и гражданской идентификации, используемых вторым поколением молдавской диаспоры.

В работе рассматриваются механизмы репрезентации и трансляции молдавской национальной культуры, в том числе в контексте взаимодействия диаспоры с Посольством Республики Молдова в Республике Беларусь. На страницах издания показана роль праздника «Мэрцишор» как национального культурного бренда Молдовы. Богато иллюстрированный материал, освещающий деятельность функционирующих при молдавской общине вокальных и танцевальных ансамблей и групп, придает книге особый колорит, достоверность и ценность. Примечательно, что большинство фотографий сделаны автором.

Е. Н. Квилинкова провела анализ представленности в жизни молдаван Беларуси национальных блюд и показала, что национальная кухня является одним из наиболее консервативных элементов народной культуры, способствующих сохранности их идентичности в условиях диаспоры. Отметим, что данные выводы подтверждаются и результатами проведенных нами исследований, посвященных белорусской национальной кухне. В своем исследовании Елизавета Николаевна не ограничивается выявлением символов молдавской национальной кухни (мамалыга, голубцы, плацинды, брынза, вино) и приводит дополнительный материал, который свидетельствует о том, что виноделие является важной составляющей культурно-генетического кода молдаван. Несмотря на отсутствие в Беларуси подходящих климатических условий для выращивания винограда и изготовления вина, многие молдаване стремятся сохранить свои винодельческие традиции.

Одна из глав книги, написанная в антропологическом ключе, отражает не только области деятельности, в развитие которых молдаване внесли свой вклад, но и жизненный путь каждой из персоналий, а также присущие молдаванам ментальные установки и нравственные ценности. Приведенные Е. Н. Квилинковой данные опроса показывают, что молдаване, проживающие в Беларуси, реализуют себя в самых разных сферах профессиональной деятельности. При этом большинство представителей молдавской

диаспоры в Беларуси задействованы в сельском хозяйстве. Области наиболее тесного межэтнического взаимодействия молдавских и белорусских специалистов оказались животноводство и садоводство.

В главе «Этноязыковая и гражданская идентичность молдаван Беларуси: формы взаимодействия и взаимосвязи» автор выявляет особенности процесса интеграции молдаван и формирования у них гражданской идентичности, показывает привлекательность белорусского государства для национальных меньшинств. На основании данных опроса автор показывает, что Беларусь воспринимается молдаванами как ментально близкая страна. Очевидно, одним из факторов успешной интеграции молдаван в Беларусь выступает то, что они свободно владеют русским языком, который в Беларуси является вторым государственным языком. Для современного человека большое значение имеет самореализация, поэтому убедительным представляется тезис автора о том, что значимую роль в адаптации молдаван в нашей стране играет наличие возможностей для профессионального развития. В этом отношении показательным является тот факт, что многие молдаване называют Беларусь своей второй родиной и никто из опрошенных не высказал намерения вернуться в Молдову или переехать в другую страну.

Степень адаптации и интеграции представителей диаспоры рассматривается Е. Н. Квилинковой посредством анализа интенсивности межэтнической коммуникации. В работе делается вывод о том, что в отношении белорусов у молдаван сформировался положительный этнический стереотип, свидетельствующий о близкой культурной дистанции, соответствующей модели *свой – другой*, а не модели *свой – чужой*. Автор описывает выработанные молдаванами принципы межэтнического взаимодействия, которые свидетельствуют о том, что они с уважением относятся к принятым в белорусском обществе нормам, ценностям и правилам поведения. В работе рассмотрены праздники, ставшие для молдаван Беларуси традиционными (День Независимости Республики Беларусь, 9 Мая, Республиканский фестиваль национальных культур и др.), а также мероприятия молдавского посольства и диаспоры по увековечиванию памяти молдавских воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси, и т. д. Однако, на наш взгляд, было бы не лишним расширить в работе материал, посвященный воинам – уроженцам Молдовы, погибшим на территории Беларуси при ее защите и освобождении от немцев.

Несомненно, для этнической общности, живущей за пределами своего государства, процесс интеграции несет в себе определенную опасность. В связи с этим автор не обошел вниманием и вопрос о протекающих в рамках молдавской диаспоры ассимиляционных процессах, которые имеют естественный характер.

Анализ динамики численности молдаван Беларуси позволил Е. Н. Квилинковой сделать вывод о том, что при реальном увеличении числа молдаван в Беларуси их фактическая численность сокращается. Согласно данным опроса большинство представителей второго поколения молдаван идентифицируют себя как белорусы. Это значит, что в используемой ими форме идентификации доминирует гражданская идентичность, в то время как этническая идентичность не представляется им значимой. Показанный в работе характер данных процессов дает основание согласиться с автором в том, что идет процесс естественной ассимиляции молдаван Беларуси, в частности молдаван второго поколения. Этот вывод подтверждается и приведенными в работе статистическими сведениями, из которых следует, что заметно увеличилось число молдаван, которые для общения в семье используют белорусский язык.

В монографии представлен качественный анализ молдавского этносообщества в Беларуси. Автором подробно изучены особенности адаптации и интеграции молдаван, способы сохранения традиций и этнической идентификации, используемые представителями как первого, так и второго поколения молдавской диаспоры в Беларуси. Эти и другие нюансы показаны в работе посредством анализа расселения молдаван, восприятия ими понятия «Родина», значимости для них этнической и гражданской идентичности, использования ими родного языка и их отношения к межнациональным бракам.

Монография Е. Н. Квилинковой «Молдаване Беларуси: этнокультурная идентичность и интеграция»

имеет высокую научную и социально-практическую значимость. Впервые в этнологической науке всесторонне исследованы особенности жизнеустройства молдавской диаспоры в Беларуси. На основании обширного полевого материала проведен анализ степени интеграции молдаван в белорусское социокультурное пространство, а также выявлены особенности процесса формирования их национальной идентичности. Кроме того, автором разработана и апробирована методика изучения этнических общностей, проживающих в условиях диаспоры. Ценность указанной методики заключается в том, что она применима для изучения и других этнических общностей Беларуси. Данное обстоятельство делает книгу Е. Н. Квилинковой востребованной у широкого круга исследователей – этнологов, социологов, культурологов, психологов, специалистов в области межэтнических и национальных отношений.

О социально-практической значимости рассматриваемой монографии свидетельствует сделанный автором основополагающий вывод о том, что опыт Беларуси в вопросе формирования гражданской идентичности может служить хорошим примером для других полиэтнических государств. Данная книга позволяет изнутри рассмотреть процессы, протекающие в этнических общностях Беларуси, а также сблизить молдаван и белорусов. Таким образом, можно говорить о вкладе Е. Н. Квилинковой не только в белорусскую этнологическую науку, но и в процесс межэтнического взаимодействия в Беларуси.

*Т. А. Новогродский*¹

¹Тадэуш Антонович Новогродский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белорусского государственного университета.

Тадэвуш Антонавіч Навагродскі – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры этналогіі, музеалогіі і гісторыі мастацтваў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Tadeush A. Novogrodsky, doctor of science (history), full professor; professor at the department of ethnology, museology and history of arts, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: tadeush_minsk@mail.ru

**АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
АНАТАЦЫІ ДЭПАНАІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU**

УДК 94(4-15)«04/16»:930(476)«15/18»

Евтухов И. О. Белорусская медиевистика: XVI–XIX вв. / И. О. Евтухов ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 72 с. Библиогр.: с. 69–72. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/322063>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 20.11.2024, № 017220112024. Текст : электронный.

Монография посвящена времени зарождения на белорусских землях интереса к западноевропейской средневековой истории и последовавшему за этим периоду создания, становления и развития белорусской научной медиевистики – отрасли исторической науки, изучающей историю Западной Европы в Средние века. Исследование выполнено в рамках НИР «Белорусская медиевистика: становление, развитие, перспективы».

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Климович Л. В., Шабанова А. А., Шайпак Л. А.</i> Из опыта работы высших учебных заведений зарубежной России в 1920–30-х гг.	5
<i>Погосян С. А., Еприкян А. М.</i> Западная Армения в планах российских и армянских дипломатов в 1914–1915 гг.	12
<i>Воротнев Г. П., Демичева Т. М.</i> Альманахи и трансляция властного дискурса во время Французской революции.	21
<i>Мезга Н. Н.</i> Место Польши в рапальской политике в 1922–1926 гг.	30
<i>Нормуродова Г. Б., Холхужаева Ю. У.</i> Из истории формирования многонационального состава населения в Туркестанском крае.	39
<i>Лу Вейжан.</i> Причины развития китайской оперы в период правления императора Ваньли династии Мин.	47

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Смирнова Е. Д.</i> История повседневности в контексте зарубежной историографии.	54
---	----

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Квилинкова Е. Н.</i> Содержание образов «свой» и «другой» у молдаван Беларуси в контексте межкультурного общения.	60
---	----

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Вашанов А. Н., Ткачева М. И.</i> Новый памятник кудлаевской культуры Любань-9 (результаты археологических исследований 2021–2022 гг.)	71
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Новгородский Т. А.</i> Квилинкова Е. Н. Молдаване Беларуси: этнокультурная идентичность и интеграция.	85
Аннотации депонированных в БГУ работ.	88

ЗМЕСТ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Клімовіч Л. В., Шабанава А. А., Шайпак Л. А.</i> З вопыту працы вышэйшых навучальных устаноў замежнай Расіі ў 1920–30-я гг.	5
<i>Пагасян С. А., Епрыкян А. М.</i> Заходняя Арменія ў планах расійскіх і армянскіх дыпламатаў у 1914–1915 гг.	12
<i>Воратнеў Г. П., Дземічова Т. М.</i> Альманахі і трансляцыя ўладнага дыскурсу падчас Французскай рэвалюцыі	21
<i>Мязга М. М.</i> Месца Польшчы ў рапальскай палітыцы ў 1922–1926 гг.	30
<i>Нармурадава Г. Б., Халхужаева Ю. У.</i> З гісторыі фарміравання шматнацыянальнага складу насельніцтва ў Туркестанскім краі.....	39
<i>Лу Вейжан.</i> Прычыны развіцця кітайскай оперы ў перыяд кіравання імператара Ваньлі дынастыі Мін	47

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

<i>Смірнова А. Д.</i> Гісторыя паўсядзённасці ў кантэксце замежнай гістарыяграфіі.....	54
--	----

ЭТНАЛОГІЯ

<i>Квілінкова Е. М.</i> Змест выказаў «свой» і «іншы» ў малдаван Беларусі ў кантэксце міжэтнічных зносін.....	60
---	----

АРХЕАЛОГІЯ

<i>Вашанаў А. М., Ткачова М. І.</i> Новы помнік кудлаеўскай культуры Любань-9 (вынікі археалагічных даследаванняў 2021–2022 гг.).....	71
---	----

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

<i>Навагродскі Т. А. Квілінкова Л. М.</i> Малдаване Беларусі: этнакультурная ідэнтычнасць і інтэграцыя	85
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.....	88

CONTENTS

WORLD HISTORY

<i>Klimovich L. V., Shabanova A. A., Shaipak L. A.</i> The work of higher education institution of foreign Russia in 1920–30s	5
<i>Poghosyan S. A., Eprikyan A. M.</i> Western Armenia in the plans of Russian and Armenian diplomats in 1914–1915	12
<i>Vorotnev G. P., Demicheva T. M.</i> Almanacs and the broadcasting of power discourse during the French Revolution	21
<i>Miazga M. M.</i> Poland's place in Rapallo politics in 1922–1926	30
<i>Normuradova G. B., Kholkhuzhaeva Yu. U.</i> From the history of the formation of the multinational population in the Turkestan region	39
<i>Lu Weiran.</i> Reasons for development of Chinese opera during the Wanli Emperor period of Ming Dynasty	47

HISTORIOGRAPHY

<i>Smirnova A. D.</i> History of everyday in the context of foreign historiography	54
--	----

ETHNOLOGY

<i>Kvilinkova E. N.</i> The content of the images «our own» and «other» in the context of inter-ethnic communication	60
--	----

ARCHAEOLOGY

<i>Vashanau A. M., Tkachova M. I.</i> The new site of the Kudlaivka culture Luban-9 (results of archaeological research of 2021–2022)	71
---	----

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

<i>Novogrodsky T. A., Kvilinkova E. N.</i> Moldovans of Belarus: ethnocultural identity and integration	85
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	88

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в наукометрические базы данных научных публикаций Scopus и РИНЦ.

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 1. 2025**

**Часопіс Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.
№ 1. 2025**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы *Е. В. Жерносек, А. С. Люкевич*
Технические редакторы *М. М. Баулина, В. В. Пишкова*
Корректор *Л. А. Меркуль*

© БГУ, 2025

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 1. 2025**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors *E. V. Zhernosek, A. S. Lyukevich*
Technical editors *M. M. Baulina, V. V. Pishkova*
Proofreader *L. A. Merkul'*

© BSU, 2025